

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТРАХОВА

Сборник материалов XIII видеоконференции
(программа, тезисы выступлений, доклады)
Белгород – Москва – Санкт-Петербург

Белгород 2025

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
**«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)**

Институт общественных наук и массовых коммуникаций
Научная библиотека имени Н.Н. Страхова: библиотека-музей Н.Н. Страхова
Журнал «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования»

**Институт философии
Российской академии наук**
сектор философии естественных наук

**Институт мировой литературы
Российской академии наук**
НИЦ «Русская литература
и христианская традиция»

при поддержке журнала «Вопросы философии»

государственное бюджетное учреждение культуры
«Белгородская государственная универсальная научная библиотека»

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТРАХОВА

Сборник материалов XIII видеоконференции
(программа, тезисы выступлений, доклады)

Белгород – Москва – Санкт-Петербург

Белгород 2025

УДК 1(47+57)(092)

ББК 87.3(2)522-608

Ч 77

Ч 77 Чтения памяти Николая Николаевича Страхова: сборник материалов XIII видеоконференции (программы, тезисы выступлений, доклады), Белгород – Москва – Санкт-Петербург / под редакцией П.А. Ольхова, Е.Н. Мотовниковой, Е.Ю. Чистяковой; техн. редакция О.В. Дикаревой, С.К. Зюгановой. – Белгород: ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2025. 112 с. – <http://dspace.bsuedu.ru/handle/123456789/66046> – Текст: электронный.

ISBN 978-5-9571-3961-4

В сборнике материалов XIII видеоконференции – чтений памяти Н.Н. Страхова (1828–1896) помещены программы и тексты выступлений (тезисные или полные) ведущих и молодых ученых – специалистов в области философии науки, истории русской мысли и литературно-философской критики XVIII–XIX вв. – большой «сфера разговора» образованного общества России, деятельным и разносторонним участником которой был потомственный белгородец, член-корреспондент Петербургской академии наук Н.Н. Страхов. Конференционные дискуссии имели методологически открытый, междисциплинарный характер; основным проблемно-тематическим приоритетом участников конференции было возобновление забытых частей наследия Н.Н. Страхова в ближайших и перспективных культурно-исторических контекстах герменевтической («понимающей») традиции в русской философии, науке и культуре.

Материалы сборника могут быть полезны исследователям истории и актуальных проблем русской мысли, аспирантам, студентам и всем, вновь открывающим для себя русскую философию и интеллектуальную культуру России.

Минимальные системные требования

Yandex (20.12.1) или Google Chrome (87.0.4280.141) и т. п.

скорость подключения – не менее 5 Мб/с, Adobe Reader и т. п.

УДК 1(47+57)(092)

ББК 87.3(2)522-608

ISBN 978-5-9571-3961-4

© НИУ «БелГУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Чистякова Е.Ю.

XIII чтения памяти Н.Н. Страхова (вступительный обзор) 7

**Программа видеоконференции – XIII чтений памяти Н.Н. Страхова
«ЗОЛОТОЙ ВЕК» РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: СФЕРА РАЗГОВОРА
И ВИРТУАЛЬНЫЕ АРХИВЫ XIX–XXI вв.** 10

ТЕЗИСЫ, ТЕКСТЫ ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ

СИМПОЗИУМ II РУССКАЯ МЫСЛЬ «ЗОЛОТОГО» XIX СТОЛЕТИЯ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ (ПРОБЛЕМА ПОЧВЕННИЧЕСТВА)

Первое заседание

Резник С.В., Резник Н.С.

Полемика пацифизма и милитаризма в русской религиозной философии..... 25

Борисов С.Н., Борисова О.С.

Обратная сторона фигур. Рефлексия перевода книги Петара Бояница
«Насилие. Фигуры суверенности»..... 30

Мотовникова Е.Н.

Ю.Н. Говоруха-Отрок как последователь «органической критики»

А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова 32

Титов А.Ю.

Почвенно-отечественная онтология русской культуры:

региональный аспект 34

Бердник А.Н.

Архиепископ Курский и Белоградский Феоктист (Мочульский)

как деятель духовного образования и просвещения России второй

половины XVIII – начала XIX вв. 37

Методологический семинар молодых учёных НИУ «БелГУ»

и Белгородской Православной Духовной семинарии

ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ НИКОЛАЯ НИКАНОРОВИЧА ГЛУБОКОВСКОГО (6/18. XII. 1863 – 18. III. 1937)

Щербаков И.Т.

Н.Н. Глубоковский и дело перевода Священного Писания (комментарии
к церковнославянскому переводу и переводческому опыту

К.П. Победоносцева) 38

Чуева Ю.А.

Понятие кеносиса в интерпретации Н.Н. Глубоковского 40

СИМПОЗИУМ II
РУССКАЯ МЫСЛЬ «ЗОЛОТОГО» XIX СТОЛЕТИЯ:
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ
(ПРОБЛЕМА ПОЧВЕННИЧЕСТВА)

Третье заседание

Заброскова А.О.	
Систематизация философских трудов В.Н. Карпова	42
Кузьмина В.Ю.	
Федор Михайлович Достоевский в кругу собеседников: опыт визуальной герменевтики	43
Леонова Д.О.	
Воображение как этическая и эстетическая деятельность в психологии М.И. Владиславлева	45
Гребенникова А.И.	
Смысловая поэтика А.А. Фета (опыт размышления над книгой E. Klenin «The Poetics of Afanasy Fet»).....	47
Зюганова С.К.	
Музыкальное мышление Р. Вагнера в герменевтическом интервале: В.Ф. Одоевский – А.Н. Серов	50
Першина И.Л.	
Архитектура как эстетико-антропологическое событие: к герменевтическим горизонтам Дж. Рёскина	52
Титов А.Д.	
Субъект как другой в эпистемологии И.И. Лапшина.....	54

Четвертое заседание

Шульженко А.А.	
Разработка понятий «народ» и «нация» русскими органицистами XIX века.....	56
Бычковский Е.В., Гайдуков К.И.	
Революция «на продажу»: априориация политического в эпоху посткапитализма	58
Акиншина А.С.	
Критика – одобрение – интерпретация: к восприятию трудов Н. Макиавелли в русском образованном обществе XIX в.....	61
Болдырева А.А.	
О стилистико-философских началах художественного символизма М.А. Врубеля	63

Пятое заседание

Брижанева М.А.

Научно-гуманитарное образование в технологических университетах
России (к опыту БГТУ им. В.Г. Шухова) 67

Русинова Л.А., Ермаков Р.М.

Просвещение – сложный феномен в контексте различия между
интеллигентами и интеллектуалами..... 68

Вашук Д.А.

Проблема национального самосознания в современном медиапространстве
(на примере Международного Платоновского фестиваля искусств) 71

Кальницкий А.А.

Русские как имперский народ в трудах российских консервативных
мыслителей XX века 73

Боболь А.А.

Буриданов осел и свобода воли 74

Се Хао, Чэ Чжиянь

Практики потребления музыки: кросскультурный аспект 77

Белогорцев А.Д.

Научно-философская мысль современной литературы жанра
автофикашн в зеркале культурно-исторической рефлексии 79

Алкатери Шоук Мухсин Бадер Бинкуда

Традиции и право в работах русских и зарубежных мыслителей
второй половины XIX века..... 80

Ван Лей

Туризм и некоторые аспекты визуального: обзор концепций..... 86

Симпозиум III

ГЕРМЕНЕВТИКА ДЕТСТВА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭСТЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ XXI В.

Первое заседание

Крылов Г.Е.

Все в картинах: энциклопедия для детей издательства М. Вольфа 89

Второе заседание

Чистякова Е.Ю., Орлова Д.Д.

Философия для детей: реконструкция культурных и педагогических
истоков программы 90

Адонин А.Ю.

Философское образование в России начала XIX: основные установки
и опыт реализации..... 94

Xу Лина

Практики наставничества в китайской и западной мысли: сравнительный анализ	95
Алифанова А.В.	
Идеальная модель образования в представлениях Б.Н. Чичерина	97
Титова С.А.	
Поэтико-философские предпочтения яснополянской школы (к перепискам Л.Н. Толстого, С.А. Толстой и Н.Н. Страхова)	98
Зюганова С.К.	
«Сказка о Царе Салтане» Н.А. Римского-Корсакова (истолкование И.И. Лапшина)	100

*Третье заседание***Спицын Д.Р.**

Эстетика смешного в области жизненного опыта: методологические поиски В.Я. Проппа.....	102
---	-----

**КРУГЛЫЙ СТОЛ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ФИЛОСОФИЯ КОМИКСА: РОССИЙСКИЕ ЛЕПТЫ»**

Щербаков И.Т.

Русский комикс: от эклектики и копирования к самобытности.....	104
--	-----

Болдырева А.А

Встреча «двух авторов» в «Стране самоцветов» Харуко Ичикавы (市川春子)	106
---	-----

Чистякова Е.Ю.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

**ХIII ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Н.Н. СТРАХОВА
(ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР)**

28-30 ноября состоялась международная видеоконференция – **XIII чтения памяти Н.Н. Страхова «”Золотой век” русской философии: сфера разговора и виртуальные архивы XIX-XXI вв.** Традиционными соорганизаторами конференции выступили: Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), институт Философии РАН, институт Мировой Литературы имени А.М. Горького РАН, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; впервые деятельное организационное участие в форуме приняла Белгородская государственная универсальная научная библиотека.

Организационный комитет *активно сотрудничал* с учеными ИРЛИ РАН – санкт-петербургского «Пушкинского дома», МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), Университета Сучжоу (КНР, провинция Цзянсу), Восточно-Китайского Педагогического Университета (КНР, Шанхай), исследовательского педагогического центра имени Яна А. Коменского (Санкт-Петербург), Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула), научно-просветительского центра имени М.М. Бахтина (Орёл).

Информационную поддержку конференции оказали журналы «Вопросы философии» (Москва, ИФ РАН), «Два века русской классики» (Москва, ИРЛИ РАН) и «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования» (Белгород, НИУ «БелГУ»).

Приветствовали конференцию в день её открытия

директор Белгородской государственной универсальной научной библиотеки, вице-президент Российской библиотечной ассоциации, председатель Общественной палаты Белгородской области **Н.П. Рожкова**;

главный редактор журнала «Вопросы философии» **Б.И. Пружинин**;

руководителя научно-исследовательского центра «Русская литература и христианская традиция» Института мировой литературы РАН **М.И. Щербакова**;

директор института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», председателя Белгородской региональной организации общества «Знание» **С.Н. Борисов**;

профессор университета Сучжоу **Чжсу Цзянъган** (провинция Цзянсу, КНР);

заведующий кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ» **Т.И. Липич**;

писатель и переводчик, один из ведущих исследователей истории русской словесности XIX столетия (наследия В.В. Розанова, Н.Н. Страхова и др.) **В.А. Фатеев**.

В качестве основного структурно-организационного принципа работы конференции был принят симпозиум и близкие к нему формы круглого стола и научного семинара.

На первом симпозиуме конференции «*Белгородская словесность: опыт XXI столетия (60-летие Белгородского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз Писателей России»)*» с докладами выступили И.А. Климова, В.П. Кобзарь, Ю.А. Гусаков.

Второй симпозиум был посвящён русской мысли «золотого» XIX столетия, её гуманистическим измерениям (проблеме почвенничества): тематизировались различные антропологические аспекты русской философии; ставился вопрос о герменевтической традиции и междисциплинарных исследованиях русской интеллектуальной культуры XIX века. Обширные дискуссии вызвали доклады С.В. Резника, Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной, И.О. Щедриной, П.А. Ольхова, А.В. Тоичкиной, Н.А. Меркульевой, Е.Н. Мотовниковой, Р.А. Лопина, А.Ю. Титова, Е.Ю. Макаровой, Д.Д. Сорокиной, О.И. Нифонтовой.

В завершающий день состоялся третий симпозиум, посвященный герменевтике детства, образовательным традициям и эстетико-литературной реальности XXI в., на котором прозвучали доклады ведущих российских ученых и практиков С.М. Марчуковой (Санкт-Петербург), С.М. Машевской (Иваново; Смоленск), З.А. Лурье (Санкт-Петербург), Р.М. Руповой (Москва), С.С. Почепцова (Белгород), Е.Ю. Чистяковой (Белгород).

Значительным было участие в конференции отечественных и зарубежных молодых ученых и студентов.

На методологическом семинаре молодых учёных НИУ «БелГУ» и Белгородской Православной Духовной семинарии на тему: «*Патрологическая герменевтика и нравственное богословие Николая Николаевича Глубоковского*». с докладами выступили О.И. Нифонтова, И.Т. Щербаков, Ю.А. Чуева; активное участие в дискуссии принимали А.Н. Шопин, М.Е. Ковалев, А.П. Ящук. Научным консультантом семинара, основным докладчиком и постоянным собеседником семинара стала Татьяна Александровна Богданова, доктор церковной истории, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Русская литература и христианская традиция» Института мировой литературы РАН (Москва, Россия). Модерировал семинар Иван Трофимович Щербаков, аспирант 1 курса, ассистент кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», преподаватель Белгородской Духовной Семинарии (с миссионерской направленностью) (Белгород, Россия). Значительная часть дискуссий на семинаре была посвящена наследию Н.Н. Глубоковского в контексте культурно-исторической мысли XIX в.

Своего рода конференционным экспериментом был *круглый стол молодых ученых и студентов «Философия комикса: российские лепты»*. Основными участниками разговора были И.Т. Щербаков, Ю.Е. Стебихова, Д.А. Теплоухова, А.Ю. Адонин, А.А. Болдырева. В дискуссии также принимали участие студенты и магистранты направления «Философия» НИУ «БелГУ» А.В. Алифанова, М.А. Брижанева, Д.А. Ващук, М.О. Дьяков, И.С. Крывошеева, В.Ю. Кузьмина, Я.О. Малышева, А.А. Агаркова, К.Б. Аминова, И.О. Бегунов, А.А. Боболь, Л.В. Денищук, С.К. Зюганова, И.Д. Сыроватский, С.А. Титова, А.Н. Хиджикадзе, Р.И. Хохлов, А.Д. Червинская, Д.Б. Чутцев, А.Р. Шинкарь, А.И. Юркова.

На заключительной встрече были подведены итоги чтений – крупного форума, посвященного памяти Н.Н. Страхова, одного из самых незаурядных, разносторонних русских мыслителей золотого века русской интеллектуальной культуры. Особым образом отмечалась деятельной участие в форуме российских библиотек и создание новых форм молодежного конференционного сотрудничества и познавательного поиска.

Участник конференции согласились с необходимостью создания постоянной международной группы по подготовке к празднованию юбилея Н.Н. Страхова – 200-летию со дня рождения, которое будет отмечаться в 2028 году. Предложено обсудить состав группы и основную программу мероприятий к юбилею на очередных XIV чтениях памяти Н.Н. Страхова – международной видеоконференции «Пушкинская партия: практики совместного мышления А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова» (27-29 октября 2025 г.).

**Программа видеоконференции –
XIII чтений памяти Н.Н. Страхова**

**«ЗОЛОТОЙ ВЕК» РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ:
СФЕРА РАЗГОВОРА И ВИРТУАЛЬНЫЕ АРХИВЫ XIX-XXI вв.
(28-30 октября 2024 г.)**

28 октября

зал видеоконференций
Белгородской государственной универсальной
научной библиотеки

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

10:15-11:00

Модерация:

Павел Анатольевич ОЛЬХОВ,
доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», главный редактор журнала «Научный
результат. Социальные и гуманитарные исследования»

Светлана Алексеевна БРАЖНИКОВА,
заместитель директора по научной работе ГБУК «Белгородская
государственная универсальная научная библиотека»

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Борис Исаевич ПРУЖИНИН,
доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель
сектора философии естественных наук Института философии Российской
академии наук, главный редактор журнала «Вопросы философии»
(Москва, Россия)

Марина Ивановна ЩЕРБАКОВА,
доктор филологических наук, руководитель научно-исследовательского
центра «Русская литература и христианская традиция» Института мировой
литературы Российской академии наук, член Союза писателей России, член-
корреспондент Международной Академии наук педагогического образования
(Москва, Россия)

Сергей Николаевич БОРИСОВ

доктор философских наук, профессор, директор института общественных наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», председатель региональной организации общества «Знание» (Белгород, Россия)

Надежда Петровна РОЖКОВА,

директор ГБУК «Белгородская государственная универсальная научная библиотека», вице-президент Российской библиотечной ассоциации, председатель Общественной палаты Белгородской области (Белгород, Россия)

ЧЖУ Цзяньган,

доктор филологических наук, профессор университета Сучжоу (провинция Цзянсу, Китайская Народная Республика)

Тамара Ивановна ЛИПИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Почетный работник культуры Российской Федерации

Валерий Александрович ФАТЕЕВ,

кандидат филологических наук, писатель, переводчик (Санкт-Петербург, Россия)

Симпозиум I

БЕЛГОРОДСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: ОПЫТ XXI СТОЛЕТИЯ

(60-ЛЕТИЕ БЕЛГОРОДСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «Союз писателей России»)

11:15-12:30

Модерация:

Вера Петровна КОБЗАРЬ,

председатель БРО ООО «Союз писателей России»

Светлана Алексеевна БРАЖНИКОВА,

заместитель директора по научной работе ГБУК «Белгородская государственная универсальная научная библиотека»

Доклады

Инна Александровна Климова, директор ГБУК «Белгородский государственный литературный музей»

Кто наш герой? Работа Белгородского государственного музея с наследием писателей региона

Вера Петровна Кобзарь, председатель БРО ООО «Союз писателей России»
Белгородское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России»: 60-летнему юбилею посвящается

Юрий Анатольевич Гусаков, председатель региональной общественной организации «Союз журналистов Белгородской области»
Общество традиционной культуры: региональные коммуникации

Симпозиум II

**РУССКАЯ МЫСЛЬ «ЗОЛОТОГО» XIX СТОЛЕТИЯ:
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ (ПРОБЛЕМА
ПОЧВЕННИЧЕСТВА)**

Модерация

Марина Ивановна ЩЕРБАКОВА,
доктор филологических наук, руководитель научно-исследовательского центра «Русская литература и христианская традиция» ИМЛИ РАН

Павел Анатольевич ОЛЬХОВ
доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ», главный редактор журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования»

Первое заседание: 13:00-16:00

Сергей Васильевич Резник, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)
Полемика пацифизма и милитаризма в русской религиозной философии

Сергей Николаевич Борисов, доктор философских наук, профессор, директор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»

Оксана Сергеевна Борисова, кандидат философских наук, доцент (Белгород, Россия)

Обратная сторона фигур. Рефлексия перевода книги Петара Боянича «Насилие. Фигуры суверенности»

Борис Исаевич Пружинин, д.филос.н., главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии» (Москва, Россия)

Татьяна Геннадьевна Щедрина, д.филос.н., профессор Московского педагогического государственного университета, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, ответственный секретарь журнала «Вопросы философии» (Москва, Россия)

Стратегия избирательного чтения, или Почему мы возвращаемся к Н.Н. Страхову?

Павел Анатольевич Ольхов, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

**Те, которых назвали почвенниками
(гуманистический стиль и телеология «Пушкинской партии»)**

Ирина Олеговна Щедрина, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва, Россия)

Н.Н. Страхов как заслуженный собеседник: опыт экофилософской интерпретации

Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ «Архив эпохи Н.Н. Страхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения» (проект № 23-28-01844)

Александра Витальевна Тоичкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Н.Н. Страхов в «Истории духа» Д.И. Чижевского

Трофим Игоревич Нарожный, аспирант 3 курса направления «Философия» (программа «Философская антропология, философия культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Типологическая рефлексия в опыте литературно-философской герменевтики А.А. Григорьева (полемический аспект)

Наталья Алексеевна Меркульева, кандидат филологических наук, доцент, заведующий центром чтения Орловской областной научной универсальной публичной библиотеки им. И. А. Бунина, председатель Тургеневского общества в Орле (Орёл, Россия)

Графические интерпретации романа Достоевского: память жанра или жанр без памяти?

Елена Николаевна Мотовникова, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Ю.Н. Говоруха-Отрок как последователь «органической критики» А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова

Олеся Викторовна Дикарева, учитель русского языка и литературы «МАОУ «Образовательный комплекс “Лицей №3” им. С.П. Угаровой», магистрантка 2 курса направления «Философия» (магистерская программа «Философская антропология, философия культуры»), НИУ «БелГУ» (Старый Оскол – Белгород, Россия)

Русские мыслители в переписке Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока (опыт систематического комментария)

Роман Анатольевич Лопин, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Славянофильство и почвенничество (преемственность и отличие)

Александр Юрьевич Титов, кандидат педагогических наук, профессор кафедры режиссуры и мастерства актера Орловского государственного института культуры (Орёл, Россия)

Почвенно-отечественная онтология русской культуры: региональный аспект

Александр Николаевич Бердник, канд. ист. наук, доцент Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), (Белгород, Россия)

Архиепископ Курский и Белоградский Феоктист (Мочульский) как деятель духовного образования и просвещения России второй половины XVIII – начала XIX вв.

Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ, проект № 08-03-55307а/Ц.

Николай Николаевич Ярош, военный историк, автор канала «Зелёная книга», номинант Национальной премии «Патриот», член БРО ВООВ «Боевое братство»

Почвенная автономия как идеологический концепт (полемико-пропагандистские смыслы понятия «Белгородская Народная Республика»)

Елизавета Юрьевна Макарова, преподаватель института иностранных языков, кафедра западных языков, Ляонинский университет международной торговли и экономики (Далянь, Китай)

Познавательный опыт Кан Ювэя: гуманистические смыслы (особенности перевода)

Виктория Анатольевна Нифонтова, старший преподаватель Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ "БелГУ" (Белгород, Россия)

Культурно-историческая теория в гносеологическом ракурсе: проблемы и перспективы

**Методологический семинар молодых учёных
НИУ «БелГУ» и Белгородской Православной Духовной семинарии**

**ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И НРАВСТВЕННОЕ
БОГОСЛОВИЕ НИКОЛАЯ НИКАНОРОВИЧА ГЛУБОКОВСКОГО
(6/18.XII.1863 - 18.III.1937)**

16:30-18:00

Научный консультант

Татьяна Александровна БОГДАНОВА,

доктор церковной истории, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Русская
литература и христианская традиция» Института мировой литературы РАН
(Москва, Россия)

Модерация

Иван Трофимович ЩЕРБАКОВ,

аспирант 1 курса, ассистент кафедры философии и теологии института
общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», преподаватель
Белгородской Духовной Семинарии (с миссионерской направленностью)
(Белгород, Россия)

Вступительный разговор

**Наследие Н.Н. Глубоковского в контексте культурно-исторической
мысли XIX в. (проблемно-тематические ориентации)**

Доклады

Ольга Ивановна Нифонова, кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и теологии института общественных наук и массовых
коммуникаций НИУ «БелГУ», научный сотрудник Белгородской Духовной
Семинарии (с миссионерской направленностью) (Белгород, Россия)

**Образ Священного Толкователя в рукописи архимандрита Евтихиана
(Лестева) «Богословие Толковательное или Священная Герменевтика»**

Иван Трофимович Щербаков, аспирант 1 курса, ассистент кафедры
философии и теологии института общественных наук и массовых
коммуникаций НИУ «БелГУ», преподаватель Белгородской Духовной
Семинарии (с миссионерской направленностью) (Белгород, Россия)

**Н.Н. Глубоковский и дело перевода Священного Писания (комментарии
к церковнославянскому переводу и переводческому опыту
К.П. Победоносцева)**

Юлия Александровна Чуева, аспирантка 3 курса кафедры философии и теологии, НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)
Понятие кеносиса в интерпретации Н.Н. Глубоковского

В методологическом семинаре принимают участие студенты и магистранты Белгородской Духовной Семинарии (с миссионерской направленностью) (Белгород, Россия) Андрей Николаевич Шопин (II магистратуры, «Православная миссиология»), Михаил Евгеньевич Ковалев (I магистратуры, «Православная миссиология»), Андрей Павлович Ящук (3 бакалавр, «Подготовка служителей и религиозного персонала РПЦ»), **студенты и магистранты направления «Теология» НИУ «БелГУ», (Белгород, Россия)**

29 октября

Симпозиум II

**РУССКАЯ МЫСЛЬ «ЗОЛОТОГО» XIX СТОЛЕТИЯ:
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ (ПРОБЛЕМА
ПОЧВЕННИЧЕСТВА)**

Третье заседание: 10:30-14:00

Павел Анатольевич Ольхов, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ», главный редактор журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования»

«Пушкинская партия»: гуманистические переклички и установки исторического понимания (опыт Н.Н. Страхова)

Дарья Дмитриевна Сорокина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков АНО ВО «Российский новый университет» (РосНОУ) (Москва, Россия)

Николай Николаевич Страхов – редактор журнала «Заря» (к разговорам с Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым)

Ирина Евгеньевна Белогорцева, кандидат педагогических наук, доцент АНО ВО «Институт гуманитарного образования и информационных технологий» (Москва, Россия)

Внутренние противоречия «образованности» конца XIX века: историко-ретроспективный анализ (на основе переписки Н.Н. Страхова и Л.Н. Толстого)

Анастасия Олеговна Заброскова, свободный исследователь (Белгород, Россия)

Систематизация философских трудов В.Н. Карпова

Валерия Юрьевна Кузьмина. магистрантка 1 курса направления «Философия» (магистерская программа «Медиафилософия и коммуникативный дизайн»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)
Федор Михайлович Достоевский в кругу собеседников: опыт визуальной герменевтики

Дарья Олеговна Леонова, студентка 4 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Воображение как этическая и эстетическая деятельность в психологии М.И. Владиславлева

Арина Игоревна Гребенникова, студентка 4 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Смысловая поэтика А.А. Фета (опыт размышления над книгой Е. Klenin «The Poetics of Afanasy Fet»)

Софья Константиновна Зюганова, студентка 3 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Музыкальное мышление Р. Вагнера в герменевтическом интервале: В.Ф. Одоевский – А.Н. Серов

Ирина Леонидовна Першина, аспирантка 1 курса направления «Философия» (программа «Философская антропология, философия культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Архитектура как эстетико-антропологическое событие: к герменевтическим горизонтам Дж. Рёскина

Артём Дмитриевич Титов, студент 3 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Субъект как другой в эпистемологии И.И. Лапшина

Никита Олегович Винаков, студент 4 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Этико-антропологические суждения Н.Ф. Федорова (опыт культурно-исторического комментария)

Четвертое заседание: 14:00-16:00

Александра Денисовна Червинская, студентка 3 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Проблема смерти: к философии страха и надежды в размышлениях Л.Н. Толстого и Н.А. Бердяева

Андрей Александрович Шульженко, аспирант 3 курса кафедры философии и теологии, НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Разработка понятий "народ" и "нация" русскими органицистами XIX века

Анастасия Сергеевна Акинишина, студентка 4 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Критика - одобрение - интерпретация: к восприятию трудов Н. Макиавелли в русском образованном обществе XIX в.

Анастасия Артемовна Болдырева, студентка 3 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

О стилистико-философских началах художественного символизма М.А. Врубеля

Пятое заседание: 16:15-19:00

Денис Александрович Белогорцев, главный эксперт Экспертно-криминалистического центра МВД России (Москва, Россия)

Перспективы возрождения идей научно-гуманитарного образования в России XIX столетия как основа повышения профессионализма в деятельности сотрудников экспертно-криминалистических подразделений РФ в современных условиях

Мария Александровна Брижанева, магистрантка 1 курса направления «Философия» (магистерская программа «Медиафилософия и коммуникативный дизайн»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Научно-гуманитарное образование в технологических университетах России (к опыту БГТУ им. В.Г. Шухова)

Диана Андреевна Ващук, магистрантка 1 курса направления «Философия» (магистерская программа «Медиафилософия и коммуникативный дизайн»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Проблема национального самосознания в современном медиапространстве (на примере Международного Платоновского фестиваля искусств)

Александр Александрович Кальницкий, студент 4 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Русские как имперский народ в трудах российских консервативных мыслителей XX века

Кирилл Валерьевич Лотков, магистрант 1 курса направления «Философия» (магистерская программа «Медиафилософия и коммуникативный дизайн»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Э.В. Ильенков и М.А. Лифшиц об отношении мышления и эстетики

Антон Андреевич Боболь, студент 4 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Буриданов осел и свобода воли

Елена Дмитриевна Говорун, специалист отдела научных коммуникаций и публикационной активности департамент научной деятельности, НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Свобода и справедливость: к моральным смыслам экономической философии А. Сена

Андрей Денисович Белогорцев, аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ») (Белгород-Москва, Россия)

Научно-философская мысль современной литературы жанра автофикации в зеркале культурно-исторической рефлексии

30 октября

Симпозиум III

ГЕРМЕНЕВТИКА ДЕТСТВА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭСТЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ХХI В.

Модерация

Светлана Марковна МАРЧУКОВА

доктор педагогических наук, профессор, руководитель комениологической секции Санкт – Петербургского союза ученых (Санкт-Петербург, Россия)

Екатерина Юрьевна ЧИСТЯКОВА

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, заместитель директора Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Первое заседание: 10:00-13:00

Светлана Марковна Марчукова, доктор педагогических наук, профессор, руководитель комениологической секции Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербург, Россия)

О перспективах возрождения историко-научного направления в отечественном образовании

Грант РФФИ 19-013-00940 А, РФФИ 17-06-00075-ОГН

Светлана Михайловна Машевская, кандидат педагогических наук, доцент, член Союза Санкт-Петербургский союз ученых (СПбСУ) (Санкт-Петербург, Россия)

«Я каждому предоставляю полную свободу прибавлять, выпускать и изменять – лишь бы было к лучшему»: исследование 6 пьесы «Школы игры» Я.А. Коменского (доклад с элементами лабораторного чтения)

Зинаида Андреевна Лурье, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института образования НИУ «ВШЭ» (Москва – Санкт-Петербург)

«Краткий катехизис Мартина Лютера, пересказанный для современных детей» (презентация авторского проекта)

Розалия Моисеевна Рупова, доктор философских наук, профессор кафедры библеистики Московской духовной академии (Москва, Россия)

Древнееврейский язык: опыт преподавания 2009-2024 гг. (доклад, презентация материалов учебного пособия)

Сергей Сергеевич Почекцов, к. филос. н., доцент кафедры философии и теологии), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Преподавание древнегреческого языка в духовных учебных заведениях Русской Церкви до начала XVIII века

Геннадий Евгеньевич Крылов, ассистент Тульского государственного педагогического университета им Л.Н. Толстого (Тула, Россия)

Все в картинах: энциклопедия для детей издательства М. Вольфа

Второе заседание: 13:30-15:00

Екатерина Юрьевна Чистякова, к. филос. н., доцент кафедры философии и теологии, заместитель директора Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Дарья Дмитриевна Орлова, магистрантка 2 курса направления

«Философия» (магистерская программа «Философская антропология, философия культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Философия для детей: реконструкция культурных и педагогических истоков программы

Александр Юрьевич Адонин, студент 3 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Философское образование в России начала XIX: основные установки и опыт реализации

Анастасия Владимировна Алифанова, магистрантка 1 курса направления «Философия» (магистерская программа «Философская антропология, философия культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Идеальная модель образования в представлениях Б.Н. Чичерина

Михаил Олегович Дьяков, магистрант 1 курса направления «Философия» (магистерская программа «Философская антропология, философия культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Философия народного учителя: к прозе Н.Г. Помяловского

Славяна Александровна Титова, студентка 2 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Поэтико-философские предпочтения яснополянской школы (к перепискам Л.Н Толстого, С.А. Толстой и Н.Н. Страхова)

Екатерина Юрьевна Чистякова, к. филос. н., доцент кафедры философии и теологии, заместитель директора Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Научно-педагогические диалоги Н.Н. Страхова: от студенческих рукописей к перепискам с Л.Н. Толстым и С.А. Толстой

Софья Константиновна Зюганова, студентка 3 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

«Сказка о Царе Салтане» Н.А. Римского-Корсакова (истолкование И.И. Лапшина)

Третье заседание: 15:30-17:00

Лина Александровна Занозина, режиссер-педагог, руководитель Черноморской театральной мастерской «Тандем»

Руслан Абдувалиевич Тураев, магистрант 2 курса Южного Федерального Университета, педагог по актерскому мастерству

Черноморская театральная мастерская «Тандем»: первая четверть века (обзорно-исторические характеристики, театрально-педагогический комментарий)

Нина Александровна Ольхова, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских и восточных языков
ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»

Kinderparadies Ханса Фаллады (некоторые лингвокультурологические наблюдения)

Дмитрий Романович Спицын, студент 3 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Эстетика смешного в области жизненного опыта: методологические поиски В.Я. Проппа

Татьяна Петровна Капитанова, студентка 2 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Детский фольклорный театр: к символическим и этико-диалогическим смыслам образа Петрушки

Надежда Николаевна Черепанина, аспирант, ассистент кафедры философии и теологии, НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Роль образования в формировании духовно-нравственных ценностей у ребенка

КРУГЛЫЙ СТОЛ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ФИЛОСОФИЯ КОМИКСА: РОССИЙСКИЕ ЛЕПТЫ»

17:15-18:30

Модерация

Иван Трофимович ЩЕРБАКОВ

аспирант 1 курса, ассистент кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», преподаватель Белгородской Духовной Семинарии (с миссионерской направленностью)
(Белгород, Россия)

Юлия Евгеньевна СТЕБИХОВА

аспирант 1 курса кафедры журналистики, ассистент кафедры коммуникавистики, рекламы и связей с общественностью института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ДИСКУТИРУЕМЫЕ ВОПРОСЫ:

- ❖ **смыслы**: является ли российский комикс переводом с иностранного?
- ❖ **перспективы**: устойчив ли комикс – на перепутях с визуальной классикой, традициями манги и генеративным аниме? (мировые и российские контексты);
- ❖ **чтение как всматривание**: автор/художник – образ/текст – читательский/зрительский отклик (российские форматы и открытые вопросы герменевтики комикса)

Локации обсуждаемых комиксов, манги и аниме:

журналы комиксов «Муха», «Велес»; монографическая сборка русских комиксов в Королевстве Югославии (И. Анастасиевич); комиксы издательств «Bubble» (линейки «Майор Гром», «Бесобой», «Экслибриум» и др.), «КомФедерация» («Фронтир», «Ниндзя-Гаттер»), «Комильфо» («Дешево и сердито», «Голубь Геннадий», «Серые будни магов»), «Wizart Comics» («Новый Центурион», цикл «3 сентября») «Molot Hardcorp» («Паша Техник», «Дитя Тьмы», «Бычий Цепень»), «Alpaca» («Илья Муромец», «Дело принципа», «Фронт 14-17», «Руссы против ящеров», «Кыштымский карлик»), «Терлецки Комикс» («Собакистан», «Роман, победитель ласточек», «Человек-Пила», «Пятьдесят лет любви», «Гигантские муравьи Новосибирска»), «Metamodern Comics» («Годзилла против Хабиба Нурмагомедова»); Руманга «Темный замок», «Лето которого не было»

Основные участники:

Иван Трофимович Щербаков, аспирант 1 курса, ассистент кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», преподаватель Белгородской Духовной Семинарии (с миссионерской направленностью) (Белгород, Россия)
Русский комикс: от эклектики и копирования к самобытности

Юлия Евгеньевна Стебихова, аспирант 1 курса кафедры журналистики, ассистент кафедры коммуникавистики, рекламы и связей с общественностью института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Дарья Андреевна Теплоухова, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный архитектурно-художественный университет имени Н.С. Алфёрова» (Екатеринбург, Россия)

Репрезентация руманги в социальной сети «В контакте» (особенности публикации и потенциал социальной сети)

Александр Юрьевич Адонин, студент 3 курса направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Как думает автор и что видит читатель (на примере произведения Исиды Суи «Tokyo Ghoul»)

Анастасия Артёмовна Болдырева, студентка 3 курса направления «Философия» профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

Встреча «двух авторов» в «Стране самоцветов» Харуко Ичикавы (市川春子)

В дискуссии принимают участие:

магистранты программ «Медиафилософия и коммуникационный дизайн», «Философия культуры, философская антропология», НИУ «БелГУ»:

А.В. Алифанова, М.А. Брижанева, Д.А. Ващук, М.О. Дьяков,
И.С. Крывошеева, В.Ю. Кузьмина, Я.О. Малышева

студенты образовательного направления «Философия» профиль «История отечественной философии и культуры»), НИУ «БелГУ»:
А.А. Агаркова, К.Б. Аминова, И.О. Бегунов, А.А. Боболь, Л.В. Денищук,
С.К. Зюганова, И.Д. Сыроватский, С.А. Титова, А.Н. Хиджикадзе,
Р.И. Хохлов, А.Д. Червинская, Д.Б. Чутцев, А.Р. Шинкарь, А.И. Юркова

ТЕЗИСЫ, ТЕКСТЫ ДОКЛАДОВ И ВЫСТАУПЛЕНИЙ

Симпозиум II

РУССКАЯ МЫСЛЬ «ЗОЛОТОГО» XIX СТОЛЕТИЯ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ (ПРОБЛЕМА ПОЧВЕННИЧЕСТВА)

Первое заседание

Резник С.В., Резник Н.С.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ПОЛЕМИКА ПАЦИФИЗМА И МИЛИТАРИЗМА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Поскольку сегодняшняя конференция посвящена памяти русского философа Николая Николаевича Страхова, наш доклад следует начать с того факта, что сам Николай Николаевич был награжден бронзовой медалью в честь окончания Крымской войны 1853-1856 гг. Медали из тёмной бронзы на Владимирской ленте выдавались всем воинским чинам и даже потомственным дворянам – старшим в роду, но последним – только для хранения в память о войне с последующей передачей потомству.

Рост антивоенных настроений во всем прогрессивном мире был обусловлен появлением ядерного оружия и наглядной демонстрацией его практического применения во второй половине XX столетия. Следует напомнить о том, ядерные испытания в 1950-е годы проводились не только СССР, но и США, например, в 1952 г. - штат Невада и в 1957 г. - операция «Plumb bob» («Отвес»), в ходе которой было произведено 29 ядерных и термоядерных взрывов. Причем размах проводимых США испытаний по количеству затронутых испытаниями только мирных граждан и гражданских специалистов многократно превосходит ядерные испытания в СССР 1954 г. на Тоцком полигоне и 1956 г. на Семипалатинском полигоне (около 340 тыс. человек / 10 тыс. человек).

Как известно пацифизм и антимилитаризм схожи в том, что выступают против войны. Однако между ними есть одна существенная разница. Антимилитаризм выступает против войны и гонки вооружений по экономическим и социальным соображениям, хотя антимилитаристские движения могут быть весьма воинственными. Пацифизм же отрицает всякое насилие из духовных побуждений.

Еще в 1517 году голландский философ Эразм Роттердамский, прозванный «принцем гуманистов», в своем трактате «Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного» предвосхитил идеи пацифистов последующих

эпох осудив междоусобные войны и конфликты: «представь себе самую справедливую причину для войны и вообрази, как можно более благоприятный ее исход, сопоставь все потери, неизбежные при ведении войны, с выгодами, какие сулит победа, и подумай, так ли уж заманчиво побеждать. Едва ли когда-нибудь удавалось одержать бескровную победу» [Эразм 2003, с. 54]. Однако призывы голландского философа ко всем христианским монархам сплотиться ради мира остались лишь мечтами. События в Европе периода Реформации напротив показали утопичность его размышлений, а герои его трактата впоследствии предприняли политические шаги, разрушившие все планы философа на христианское единство и достижение мира. Например, папа Лев X (1513-1521), представленный Эразмом в его трактате поборником мира, возобновил продажу индульгенций и инициировал политическое преследование Мартина Лютера, что в конечном итоге привело к расколу в католической церкви и религиозным войнам.

Не менее актуальным является вопрос о противостоянии пацифизма и милитаризма в русской религиозной философии. Прежде всего когда речь заходит о теме пацифизма, ненасилия, на передний план выходит учение Л.Н. Толстого «о непротивлении злу силой», получившее в России название «толстовство». Учение Л.Н. Толстого встретило шквал критики не только со стороны РПЦ, но и представителей русской религиозной философии. Одним из философских произведений Л.Н. Толстого в котором он раскрывает свое учение о непротивлении является работа «Царство божие внутри вас» [Толстой 1957]. Основной лейтмотив размышлений Льва Николаевича заключается в проведении идеи о невозможности насилием защититься от насилия. Главным препятствием на пути ко всеобщему миру и причиной всех войн, по его мнению, являются «гипноз патриотизма» и правительства. В статьях «Христианство и патриотизм» (1894) и «Патриотизм или мир» (1896) Л.Н. Толстой обличает двойственность морали служителей официальной церкви и размышляет о трудностях попыток совместить общехристианские принципы для человека и для государства.

Не смотря на весомые доводы русского классика в пользу идеологии пацифизма, среди представителей русской религиозной философии нашлось не малое количество ее противников. Среди них прежде всего следует отметить Н.А. Бердяева, который был сторонником идеи о том, что пацифизм является следствием излишнего материализма и капиталистического малодушия. Представления Н.А. Бердяева о природе войны выстроены на основе его историко-философской концепции. Основные аспекты проблемы войны отражены в статьях философа 1914-1918 гг.

По мысли Н.А. Бердяева Россия на протяжении всей своей истории испытывала агрессию как со стороны Запада, так и с Востока. Данное обстоятельство обусловило особый вектор исторического развития России, который воплотился в активной защите посредством экспансии до натуральных, географических преград. Общий трагический характер истории определяет борьба как превалирующая форма взаимодействия исторических индивидуальностей: «Человечество идет к единству через борьбу, распри и войну. Это – печально, это может вызывать наше негодование, это –

показатель большой тьмы, в которую погружены самые корни человеческой жизни, но это так» [Бердяев 1990, с. 112]. Таким образом понимание истинного смысла истории заключается в признании борьбы за сохранение национальных особенностей и культурных традиций.

Общий смысл размышлений Н.А. Бердяева о войне можно сформулировать в следующих основных тезисах:

- война является катализатором изменений поскольку требует: на государственном уровне - экономической мобилизации и мобилизации всех слоев населения и этнических групп перед лицом внешней угрозы; на уровне личности она может стимулировать развитие идеалов доблести, чести и самопожертвования;

- война является проявлением греховной природы мира: являясь одновременно порождением зла и его преодолением, поэтому становится необходимым раздражителем активизации творческих сил;

- война есть изобличительница, поскольку она создает ситуации потерь и лишений, она помогает отличить истинные ценности от ложных;

- война есть кара за грехи, поэтому она необходима для того чтобы народы осознали свои ошибки;

- война, будучи путем жертв и страданий является искупительным крестом человечества, который оно вынуждено нести на протяжении все своей истории;

- война есть путь к очищению, поскольку она побуждает общество адаптироваться к возникающим угрозам, последнее подразумевает как устранение паразитирующих элементов общества, например, некомпетентных чиновников, так и ложных идолов.

Актуально и злободневно в современной ситуации звучат идеи русского мыслителя о том, что важным моментом является осознание преобразовательной силы войны, однако Н.А. Бердяев подчеркивает, что преобразовательная сила не существует в одновекторной, прогрессивной форме. Война – это возможность, потенция преобразований, характер же преобразований зависит от того насколько страна сможет подготовиться к вызовам, как отреагирует народ на вызов. При неадекватном ответе на вызов исторического кризиса: когда не будет достигнуто осознание того, что война – это общее дело, когда крестьянин, рабочий, коммерсант, чиновник не смогут в одинаковой мере осознать ответственность за судьбу своей страны; когда войны не перестанут рассматривать в контексте обогащения, когда элиты не перестанут ставить личные цели выше целей государства; когда война не перестанет быть катализатором борьбы за власть, где амбиции и зависть отдельных лиц будут решать судьбу миллионов; когда интеллигенция не перестанет мыслить готовыми схемами-решениями, – тогда русский народ может обнаружить себя в ситуации падения.

Таким образом, война, рассмотренная Н.А. Бердяевым через религиозный символизм, обнаруживает свою отрицательную природу, но философ допускает ее возможность как духовного феномена, способствующего активизации творческих сил и преобразования духа русского народа. Однако русский философ не приемлет романтизации войны и подчеркивает бесценность человеческой жизни.

Еще одним русским религиозным мыслителем, который выразил в своем творчестве идеи милитаризма, был, как ни странно, Ф.М. Достоевский. В своем «Дневнике писателя» в эссе под названием «Парадоксалист» (1867) приводит вымышленный разговор о войне со своим знакомым. Автор вкладывает свои идеи о войне в уста вымышленного собеседника-парадоксалиста. Ф.М. Достоевский отвергает только гражданскую войну: «Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междуусобная, братоубийственная» [Достоевский 2010, с. 335]. При этом «политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима» [Достоевский 2010, с. 336].

Далее писатель указывает причину войн: «ложь, что люди идут убивать друг друга: никогда этого не бывает на первом плане, а, напротив, идут жертвовать собственную жизнью – вот что должно стоять на первом плане. <...> Нет выше идеи, как пожертвовать собственную жизнью, отставая своих братьев и свое Отечество или даже просто отставая интересы своего Отечества. Без великодушных идей человечество жить не может, и я даже подозреваю, что человечество именно потому и любит войну, чтобы участвовать в великодушной идее» [Достоевский 2010, с. 336]. Итак, Ф.М. Достоевский допускает возможность международной войны во имя «великодушной идеи».

По словам писателя, такие понятия, как честь, человеколюбие, самопожертвование получают высокую оценку в обществе только после войны, тогда как продолжительный мир является причиной того, что «все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжение захватывают все» [Достоевский 2010, с. 337]. Более того, война выступает катализатором развития наук и искусств: «Наука и искусства именно развиваются всегда в первый период после войны. Война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок» [Достоевский 2010, с. 337].

Ф.М. Достоевский, как религиозный мыслитель, обосновывает возможность войны с позиций христианства: «Христианство само признает факт войны и пророчествует, что меч не прейдет до кончины мира: это очень замечательно и поражает. О, без сомнения, в высшем, в нравственном смысле оно отвергает войны и требует братолюбия. Я сам первый возрадуюсь, когда раскуют мечи на орала. Но вопрос: когда это может случиться? **И стоит ли расковывать теперь мечи на орала?** (выделено нами). Текущий мир всегда и везде хуже войны, до того хуже, что даже безнравственно становится под конец его поддерживать: нечего ценить, совсем нечего сохранять, совестно и пошло сохранять. Богатство, грубость наслаждений порождают лень, а лень порождает рабов. Чтобы удержать рабов в рабском состоянии, надо отнять от них свободную волю и возможность просвещения» [Достоевский 2010, с. 338]. Единственным средством исцеления от перечисленных недугов общества является война: «Человек по природе своей страшно наклонен к трусивости и бесстыдству и отлично про себя это знает; вот почему, может быть, он так и жаждет войны и так любит войну: он чувствует в ней лекарство» [Достоевский 2010, с. 338].

Рассуждения автора о необходимости войны приводят к выводу о том, что «Война развивает братолюбие и соединяет народы. <...> Заставляя их

взаимно уважать друг друга. Война освежает людей. Человеколюбие всего более развивается лишь на поле битвы. Это даже странный факт, что война менее обозляет, чем мир» [Достоевский 2010, с. 338-339].

Также Ф.М. Достоевский устами парадоксалиста заявляет о плюсах войны для экономики: «кто не знает закона, по которому после войны все как бы воскресает силами. Экономические силы страны возбуждаются в десять раз, как будто грозовая туча пролилась обильным дождем над иссохшую почвой. Пострадавшим от войны сейчас же и все помогают, тогда как во время мира целые области могут вымирать с голоду, прежде чем мы почешемся или дадим три целковых» [Достоевский 2010, с. 339].

Несомненными выгодами, по мнению парадоксалиста, оборачивается война для простого народа: «Как ни освобождайте и какие ни пишите законы, неравенство людей не уничтожится в теперешнем обществе. Единственное лекарство – война. Пальтистивное, моментальное, но отрадное для народа. Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства – в жертве жизнью за общее дело, за всех, за Отечество» [Достоевский 2010, с. 340].

Итак, общий смысл размышлений автора о войне можно заключить в следующих тезисах:

- война возможна ради «великодушной идеи»;
- война пробуждает в людях высокие чувства;
- война стимулирует развитие наук и искусств;
- война не искоренима с христианских позиций;
- война заставляет народы уважать друг друга;
- война пробуждает экономические силы страны;
- война является единственным лекарством против неравенства людей.

В заключении мы приходим к выводу о том, что анализ идеи войны в русской религиозной философии не может быть рассмотрен как идеологическая апология войны как таковой, обоснование религиозной необходимости войны, осуществленное русскими философами, не является пропагандой милитаризма, поскольку в их творчестве речь идёт о сакральных смыслах войны, которые не исключают ее трагичности.

Литература

1. Бердяев, Николай Национализм и империализм // Судьба России. – М.: Философское общество СССР, 1990. – С. 112.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
3. Толстой, Л. Н. Царство Божие внутри вас // Полное собрание сочинений: в 90 т. - М.: Художественная литература, 1957. - Т. 28. - С. 1-293.
4. Эразм Роттердамский Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного // Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. – СПб.: Алетейя, 2003. – 398 с.

Борисов С.Н., Борисова О.С.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ФИГУР. РЕФЛЕКСИЯ ПЕРЕВОДА КНИГИ ПЕТАРА БОЯНИЧА «НАСИЛИЕ. ФИГУРЫ СУВЕРЕННОСТИ»

В самом начале 2025 года вышла книга известного сербского философа Петра Боянича «Насилие. Фигуры суверенности», которая достаточно долго готовилась, переводилась и редактировалась [Боянич 2025]. По большей части значительное время потребовалось даже не на то, чтобы перевести текст, а на то, чтобы собрать воедино множество тем и смыслов. Говоря иначе, требовалась задержка, что резонирует с заявленной автором многозначной задержкой, производимой самим предметом этой книги – насилием. Именно оно вызывает у каждого человека паузу в дыхании, действии и речи. Она нужна для мобилизации сил, ответа и обратного действия. И в этом измерении прочтение «Фигур суверенности» достаточно многозначная работа, поскольку связывает индивидуальное измерение и целый ряд других, но гораздо более обширных. Прежде всего, государство как обладатель суверенитета. Собственно, сама сложная связь насилия и суверенитета, точнее ее проявление является предметом интереса Петара Боянича. Предполагает ли суверенитет насилие, если да, то в обязательном ли порядке. Нужно ли пройти через насилие для того, чтобы суверенитет состоялся. Эти и другие вопросы задает автор.

Одновременно они проблематизируют и суверенность, которая в определенном смысле разлагается, становится множественной и образует складки. В них как раз и скрываются ключевые фигуры этого теста о запятой, как называет его Петар Боянич. Первой из них является фигура недруга, неприятеля. Не так часто мы обращаемся к этому слову в обыденной речи. Еще реже, скорее всего, думает над тем, кто для нас действительно является неприятелем. В мирное время эти вопросы кажутся излишними и сложными. Наверное, потому автор привлекает идеи Шмитта, для которого враг обязателен. Он не только дает возможность человечеству вести войну, но также конструировать политическое. Только с появлением врага появляется пространство суверенности. Боянич делает акцент, предупреждает, что совершенно конкретное. Шмитт пишет об этом несколько раз, враг совершенно конкретен и крайне опасен. Только угроза нашей собственной жизни, идущая от него, запускает необходимость закона и легальности, защиты.

Но есть и обратная сторона, разлагающая такое достаточно позитивное восприятие борьбы с неприятелем. Она раскрывается в соблазне не просто победы над неприятелем, а победы окончательной. В этом стремлении раз и навсегда завершить борьбу, окончательно победить, иногда ради «светлого будущего», кроется угроза, исходящая от насилия. Последняя война ради своей сверх цели требует нарушения всех правил, ограничений. Война стремительно мигрирует в террор. И суверенность также в этом перечислении «жертв» великой цели.

Следующая фигура как раз и появляется в этой складке суверенности, образующейся, если помыслить последнюю войну, в которой неприятель изменяет свой облик и теряет человеческое. Он лишается прав как равный, как соперник. Поскольку неприятель человеческого, всего рода людского не может быть похожим, не имеет права (никакого) быть человеком. Лишается голоса, возможности сказать нечто и тем самым вернуться в пространство политического, вернуть себе права [Борисов 2021]. Иными словами, недруг становится животным, что следующим шагом разлагает суверенитет.

Конкретика врага не должна при этом вводить нас в заблуждение, что эта фигура насилия «работает» на уровне частном. Разбор Петаром Бояничем Шмитта и далее Канта показывает, что речь большей частью идет о государстве и государствах. Именно они главные фигуры в игре превращений насилия в суверенность. Им угрожает враг, и они сами становятся угрозой. В том числе для самих себя и вмещающих сообществ [Боянич 2020].

Ответом на этот вызов традиционно является другая фигура – революционера. С одной стороны, ожидаемая или даже необходимая как своеобразный ответ на узурпацию власти, злоупотребление ею [Борисовский 2022]. С другой выступающей как еще одна эманация недруга, практически животная фигура, балансирующая на грани политического и вне-политического. Приводимые Бояничем примеры «обращения» с революционерами, от Че Гевары до сербского фольклора, дают понимание этой пограничности, страшного пространства перехода от тела политики к телу животного.

И, наконец, еще одна фигура – изменника/предателя, возможно даже не прячущаяся, а находящаяся под складкой суверенности. Состоящая в переходе, также нестабильном состоянии, от гражданина к врагу. Как правило, тайном, не видимом. И суверенность как зримое и явное пространство, ведь нельзя защищать то, что невидимо, также разлагается этой фигурой. Как и происходящем с ней, борьбой с невидимым и внутренним врагом. Применение силы и насилия, к которому требует дополнительных усилий и иногда выхода за границы правил.

Литература

1. Борисов, С. Н. От Белграда через Париж и Нью-Йорк до Белгорода... Послесловие к книге П. Бояница«Про/вокация. Воззвание и право на переворот» / С. Н. Борисов, В. П. Римский // Наука. Искусство. Культура. – 2021. – № 4(32). – С. 55-60. – EDN NWHCBU.
2. Борисовский, А. В. История одного кольца. Инструментализации насилия и терроризм / А. В. Борисовский, С. Н. Борисов // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2022. – Т. 47, № 3. – С. 467-473. – DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-467-473. – EDN MWPSXP.
3. Боянич, П. Ангажированный акт как условие (философского) сообщества / П. Боянич, С. Н. Борисов // Вопросы философии. – 2020. – № 10. – С. 104-109. – DOI 10.21146/0042-8744-2020-10-104-109. – EDN JUILLA.
4. Боянич, П. Насилие, фигуры суверенности / Петар Боянич. – Москва – Екатеринбург : Кабинетный ученьй, 2025. – 270 с.

Мотовникова Е.Н.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

Ю.Н. ГОВОРУХА-ОТРОК
КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ «ОРГАНИЧЕСКОЙ КРИТИКИ»
А.А. ГРИГОРЬЕВА И Н.Н. СТРАХОВА

Ю.Н. Говоруха-Отрок – один из самых актуальных публицистов сегодняшних исторических литературоведческих исследований. Наиболее известны и уже становятся штампами трактовки работ Ю.Н. Говорухи-Отрока в контексте идеино-политических и церковно-секулярных полемик эпохи Александра III. Однако можно утверждать, что каждая статья нашего земляка-критика содержит обращение к темам философским, без которых не обходится настоящая литература и настоящая критика, занимающаяся анализом, разъяснением и оценкой большой литературы.

Подобно тому, как Л.Н. Толстой стал главным писателем для своего конгениального критика Н.Н. Страхова, так для Ю.Н. Говорухи-Отрока центром внимания был Н.В. Гоголь, в творческом пути которого критик увидел выражение и своей жизненной идеи, мощный призыв к христианскому покаянию. Это воспевание Гоголя, прямое указание на его гениальность [Говоруха-Отрок 2012, с. 750] отнюдь не было тогда общим местом (см.: [Невская 2013, с. 110]. «Шагом вперед» прозвучало для Ю.Н. Говорухи-Отрока от А.Д. Градовского «великий поэт пошлости» [Говоруха-Отрок 2012, с. 746, 850] за признание хотя бы типичности созданных Гоголем характеров. Ю.Н. Говоруха-Отрок считал это следствием слепоты гордыни, заставляющей нас (и сегодняшних тоже!) смотреть на героев «Мертвых душ» свысока, не замечая своего родства с этими пошлыми и ничтожными персонажами.

До настоящего времени не восстановлена в академической памяти преемственность органической традиции русской литературной критики, основы которой нашли описание и обоснование в философско-литературной критике Ап. Григорьева, учеником которого стал Ю.Н. Говоруха-Отрок. Даже такой несомненно компетентный исследователь, как Е.В. Иванова, утверждает, что Ю.Н. Говоруха-Отрок стал первым, кто реабилитировал «Выбранные места из переписки с друзьями», увидел высоту религиозного идеала Гоголя [Говоруха-Отрок 2012, с. 738], тогда как Ап. Григорьев выразил смысл последней книги Гоголя еще в рецензии на новинку в 1848 г. и в 1859 г в обзоре «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (см. подробно: [Анненкова 2023]).

В.В. Розанов отмечал, что Н.Н. Страхов находил в Ю.Н. Говорухе-Отроке «существеннейшую» черту критика – «любовь к литературе в ее *собственных задачах*» и умение дать оценкуциальному литературному произведению с точки зрения правильности выбора и употребления способов осуществления этих задач [Розанов 1913, с. 458]. Собственную же задачу литературы писатели страхового круга понимали в духе принципов «органической критики» Ап. Григорьева. Так писал о своем добром друге и единомышленнике В.В. Розанов в год его смерти, но как будто забыл о своем соратнике, когда писал о преемственности своего и страхового критического метода с «органической критикой» Ап. Григорьева [Розанов 1892]. С тех пор специалисты в истории русской литературной критики никак не могут связать имена учителя и ученика.

А.А. Григорьев и Ю.Н. Говоруха-Отрок разорваны не только в общегуманитарном знании об истории русской классики, но и в профессиональных кругах филологов.

Сегодня историческая истина восстанавливается понемногу, прежде всего, благодаря юбилейным датам, привлекающим внимание к личностям и творчеству «изгнанников», что даёт надежду – со временем, через постепенное пристальное рассмотрение контекстов, текстологии, будут обнаружены и оригинальность, и влияния. А.А. Григорьев и Ю.Н. Говоруха-Отрок даже на поверхностный взгляд обнаруживают большое родство душ не только в смысле их беззаветной любви и служения литературе, но и в их отношениях с православием, славянофильством, идеализмом, страстью к театру и т.д.

Литература

1. Анненкова Е. И. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в восприятии Аполлона Григорьева // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 132–150.
2. Говоруха-Отрок Ю.Н. Во что веровали русские писатели / под общ. ред. Е. В. Ивановой. СПб.: Росток, 2012. Т. 1. 895 с.
3. Невская Д.Р. Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя // Новый филологический вестник. 2013. № 1 (24). С. 106-139.
4. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1913. XII, 532 с.
5. Розанов В.В. О трех фазисах в развитии нашей критики // Русское обозрение. 1892. № 8. С. 576–594.

Титов А.Ю.
Орловский государственный институт культуры
(Орёл, Россия)

ПОЧВЕННО-ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ОНТОЛОГИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Понятие «онтология» в теме нашего доклада мы рассматриваем в аспекте эмпирически-прикладной эпистемологии как эвристический метод исследования области типологии «почвенного гена отечественной культуры» (культурный генокод). То есть, на наш взгляд, почвенная онтология культуры методологически предполагает «органическое» тождество гносеологических и предметно-содержательных категорий в полноте инвариантных структур объектов, на первый взгляд воспринимаемых в весьма отдалённом расположении. В данном подходе нам видится возможным и проявление той метафизической глубины, которая привлекала и притягивала сторонников «органического характера жизни» (в значении термина Ап. Григорьева) отечественной культуры в преодолении теоретически-отвлеченного рационализма.

Вопрос онтологических оснований бытия на Руси решается очень просто – это, прежде всего, суть «земельный вопрос», – говоря словами Ап. Григорьева, – «вымученный из плоти и крови» в словесные формулы и определения собственных отечественных смыслов, которые имеют, одновременно, и счастье, и несчастье быть рождёнными в почве «художественно-философских верований» русской культуры [Ап. Григорьев, 1999, с. 177]. Именно, с этим «земельным вопросом» мы связываем «стихийную», «метафизическую интуицию» отечественной мысли, что и попытаемся аргументировать в нашем докладе, посвящённом углублённому проникновению «в глушь и сумрак почвенных симпатий и провинциальных идеалов» [Волынский, 1895, с. 327].

Региональный аспект почвенной онтологии

На современном этапе региональное историописание (историко-культурное краеведение) и «новая региональная история» конституируются не столько социально-ориентированным типом исторического знания, сколько тяготеет к междисциплинарной и/или полидисциплинарной научной ориентации конструирования предмета изучения как субъекта персональной судьбы в его онтологических и нравственно-аксиологических ракурсах [Репина 2011].

Мы солидарны с методологическими подходами в контексте данной парадигмы, указывающими на существенное различие двух аспектов:

1) междисциплинарный или инструментальный подход, как методологический инструментарий различных гуманитарных и социальных дисциплин;

2) полидисциплинарный подход, как имманентное свойство изучаемого объекта/субъекта изучения с использованием методов конструирования в предметном поле различных дисциплин [Маловичко 2012].

Полидисциплинарный научный подход, на наш взгляд, согласуется с методологией М.М. Бахтина, интегрирующей систему координатных обозначений «вертикали» и «горизонтали» в «топографической модели» (схеме, картине) мира объёмное единство его пространственных и временных измерений («хронотопов») в третьем измерении глубины имманентных ценностно-смысовых и нравственных позиций человека, о которых в своё время писала Л.А. Гоготишивили, как о разгадке «тайны» бахтинского историзма [Гоготишивили 1992, с. 115]. Исходя из эвристического опыта реархивации документальных источников по исследованию родословной фамилии Бахтины, мы с абсолютной уверенностью можем утверждать, что эта «тайна» раскрывается в онтологической глубине родословно-поколенного фонда и передаётся из «рода в род» в персональном раскрытии уникального кода «Большой памяти» и «Большого времени» (в значении терминов М.М. Бахтина).

Основными источниками нашего исследования выступает комплекс архивных документов фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА): Разрядного, Поместного и Посольского приказов. Привлекались материалы Государственного архива Орловской области (ГАОО).

Земельный вопрос и почвенная метафизическая интуиция

«Что собирает лица, называемого человечеством, как лица не существует, а существуют народности, расы, семьи, типы, индивидуумы – ... это пока факт несомненный» [Григорьев 1990, с. 342]. На наш взгляд, в научно-онтологической аргументации данного тезиса Ап. Григорьева недостаёт метафизического понятия «из рода в род», придающего поколенной росписи «служилых людей по отечеству» ту единую почвенную целостность, которая онтологически взрастает в понятие «Отечества».

Эмпирический опыт архивных разысканий фамильных родословий по древним актам служебных испомещений наглядно демонстрирует этот факт синергийного взаимодействия служебно-родовых укладов в процессе формирования единой государственной и историко-культурной целостности второй половины XVI– первой половины XVII вв. (особенно в интервале фронтирных возведений Засечных линий обороны «украинных» городов-крепостей от Тулы до Белгорода). Выбранные нами родовые фамилии Бахтиных, Буниных, Страховых, Григорьевых и Болотовых представляют собой типичный пример территориально-регионального интеграла «родового топографического тела». Метафизический смысл

«интеграла», как «скрытое» объединение разнородных единиц в единое целое (аутопоэзис), мы противопоставляем понятию В.О. Ключевского «местническая арифметика» (или «родовая арифметика») [Ключевский 2002].

В нашем исследовании «почвенная интуиция» проявляет себя в «случайном» выборе региональной локации Епифанского уезда, деревни Буйцы (ныне Тульская область), на земле которой в одно время располагались поместные наделы Страховых, Бахтиных и Болотовых. В своих народных наименованиях (топонимах) Епифанская земля в целом представляет собой «почвенные скрижали», как персонально-родовые свидетельства русской онтологической мысли: Хомяково, Кириевка, Страхово (Буйцы тож), Бахтинское урочище (Нижние Буйцы), Болотино и т.д. Небольшое исследование искусствоведа и реставратора графа Юрия Олсуфьева «Из прошлого села Красного, Буйцы тож Архангельского прихода и его усадьбы 1663-1907 гг.» [Олсуфьев 1907] наглядно демонстрирует те почвенные глубинные уровни, на которых взрастает не только «усадебная культура», но и русская почвенная мысль «органического целого».

Литература

1. Волынский А. Аполлон Григорьев. Теория и законы органической критики // Северный вестник. 1895. № 11. С. 327.
2. Гоготишвили Л.А. Варианты и инварианты М.М. Бахтина // Вопросы философии. № 1. 1992. С. 115-133.
3. Григорьев А.А. Письма. М.: Наука, 1999.с.497.
4. Григорьев А.А. Сочинения В 2 тт. / Аполлон Григорьев; [Сост. и comment.Б.Ф. Егорова, А.Л. Осповата, Вступ. ст. Б.Ф. Егорова, с. 5-26]. М.: Худож. лит., 1990. / Т. 1. с. 500.
5. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: В 3-х тт. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. / Т. 1.с.592
6. Маловичко С.И., Румянцева М.В. Терминологические проблемы изучения локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: Сборник научных статей, материалов Всероссийской научной конференции / сост., ред. А.Е. Загребин, О.М. Мельникова. Ижевск: Изд-во «Удмурдский университет», 2012. С. 3-10.
7. Олсуфьев Ю.А. Из прошлого села Красного, Буйцы тож Архангельского прихода и его усадьбы 1663-1907 гг. М.: Поставщик Двора его Величества, 1908. с.30
8. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Бердник А.Н.

Белгородская Духовная Семинария (с миссионерской направленностью)
(Белгород, Россия)

**АРХИЕПИСКОП КУРСКИЙ И БЕЛОГРАДСКИЙ ФЕОКТИСТ
(МОЧУЛЬСКИЙ) КАК ДЕЯТЕЛЬ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.**

*Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ, проект № 08-03-
55307а/Ц*

В этом году исполняется 295-я годовщина со дня рождения архиепископа Феоктиста Мочульского (1729–1818 гг.) – выдающегося религиозного деятеля и просветителя второй половины XVIII – нач. XIX веков. Он является основателем не только Белгородской Духовной семинарии, но и многих Духовных школ среднего и низшего звена Севской, Брянской, Курской, Белгородской и других епархий. Ему принадлежит заслуга в постановке учебного процесса в этих школах, а также написании более двадцати учебников и учебных пособий, главные из которых были рекомендованы Святейшим Синодом для использования во всех Духовных школах России. Феоктист Мочульский выступил как крупный организатор Духовного образования в Российской империи.

Круг его интересов был необычайно широк. В начале XIX века владыка Феоктист организовал кружок ученых мужей, которые занимались переводом сочинений святителя Амвросия Медиоланского, а за год до своей кончины он открыл в Курске Библейское общество и стал его вице-президентом. Феоктист Мочульский также являлся Почетным профессором Харьковского университета и академиком Императорской Российской Академии русской словесности. За свои труды преосвященный был награжден орденом Святой Анны 1-й степени и орденом Александра Невского.

Вместе с тем, его богатое творческое наследие в настоящее время почти забыто. На фоне двух других выдающихся деятелей Русской Православной Церкви – епископа Иоасафа Белгородского и митрополита Московского и Коломенского Макария Булгакова, – сведения о жизни и деятельности преосвященного Феоктиста сегодня малоизвестны широкому кругу общественности.

Еще в начале прошлого века биограф Федор Титов сравнивал архиепископа Феоктиста Мочульского со своим знаменитым современником, Московским митрополитом Платоном Левиным, и справедливо сокрушался, что его замечательная деятельность продолжает оставаться почти никому неизвестной. Такое положение не изменилось вплоть до наших дней.

Настало время увековечения памяти архиепископа Феоктиста Мочульского – первого и единственного архиерея Белгородского и Курского в 1787–1799 гг., выдающегося церковного деятеля и просветителя общенационального масштаба.

**Методологический семинар молодых учёных
НИУ «БелГУ» и Белгородской Православной
Духовной семинарии**

**ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА
И НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ
НИКОЛАЯ НИКАНОРОВИЧА ГЛУБОКОВСКОГО
(6/18.XII.1863 - 18.III.1937)**

Щербаков И.Т.

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, Белгородская Духовная Семинария
(с миссионерской направленностью)
(Белгород, Россия)

**Н.Н. ГЛУБОКОВСКИЙ И ДЕЛО ПЕРЕВОДА СВЯЩЕННОГО
ПИСАНИЯ (КОММЕНТАРИИ К ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМУ
ПЕРЕВОДУ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМУ ОПЫТУ
К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА)**

Н.Н. Глубоковский является выдающимся деятелем церковной отечественной науки, чей вклад в отечественную герменевтику не до конца осознается современными деятелями гуманитарной науки. Более того огромная часть его исследований не введена в научный оборот вовсе, а лишь фрагментарно освящена в небольших обзорных статьях. Собственно, краткое это исследование затронет один из малоизученных аспектов деятельности Н.Н. Глубоковского, а именно, его участие в деле перевода, а если быть точнее редактирования перевода Священного Писания, над которым исследователь трудился весьма продолжительную часть времени, предоставив огромный труд с комментариями по редактуре и исправлению синодального перевода четвероевангелия.

При общем взгляде на данную проблему нельзя не затронуть, пусть и кратко вопрос о взаимоотношениях между Н.Н. Глубоковским, и К.П. Победоносцевым. Нельзя обойти этот вопрос по некоторым причинам. Во-первых, нельзя не отметить, что именно по инициативе К.П. Победоносцева работа над редактурой синодального перевода Священного Писания приходит из фазы рассуждений в фазу активных действий. Сам К.П. Победоносцев, говоря о данном вопросе, писал: «как и всякий первый опыт не свободен от недостатков, кои сознаваемы были и самими переводчиками» [Об исправлении русского перевода 1892, с. 1129]. Таким образом, мы видим промыслительную зависимость двух ученых К.П. Победоносева и Н.Н. Глубоковского. Во-вторых, нельзя не отметить о

том, что Н.Н. Глубоковский весьма лестно отзывался о переводческом опыте 1906 К.П. Победоносцева [Реморова 2009, с. 126]. Данный труд, имеющий название «Новый завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К.П. Победоносцева. Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета», был подвержен Глубоковским не менее детальному рассмотрению, чем рецензируемый им же ранее синодальный перевод четвероевангелия. Наконец, в-третьих, мы можем с уверенностью сказать, что плоды интеллектуальной деятельности Н.Н. Глубоковского были использованы К.П. Победоносцевым, чьим имеются как прямые свидетельства, сохранившиеся в дневниковых записях, так и косвенные отобразившиеся на полях самой рукописи [Глубоковский, Н.Н. РНБ ОР и РК. Ф. 194, оп. 1, ед. хр. 59, с. 1], Н.Н. Глубоковского и представляющие особый интерес для биографов, текстологов, изучающих данный вопрос.

Над корректировкой текстов Н.Н. Глубоковский работал с 28 августа 1892 г. по 10 апреля 1897. Свою работу он начал с евангелия от Матфея. Общий объем рукописей с исправлениями составили более одной тысячи страниц [Савич 2012, с. 12-13]. Все замечания по исправлению синодального текста можно условно разделить на четыре группы. В первую группу входили замечания с целью уточнения в соответствии с греческим подлинником. Во вторую группу входили замечания касавшиеся уточнения перевода с точки зрения норм и стиля русского языка. В третью группу можно отнести замечания, сделанные для внесения ясности. И наконец, к четвертой группе относится замечания, сделанные с позиции привнесения научности [Ремова 2009, с. 126-127]. Ценность труда Н.Н. Глубоковского помимо всего прочего заключалась в том, что он руководствовался научным подходом, был весьма обстоятельно знаком с критическими изданиями библии московской и питерской редакции. Помимо этого, он обратил внимание и на вопрос о возможном уточнении церковнославянского текста. Его позиция была следующей: «для начала необходимо восстановление первоначальной кирилло-мефодиевской редакции» [Глубоковский РНБ ОР и РК. Ф. 194, оп. 1, ед. хр. 59, с. 233.]. Помимо этого, он так же отмечал: «можем отыскать и соответствующий ему греческий прототип и, следовательно, все средства довести копию до тождества с оригиналом» [Глубоковский Н.Н. РНБ ОР и РК. Ф. 194, оп. 1., ед. хр. 55, с. 11.]. Он стремился к тому, чтобы каждое слово в переводе находилось на своем месте законно. При этом конечный перевод, по его мнению, должен быть эталоном словесности, как с грамматической, так и со стилистической точек зрения.

Как отмечалось ранее, он знал о том, что его труды были использованы К.П. Победоносцевым. Перевод К.П. Победоносцева, он встретил крайне тепло, отметив его стилистический и грамматические достоинства. Его комментарии условно можно разбить на две большие части. Первая часть является обзорной и состоит из хвалебных отзывов на стилистические находки

К.П. Победоносцева. Вторая часть представляет классификацию всех находок Победоносцева, которые условно разделяются на три группы: 1) Удачный подбор славянских терминов, 2) корректные формы и обороты, 3) гармонизация [Ремова, 2009, с. 128].

В завершении важно отметить, что такое огромное наследие Н.Н. Глубоковского обнаруженное в архивах в 1982-83 годах [Савич 2012, с. 15] до сих пор не изучено. Вместе с тем даже такое беглое ознакомление с данным вопросом позволяет говорить о его бесспорной важности для отечественной герменевтической науки.

Литература

1. Об исправлении русского перевода книг Священного Писания // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1892. № 33. С. 1129.
2. Реморова Е.Е. Н.Н. Глубоковский и К.П. Победоносцев: о творческом взаимодействии в деле перевода на русский язык Нового Завета. Сибирский филологический журнал №1. 2009. С. 125-130.
3. Савич Д.Н. прот., Ординарный профессор Н. Н. Глубоковский и его «Замечания на славяно-русский перевод Евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна» (история рукописи). Скрижали. №4. 2012. С. 10-20.
4. Глубоковский Н.Н. Замечания на славяно-русский текст Евангелия от Иоанна / Н. Н. Глубоковский // РНБ ОР и РК. Ф. 194, оп. 1, ед. хр. 59.
5. Глубоковский Н.Н. Общие указания по вопросу об исправлении славянского и русского перевода Нового Завета // РНБ ОР и РК. Ф. 194, оп. 1., ед. хр. 55.

Чуева Ю.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ПОНЯТИЕ КЕНОСИСА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.Н. ГЛУБОКОВСКОГО

Согласно православной энциклопедии, кеносис – уничижительное состояние, добровольно воспринятое Сыном Божиим при воплощении для спасения мира. В кеносисе выражена вся земная жизнь Иисуса Христа и свидетельство о великой любви Бога к человеку. Предельное унижение Христа явлено в Его крестных страданиях и смерти [1].

Пророчества о кеносисе обнаруживаются в свидетельствах Ветхого Завета о грядущем Мессии. В Новом Завете формы глагола κενόω используются пять раз в посланиях апостола Павла, но именно цитата из послания к Филиппийцам является ключевой для понимания христианского учения о кеносисе [1].

Тема кеносиса, будучи знаковой в вопросе понимания богочеловеческой природы Иисуса Христа, интересовала Н.Н. Глубоковского – русского библеиста, богослова, экзегета, специалиста по патрологии и истории Церкви.

Понятие кеносиса Глубоковский в своем «Библейском словаре» раскрывает через смежные термины: искупление и спасение. Интерпретируя понятия, Глубоковский обращается к Ветхому Завету, устанавливает присущее им тогда содержание и дает новое через призму евангельской проповеди. Центральное место в каждом из них играет фигура Христа. В Нем самом заключается раскрытие понятий «искупления» и «спасения».

В статье Глубоковского «Христово унижение и наше спасение» тема искупления раскрывается наиболее полно. Библеист строит свое рассуждение на тезисах: «Христос домирно был эссециальном божественным существом и располагал всеми преимуществами богоравного бытия, но временно пожертвовал ими ... ради высших спасительных интересов, для которых принял унижение вочеловечения и искупительных страданий, а по реализации своих целей достиг богочеловеческого превознесения и всеобщего прославления Отчего» [Глубоковский 1930].

Библеист считает, что кеносис был «лишь фактическим отложением славы и прекращением свойственного функционирования», а не «умалением божества (как считали «кенотики») или сокрытием его (как считали «криптики»)». Кеносис начался с рождения Христа и продолжался «дальше в разных видах земного служения» Его. Глубоковский соглашается с православным представлением о том, что бого воплощение Иисуса Христа есть «великая благочестия тайна», но позорная смерть в виде крестной казни остается для него неестественной и непонятной [Глубоковский 1930].

В интерпретации христологического отдела в послании к Филиппийцам библеист обращается к контексту, учитывает содержание и обстоятельства написания послания, привлекает филологический анализ и многовековой опыты Церкви. Глубоковский был осведомлен в вопросах протестантского богословия и свои изыскания проводил в форме ответа на имеющуюся критику. В связи с этим ценность трудов библеиста заключается в положительном прочтении многовекового церковного Предания, его актуализации и демонстрации его непреходящей востребованности даже в контексте библейской критики.

Литература

1. Кеносис. Православная энциклопедия URL: <https://www.pravenc.ru/text/1684191.html> (дата обращения: 22.11.2024).
2. Глубоковский Н.Н. Христово унижение и наше спасение. Библейско-экзегетический анализ Филип 2,5–11// Православная Мысль, № 2, Париж, 1930.

СИМПОЗИУМ II
РУССКАЯ МЫСЛЬ «ЗОЛОТОГО» XIX СТОЛЕТИЯ:
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ
(ПРОБЛЕМА ПОЧВЕННИЧЕСТВА)

Третье заседание

Заброскова А.О.
Свободный исследователь
(Белгород, Россия)

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ТРУДОВ В.Н. КАРПОВА

Исследователи русской философской традиции нередко обращают внимание на фигуру В.Н. Карпова (1798-1867). Обычно акцент делается на его преподавательской и переводческой деятельности, но также есть работы, которые посвящены анализу его оригинальных философских трудов. Многие из философских произведений В.Н. Карпова остаются не переопубликованными и не исследованными.

Кроме того, есть сведения о В.Н. Карпове как о писателе и поэте. Некоторые его стихи и диалоги публиковались в духовном журнале «Странник» под псевдонимом «Хреновской» (по названию его родного села). Основные темы его произведений включают важные общественные вопросы и переосмысление библейских сюжетов. Однако его поэтическое и литературное наследие сегодня практически недоступно и мало исследовано.

Была предпринята попытка систематизировать философские труды В.Н. Карпова. Условно работы В.Н. Карпова можно разделить на 2 группы: 1) труды по практической философии; 2) труды по теоретической философии.

Первая группа включает в себя логические и этические труды В.Н. Карпова. За основу была взята его преподавательская деятельность, которая нашла отражение в авторском учебнике логики «Систематическое изложение логики». Учебник В.Н. Карпова представляет собой систематический труд по логике, раскрывающий все основные темы, автор преподносит теоретический материал в контексте сферы своих научных интересов, что также отражается на его примерах. Говоря об этических установках В.Н. Карпова, в первую очередь следует упомянуть его работы, не переизданные в наши дни: «О нравственных началах» (в «Христианском чтении» за 1867 г., отд. II); «Мысли из уроков философии нравственного мира» (сообщение П. И. Савваитова в «Страннике» за 1868 г., № 3, стр. 103–106), которые были бы посвящены этике, как отдельному разделу практической философии. Однако и в других работах Карпова четко прослеживаются его этические установки, которые будут отражены в докладе. Этические воззрения В.Н. Карпова строятся прежде всего в христианской традиции и его

понимании человека, как существо единичное, что послужило причиной критики философии рационализма и в частности И. Канта.

Во вторую группу были включены работы по философии: «Введение в философию» (1840); «Философский рационализм новейшего времени» (1860); «О самопознании» (1861); «Систематическая форма философского рационализма, или наукоучение Фихте» (1866) и «Вступительная статья в психологию» (1868). Главной темой теоретических трудов является тема самопознания, в части работ В.Н. Карпов рассматривает теоретическое самопознание как науку самопознания, а именно, психологию. Основой теоретической философии В.Н. Карпова можно считать сократо-платоновскую традицию, именно сократо-платоновская философия послужила основой для определения В.Н. Карповым самопознания как основания философии; опыт Платона послужил отправной точкой для развития идей самопознания в философских исследованиях автора.

Отдельной группой работ можно выделить переводческие труды В.Н. Карпова: перевод сочинений Платона в 6-ти томах (тт. I-IV изд. 1863 г., тт. V и VI изд. 1879 г.) и «Исторические записки Никифора Вриенния» (1858).

Таким образом можно увидеть, что В.Н. Карпов создал оригинальную философскую систему, которая нашла отражение в его философских трудах.

Кузьмина В.Ю.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ В КРУГУ СОБЕСЕДНИКОВ: ОПЫТ ВИЗУАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Ф. М. Достоевский терпеть не мог писем. Однако различные причины заставляли его вести множество переписок: будь то личные, житейские или рабочие общения. По личной оценке, писателя, и взгляду со стороны можно разглядеть психологический портрет. Найти то, что делало его таким, каким он был и какие личностные качества он закладывал в героев посредством своего жизненного опыта.

Письма Достоевского – это ценный источник для понимания его личности и творческого процесса. В письмах брату из ссылки он выражал стремление оставаться человеком в любых несчастьях: «Брат! Я не уныл и не упал духом <...> быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее» [1].

Он сам страстно желал любить и быть любимым, но его собственные сложности характера [2], включая самовлюбленность и вспыльчивость, мешали ему в этом. В письмах он признается в желании любить, но также описывает чувство пустоты и одиночества, которое толкало его на повторный брак.

Достоевский страдал от честолюбия, часто хвастаясь своим успехом и наслаждаясь вниманием, которое он получал. В письмах к брату Михаилу

Достоевский с удовольствием описывает свое положение: «никогда, я думаю, слава моя не дойдет до такой апогеи, как теперь» [3].

Окружающие описывали Достоевского как человека сложного и противоречивого, но в то же время обаятельного и искреннего. Он был сосредоточенным и замкнутым, предпочитая общение с избранными людьми [4]. Несмотря на это, он был чувствительным к чужим страданиям и легко проникал в глубины человеческих душ. Его отстраненность объяснялась неравнодушием к действительности, которую он считал несовершенной.

Достоевский был заботливым и добрым человеком, который помогал своим слугам и семье брата. Он взял к себе в прислугу вдову с тремя детьми, которая осталась в бедности после смерти мужа [5].

А.Г. Достоевская рассказывала, что ее муж обладал необыкновенной способностью успокаивать детей. Он легко входил в их мир, заинтересовывал их беседой и убеждал их верить в себя. Эта способность проявлялась как к собственным детям, так и к чужим.

Он был нежным и любящим отцом, который погружался в заботу о своей дочери. Достоевский был нежнейшим отцом, полностью погруженным в заботу о своей дочери.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что Ф.М. Достоевский – это не просто писатель, это целая эпоха. Он был голосом своего времени, отражающим все противоречия XIX века: глубокую веру и беспощадные сомнения, желание свободы и необходимость подчинения, нежность к детям и жестокость взрослого мира. Он писал о страсти, безысходности и о поиске смысла жизни; не боялся заглядывать в глубины человеческой души, раскрывая ее тайны и описывая ее темные стороны.

Примечания

1. Ф.М. Достоевский. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ. Санкт-Петербург. «НАУКА». 1996., т. 15. Письма 1834–1881. (№ 37) Письмо М. Достоевскому из Петропавловской крепости после помилования 22 декабря 1849 г.

2. «иногда, когда сердце мое плавает в любви, не добьешься от меня ласкового слова», из письма М. Достоевскому, (№31) Январь - февраль 1847 г. Петербург. Ф.М. Достоевский. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ. Санкт-Петербург. «НАУКА». 1996., т. 15. Письма 1834–1881.

3. Ф.М. Достоевский. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ. Санкт-Петербург. «НАУКА». 1996., т. 15. Письма 1834–1881. (№ 23) Письмо М. Достоевскому 16 ноября 1845 г.

4. Воспоминания Д.В. Григоровича: «отличался <...> сосредоточенностью и скрытностью». / К.А. Трутовского: «нравственно он также резко отличался от всех <...> Всегда сосредоточенный в себе, он в свободное время постоянно задумчиво ходил взад и вперед где-нибудь в стороне...»

5. Серия литературных мемуаров Под общей редакцией В.В. Григоренко, С.А. Макашина, С.И. Машинского, В.Н. Орлова. М.,

"Художественная литература", 1971. А. Г. Достоевская. Воспоминания. Часть вторая. Знакомство с Достоевским. Замужество. III.

Литература

1. Достоевский Ф.М. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ. Санкт-Петербург. «НАУКА». 1996., т. 15. Письма 1834–1881.
2. Серия литературных мемуаров Под общей редакцией В.В. Григоренко, С.А. Макашина, С.И. Машинского, В.Н. Орлова. М.: "Художественная литература", 1971. А. Г. Достоевская. Воспоминания.
3. Лоссий Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание / [Предисл. С. Левицкого]. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 406 с.
4. Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1 [и единственный]: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и comment. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. 576 с.
5. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. М.: T8RUGRAM, 2018. 102 с.

Леонова Д.О.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ВООБРАЖЕНИЕ КАК ЭТИЧЕСКАЯ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПСИХОЛОГИИ М.И. ВЛАДИСЛАВЛЕВА

Вопрос о роли воображения в жизни человека и его сущности в отечественной литературе мало разработан в психологии и философии, при этом в большей части работ этот вопрос рассматривается с точки зрения педагогики. В философии же преобладает взгляд на воображение как на творческую, случайную (значит, свободную) способность души, благодаря которой мы соотносим частное с общим, схватываем суть предмета как целого [Киселёва 2015, с. 108-117].

Подобное понимание воображения можно встретить и у М.И. Владиславлева, одного из основоположников университетской логики, философии и психологии в России XIX века. Вся деятельность ума делится им вначале на рефлексию (логическое мышление) и воображение. Согласно М.И. Владиславлеву, воображение играет одну из ведущих ролей не только в искусстве, но и в умственной деятельности вообще. Его (воображения) деятельность свободная, в определенном смысле иррациональная, но при этом оно всё равно не может полностью избегать логических законов, иначе его образы потеряли бы эстетичность. Однако истинно новые образы воображение не может создавать, так как его деятельность зависит от жизненного опыта человека, значит оно не обладает и абсолютной свободой [Владиславлев 1881, с. 372-387].

Сама деятельность воображения начинается волей, так как именно ей, по М.И. Владиславлеву, руководится душа. Под волей Михаил Иванович понимает положительную (в логическом смысле), целеполагающую деятельность, которая выражается в различных желаниях, влечениях, хотениях, стремлениях [Владиславлев 1881, с. 387-390]. В основе воображения лежат два противоположных влечения воли: стремление к отдыху на малых впечатлениях и влечение к «ценному бытию», из которых создаётся два мира: комический и идеальный. В первом случае душа отдыхает в созданных воображением карикатурах, в дисгармонии между формой и содержанием, во втором же оно строит возвышенные идеалы. Все идеалы и искусство в целом происходят из воображения. Идеалы хотя и содержат в себе как субъективные, так и объективные стороны, но всё же к построению идеалов побуждает субъективная воля и неудовлетворение действительностью [Владиславлев 1881, с. 396–411].

Как отмечает М.И. Владиславлев, оригинальность ума человека зависит именно от воображения, а не от рефлексии. Рефлексия работает с очевидными сторонами предмета, воображение же их рассматривает с определённой точки зрения, которая имеет более случайный характер (но не бессмысленный). Без воображения оригинальные творческие научные теории не могли бы появиться. Поэтому любая философская или научная система базируется на воображении, а это значит, что она содержит в себе эстетический элемент. М.И. Владиславлев приходит к выводу, что если воображение и рефлексия так сильно связаны, то они представляют собой единую деятельность, и именно в силу этого единства наука не может избегать идеалов [Владиславлев 1881, с. 432-437].

Из рассмотрения этой части работы хорошо видно, что для Владиславлева особую ценность представляет не закономерная и механическая деятельность рефлексии, а творческая, свободная работа воображения. Кроме этого, видно, как философ-психолог акцентирует внимание на цельности деятельности: только в научной сфере можно оперировать «воображением», «рефлексией» и другими подобными аналитическими понятиями, в живой действительности невозможно увидеть их границу.

Литература

1. Владиславлев М.И. Психология: исследования основных явлений душевной жизни: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова. 1881. XI, 610, [5] с.
2. Введенский А.И. Научная деятельность М. И. Владиславлева // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCLXIX. 1890. С. 181-211.
3. Киселёва С.Л. Воображение как универсальная способность человека // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Вып. 4(39). 2015. С. 108-117.

Гребенникова А.И.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

СМЫСЛОВАЯ ПОЭТИКА А.А. ФЕТА (ОПЫТ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ Е. KLENIN «THE POETICS OF AFANASY FET»)

Эмили Кленин – одна из малоизвестных в России исследователей творчества Фета. Кленин работает преподавателем в Калифорнийском университете, занимается поэтикой Дилана Томаса (Дилан Марлайс Томас (1914-1953) – поэт, прозаик, драматург, публицист) и А.А. Фета. К сожалению, ни одна её работа о Фете не была переведена на русский язык, биографических материалов мало. Всё, что удалось найти – описание Эмили Кленин своей деятельности: «Начав как русист, интересующийся языковыми изменениями и вариациями, я стала специализироваться на теории стихосложения и литературно-языковых контактных ситуациях. Я много лет работала над поэзией немецко-русского поэта А.А. Фета, который писал на русском языке, но был полностью двуязычным, и в его стихах было много "немецких привычек"».

Книга «The Poetics of Afanasy Fet » была опубликована в 2002 г. в Лос-Анджелесе. На первых страницах исследовательница делится историей своего знакомства с творчеством Фета, как она случайным образом наткнулась на стихотворения поэта в 1971 году. Стихи показались ей «haunting» [Klenin 2002, с. 1]. Она пишет: «С тех пор я перечитываю эти стихи и читаю о них, и я пытаюсь ответить на один-единственный вопрос о них: как они вызывают тот отклик, который они вызывают и уже вызывали у поколений читателей? Книга, которую вы держите перед собой, – это мой ответ на этот вопрос. Она не расскажет вам всего, что вы, возможно, хотели бы знать о Фете или его стихах. Это не сбалансированное исследование жизни и творчества. В ней рассматриваются отдельные аспекты его поэзии, а основная информация, которую я сочла полезной, в основном сведена к заметкам» [Klenin 2002, с. 13]. Начинает она с краткого представления о том, о какой именно поэзии идет речь. Эмили Кленин совершает попытку контекстуализировать поэзию раннего периода жизни Фета. Она пишет, что язык поэта достаточно ясен и со временем становился всё более точнее, хотя и не менее поэтичным. Также Кленин наблюдает растущий консерватизм Фета в отношении размера и рифмы [Klenin 2002, с. 7]. Американская исследовательница необычайно детально и точно рассматривает и анализирует стихотворения Фета. Затрагивая тему свободы, она заметила, что в стихотворениях А.А. Фета это слово встречается 23 раза, указывая этим на то, какую большую роль свобода играет в жизни у поэта. Время, вернее безвременье, состояние бытия вне времени также заметны в стихотворениях Фета. Кленин пишет, что для поэта само переживание было важнее, чем время. Помимо свободы и времени, приступая к изучению поэзии Фета, Кленин неизбежно столкнулась с

понятием искусства ради искусства, эстетикой. Но, по мнению Кленин, нельзя считать, что Фет trivialно привязан к форме, для него это было совершенно не характерно. А зрелый Фет вообще предпочитал содержание форме [Klenin 2002, с. 8]. Описывая труды «немецко-русского поэта А.А. Фета», Кленин не смогла обойти стороной эмоциональную сторону его стихотворений: «Именно в более поздней поэзии самосознание становится особенно важной темой, но взаимосвязь между эмоциями и самосознанием остается неизменной» [Klenin 2002, с. 29]. У Фета в стихотворениях воспоминания связаны с эмоциональными впечатлениями. В главе под названием «*Trauma and memory in Fet*» Кленин продолжает размышлять над вопросом памяти, только уже в контексте травмы. Она увидела, что воспоминания Фета позволяют предположить, что сам поэт видел связь между яркими воспоминаниями и травмой. Поскольку в старости он решает написать о своих ранних воспоминаниях, в том числе о своих первых воспоминаниях о русской поэзии, он представляет их как связанные с травмирующими событиями, и показывает, что осознает, что эта ассоциация может свидетельствовать о научном мнении о роли травмы в памяти. Так, например, его воспоминания о детстве начинаются с воспоминания о чем-то, что, по его словам, напугало его, хотя человек, которого он вспоминает, оказывается был дядя по материнской линии, с которым он познакомился и которого любил. Далее она отмечает: «В своей трехтомной автобиографии Фет неоднократно отмечает, что у него плохая память на все, кроме поэзии и визуальных образов, и он не помнит хронологии даже тех событий, которые запомнил» [Klenin 2002, с. 34].

Во второй главе она рассматривает и анализирует несколько текстов: «Измучен жизнью, коварством надежды» и «В тиши и мраке таинственной ночи». Кленин предполагает, что изначально это было одно большое стихотворение, а потом Фет немного поправил вторую часть и отделил её. Ещё одна необычная характеристика поэзии Фета: многие исследователи, по мнению Э. Кленин считают, что Фет приписывает деятельность, способности и чувства миру природы, а неподвижностью наделяет людей. Она не согласна с этим: «Различие между одушевленным и неодушевленным сведено на нет, и поэт перераспределяет семантику одушевленности посредством соотнесения внешнего и внутреннего опыта: все одушевленные существа являются объектами в силу своего местоположения во внешнем мире, но все объекты можно представить как обладающие внутренней жизнью. Когда он приписывает речь, это происходит не потому, что способность к человеческому языку высоко ценится в его поэтике, а потому, что она может быть использована как подобие человеческих способностей вообще. Приписывая язык женщинам или бабочке, Фет проецирует на них сознание, и он стремится превратить это чуждое сознание в текстовую фигуру, точку зрения которой читатель принимает по умолчанию» [Klenin 2002, с. 115].

В третьей главе Э. Кленин возвращается к форме, но уже более глубоко. Она считает, что Фет выходил за рамки нормы поэзии XIX в. Он был известен своим умением сочетать короткие и длинные линии (автор считает, что эту привычку Фет полюбил в немецком языке. На протяжении всей книги идет

пометка, что Фет - не русский поэт, а немецко-русский, причем даже не русско-немецкий. Вот так и поэзия его пропитана «немецкими источниками» [Klenin 2002, с. 197]. Кленин также указывает на ретроспективность Фета в своих стихотворениях: поэт часто возвращался к тому, что написал раньше, переписывал, дописывал свои работы. Возвращался не только к русским произведениям, Фета тянуло переводить немцев, по слову Кленин, в разные периоды жизни он переводит Шопенгауэра, Гёте и др.[Klenin 2002, с. 197]. Затрагивает исследовательница метр и ритм Фета, выделяя: «Что самое интересное в использовании Фетом размера и ритма, так это то, как он находил путь между ними. Я считаю, что это один из аспектов творчества Фета, в котором вы наиболее ясно видите, как его смешанное культурное наследие повлияло на его творчество. Эксперименты Фета с размером и ритмом проявляются как в ранних, так и в поздних работах (хотя редко в параллельных), как в переводах, так и в оригинальной поэзии. И эти вещи не отделяются друг от друга. То, что поразило его в немецком стихотворении, могло, например, проявиться как какая-то особенность в том, как он его перевел, и формальный выбор, сделанный при переводе, позже мог проявиться в оригинальном стихотворении» [Klenin 2002, с. 204]. Формальная точность переводов, за которую в России переводы Фета не сильно ценили, на Кленин произвели впечатление. Она сравнила три перевода стихотворения Гёте «Auf dem See». Представлены были переводы Фета, Аксакова и Григорьева: «В отличие от Аксакова, и Фет, и Григорьев верны размеру оригинальной второй строфы, и, также в отличие от Аксакова, они оба сохраняют схему клаузулы: в тексте Гете на протяжении всей первой строфы были мужские окончания строк (хотя одно из них было без ударения), и вводилось женское начало. девятая клаузула только вместе с общим "падающим" ритмом его второй, трохеической, строфой. Григорьев, однако, в одном отношении следует примеру Аксакова, придавая своему переводу очень легкий немецкий акцент: его рифмы, строго по пушкинским стандартам, немного вольны, хотя и не слишком заметны. Немецкая рифма, в том числе и у Гете, обычно допускала звуковые различия, которые в русском языке были недопустимыми вольностями, но рифма в "Auf dem See" полностью нормативна. Как и у Фета» [Klenin 2002, с. 207]. И снова Кленин указывает на чувствительность Фета к немецким текстам, которая превосходит чувствительность его предшественников, это касается не только формального, но и семантического аспекта.

Подводя итог, можно сказать, что книга Эмили Кленин имеет большую пользу в исследовании поэтики А.А. Фета. Несомненно интересно читать видение исследователей не из России на русскую поэзию. Ярко заметно то, что Кленин не хочет полностью отдавать Фета русской поэзии. Но её работа пропитана тонким чувством, интересом, удивлением и трепетом к поэтике А.А. Фета.

Литература

1. Klenin E. The Poetics of Afanasy Fet. Köln: Bohlau Verlag Köln Weimar, 2002. 409 p.

Зюганова С.К.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

**МУЗЫКАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ Р. ВАГНЕРА
В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ИНТЕРВАЛЕ:
В.Ф. ОДОЕВСКИЙ – А.Н. СЕРОВ**

Переписка А.Н. Серова и В.Ф. Одоевского, двух крупнейших деятелей русской музыкальной культуры XIX столетия, является открытым пространством современных историко-музыковедческих и философских исследований. Публикация писем разрозненна, неполна и нуждается в обстоятельных комментариях. Прояснения требует как особенный, эмоционально насыщенный стиль общения А.Н. Серова и В.Ф. Одоевского, так и содержательность, разнообразие тем и смысловая глубина этого общения.

В.Ф. Одоевский оказывал большую поддержку А.Н. Серову, и как мы читаем в книге воспоминаний Валентины Семеновны Серовой, жены Александра Николаевича, «с Серовым князь носился, как с приездкой примадонной; тотчас собрал кружок слушателей, и «Юдифь», если я не ошибаюсь, сделала свои первые шаги в Москве именно в салоне В.Ф. Одоевского» [Серова 1914, с. 42]. В.Ф. Одоевский и А.Н. Серов разделяли взгляды на многие события, которые окружали их, и вели очень тесную переписку.

В рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранятся 12 писем А.Н. Серова к В.Ф. Одоевскому, датируемые с 1859 по 1868 гг. Значительный интерес вызывает неопубликованное письмо А.Н. Серова к В.Ф. Одоевскому, написанное 28.08 (09.09) 1859 года. В этом письме Александр Николаевич пишет о своем заграничном путешествии. В самом начале он извиняется перед «Его Сиятельством» [Серов 1859, с. 6а] за то, что долгое время не было писем: «уповаю на свойственное Вам великодушие, на снисходительность ... и хочу верить, что Вы простите мне большую мою вину перед Вами, то есть мое долговременное молчание, тогда как я обязан был написать Вам еще из Веймара, еще в половине русского июня, то есть при самом начале моего нынешнего путешествия за границей, которое теперь подходит уже к концу!» [Серов 1859, с. 6а]. Путешествие было очень насыщенным впечатлениями и событиями, которые «отвлекли» [Серов 1859, с. 6б] Серова, как он пишет от «всякой корреспонденции» [Серов 1859, с. 6б]. Во время этого путешествия Александр Николаевич побывал на «блестательнейшем представлении “Лоэнгрин” на сцене Дрезденской и Йенской» [Серов 1859, с. 6б] опер и лично познакомился с «великим» [Серов 1859, с. 6б], по его же слову, Рихардом Вагнером. На встречу двух композиторов указано в монографии самого Р. Вагнера [Вагнер 2003], но это описание короткое и лаконичное. Именно, он пишет: «Наконец из Петербурга

приехал и Александр Серов, чтобы провести в моем обществе некоторое время. Это был оригинальный, интеллигентный человек, определенным образом ставший на сторону листовской и моей музыки. В Дрездене он слышал “Лоэнгрин” и хотел ближе ознакомиться с моими работами, в чем я должен был ему помочь, изобразив “Тристана” со свойственной мне манерой исполнения» [Вагнер 2003, с. 364]. Теперь это событие встречи композиторов можно узнать из письма Александра Николаевича: «В Швейцарию в Люцерн, я ездил нарочно, чтобы лицом к лицу видеть автора лучших в свете опер, - побеседовать с ним» [Серов 1859, с. 6в].

По слову А.Н. Серова, опера «Лонэнгин» «выше [выделено автором] Тангейзера, беспрекословно, на много процентов» [Серов 1859, с. 6г]. И даже «Оберон» Карла Вебера и произведения Джакомо Мейербера «всё это – пигмеи и уроды [выделено автором] перед истинным [выделено автором] музыкально-драматическим стилем Лоэнгрина!» [Серов 1859, с. 6г]. Р. Вагнер не просто композитор, он для А.Н. Серова - «Шекспир [выделено автором] оперной сцены» [Серов 1859, с. 6г].

А.Н. Серов пишет очень прочувствованно; большее внимание уделяется переживанию встречи с великим композитором: «случилось так, что у меня и письма не было рекомендательного от Листа к Вагнеру … надо было “ледяную корку” первого знакомства с довольно мизантропически настроенным художником – “лбом пробивать”. А впрочем немножко делу поспособило то, что Вагнер меня знал уже…» [Серов 1859, с. 6в-6г]. С этого момента началась дружба реформаторов немецкого и русского музыкального мышления. Вся последующая переписка А.Н. Серова, касательно Вагнера – «это человеческие документы глубокой нравственной красоты, которые заставляют нас совершенно забыть о неприятных шероховатостях характера Серова» [Браудо 1923, с. 24]. Из писем Р. Вагнера к Александру Николаевичу виден «чрезвычайно сердечный тон» [Браудо 1923, с. 20], глубокая взаимная симпатия. Р. Вагнер пишет А.Н. Серову: «Примите еще раз мой сердечный привет и выражения искренней благодарности за ваше большое дружеское сочувствие! Будьте здоровы, мой добрый друг» [Браудо 1923, с. 23].

Из архивного письма мы узнаем, как восторженно пишет о немецком композиторе А.Н. Серов, говорит о «великом Рихарде Вагнере», о возможности «видеть автора лучших в свете опер», и даже - «имею право теперь … заказать для себя визитную карточка: “Amico de diste a de Wagner”» [Лучший друг Вагнера] [Серов 1859, с. 6в]. Князь разделял теплые чувства Серова к Р. Вагнеру, а впоследствии тоже лично познакомился с немецким композитором. Из дневниковых записей можно почерпнуть даже то, что Вагнер ужинал в доме В.Ф. Одоевского (14 марта 1863 г.) во время его выступлений в Москве в 1863 году. Из дневника В.Ф. Одоевского: «Послал к Павлову статью о первом концерте Вагнера. Обедали у меня: Вагнер, Княгиня Ольга Оболенская, Тимирязева с матерью, Варвара Дмитриевна, Потулов старший, Кошелев, Соболевский. После обеда пришел Молчанов, пел, и Вагнер прослезился – er hat mir geruhrt [он дал мне прочувствовать], сказал он.

Вагнер совершенно понял необходимость нашего Осьмогласия» [Князь 2005, с. 90].

Письмо А.Н. Серова к В.Ф. Одоевскому является ценным документом, свидетельствующим об исторической, диалогической открытости русской музыкальной культуры XIX столетия – положительной открытости всему новому, что дает о себе знать примерным образом в горячности А.Н. Серова и благожелательности В.Ф. Одоевского; замечательна и ответная заинтересованность в разговорах с русскими музыкантами немецкого композитора-реформатора Рихарда Вагнера. Именно эта открытость, исторические свидетельства о ней, могут быть предметом дальнейших исторических и философско-музыковедческих исследований.

Литература

1. Браудо Е.М. Рихард Вагнер и Россия (новые материалы к его биографии). Петроград: культурно-просветительное кооперативное товарищество «Начатки знаний», 1923. 47 с.
2. Вагнер Р. Моя жизнь: В 2т. Т.2. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. 592 с.
3. Князь Владимир Одоевский. Дневник. Переписка. Материалы. М.: Издательство «Дека-ВС», 2005. 524 с.
4. Серов А.Н. Письмо Одоевскому В.Ф., 9 сентября 1859 г. // Рукописный отдел РНБ. Ф. 539 Одоевский В.Ф. № 987. Л.д. 6.
5. Серова В.С. Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович: Воспоминания В.С. Серовой. Санкт-Петербург: Шиповник, 1914. 379 с.

Першина И.Л.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

АРХИТЕКТУРА КАК ЭСТЕТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ: К ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИМ ГОРИЗОНТАМ ДЖ. РЁСКИНА

В составе эстетико-антропологических контекстов русской культуры XIX столетия – труды мыслителей, запечатлевавших архитектурные настроения своего времени, их глубинные и творчески перспективные смыслы. К числу этих трудов относятся и сочинения Дж. Рёскина, «главного выразителя эстетики викторианской эпохи» [Кононенко 2011, с. 8]. Перечтение наследия Рёскина служит вполне актуальную службу истории русской философии архитектуры, пониманию её особенной исторической отзывчивости.

Одно из значительных произведений Рёскина – «Семь светочей архитектуры» [Рёскин 2007], где содержатся требования, которым должна соответствовать архитектура (позже эти требования были расширены им до трехтомника «Камни Венеции»). В качестве «светочей» Рёскин понимает этические законы архитектора, как творца и формулирует их в следующем составе: жертва, истина, сила, красота, жизнь, память и повиновение. Характерна последовательность: исходна «категория жертвы» - «как символ социальной связанности с высшими идеалами (религии)» [Базен 1995, с. 15].

Рёскин выделяет две формы жертвы: первая – это абсолютное абстрагирование от личного, индивидуального, т.е. «самоотречение» (рёскиновский термин) и тем самым, принесение личностной жертвы; вторая – это, если можно так сказать, жертва духовная, т.е. жертва, приносимая сердцем. Как в первом случае, так и во втором, жертва должна обладать ценностью для того, кто её приносит. И нет большей ценности, чем тело и душа, ведь всегда жертвуется самое лучшее. Собственно, и архитектурное сооружение, по Рёскину, есть приношение Богу: искусства и богатства, силы и ума, времени и труда. Ещё, – важен духовный порыв, побуждающий строить, создавать архитектуру. Таким образом, все эти факторы, вложенные в постройку, умножают его красоту. Жертва огромного труда является уникальным вложением в архитектуру и при условии зримых свидетельств этого, становится условием высокой оценки и признания художественной мощи.

Удивительно, насколько по-русски (и насколько современно!) мыслит Дж. Рёскин, когда пишет о необходимости формирования нравственно-эстетических представлений, об искусстве, как носителе экзистенциальной чувственности, вложенной человеческим трудом в архитектуру. Осмысление архитектурных принципов не ограничивается им конструктивностью и функциональностью, а предполагает их эстетико-нравственную спаянность, манифестирует фундаментальные ценности, архитектурного творчества, обращение к которым сказывалось в историческом прошлом отечественной философии архитектуры и оказывается всё более востребованном в её настоящем.

Литература

1. Базен Ж. История истории искусства. От Вазари до наших дней. М.: Прогресс-Культура, 1995. 524 с.
2. Кононенко Е. Лектор и его «Лекции» // Рёскин Джон, Лекции об искусстве / Пер. с англ. П. Когана под ред. Е. Кононенко. М.: Б.С.Г. – Пресс, 2011. 319 с.
3. Рёскин Дж. Семь светочей архитектуры / Пер. с англ. М. Куренной, Н. Лебедевой, С. Сухарева. СПб.: Азбука-классика, 2007. 320 с.

Титов А.Д.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

СУБЪЕКТ КАК ДРУГОЙ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ И.И. ЛАПШИНА

Основной тезис, который я хотел бы обосновать в своём докладе заключается в следующем: актуальным для уточнения эпистемологических аспектов философии Ивана Ивановича Лапшина является расширенное, акторное понимание субъектности знания в онтологической системе Бруно Латура, и медиалогическая установка на понимание субъектности научного знания (или, иначе, роли ученого) Режи-Жюля Дебра. Довольно продуктивными, также, на мой взгляд, можно считать эпистемологические элементы психоанализа желания, как это представлено в исследованиях Жака Лакана. Ключевым мотивом для такого эпистемологического позиционирования вопроса о субъекте эпистемологии И.И. Лапшина является особая исследовательская разносторонность в понимании субъектных начал знания и, вместе с тем, конструктивно-динамичная методология в понимании знания, свойственная Лапшину.

И.И. Лапшин нельзя отнести к мыслителям конструктивистского склада, но вполне возможно говорить о его особенном эпистемологическом настроении, которому была свойственна теоретическая отчетливость, понимание того, что мышление собирает себя, обретает или *из-обretается в некотором творчески-познавательном желании*. «По этому поводу нужно заметить, что процесс научного и философского творчества есть, подобно художественному, движение от целого к частям или, точнее сказать, целое, смутно намеченное, постепенно проясняется по мере формирования частей. Даже простой синтетический силлогизм не есть механическая склейка двух посылок, из которых автоматически получается заключение, но целостное единство акта мысли, в которое части входят как моменты диалектического процесса» [Лапшин 1999, с. 329]. Познавательное желание реализует себя в акте творческого построения, в интервале, по слову Б. Латура, «абсолютной искусственности и совершенной объективности»; «нет никакого вопроса в том, что лаборатории, ускорители частиц, телескопы, национальная статистика, масса спутников, гигантские компьютеры и коллекции образцов, – все это искусственные места, историю которых можно было бы задокументировать таким же образом, как и историю зданий, компьютерных чипов, локомотивов» [Бруно Латур 2014, с. 126] (в философии познания И.И. Лапшина и Бруно Латура знание, как видно, не является обособленным и/или природно данным, иначе бы взаимодействовать с ним, и понимать его было бы невозможно).

Ещё одной особенностью эпистемологии И.И. Лапшина является его идея, что субъект познания эволюционирует не в вопросе мышления, а лишь

в вопросе ясности, отчетливости научной теории: «следует говорить не об эволюции форм познания и законов мышления, а об эволюции их смутных зачатков в ясные концепты» [Лапшин 1999, с. 165]. Данную концепцию можно представить негативистски, но интереснее здесь иное. И.И. Лапшин актуализирует историческое пространство познания – этого не найти у Б. Латура, но это и находит новую актуальную меру точности в коммуникативистике Р. Дебре, в связи с постановкой вопроса о «коммуникаторах» и «передатчиках». «К термину «передача» мы отнесем все, что имеет отношение к динамике коллективной памяти, а к термину «коммуникация» – обращение сообщений в некий заданный момент. Или же, углубляя противоположность, мы скажем, что коммуникация состоит в переносе информации в пространстве в пределах одной и той же пространственно-временной сферы, а передача – в переносе информации во времени, между различными пространственно-временными сферами. Коммуникация имеет определенный социологический горизонт, а в качестве «стартового трамплина» – межиндивидуальную психологию (между отправителем и получателем, в том первоначальном опыте, который образуется через акт беседы). Передача же имеет горизонт исторический, а в качестве стартовой позиции – некое техническое осуществление [performance] (с использованием материального носителя)» [Режи Дебрэ 2009, с. 16]. Когда И.И. Лапшин пишет, что концепт развивается со временем, он неявным образом и вводит познавательно-коммуникативные, «передаточные» смыслы этого концепта, его социальную конкретность (концепт же не передаётся через тардовское «подражание» сквозь сотни лет, его передают вещи, предметы, это могут быть как и книги, которые мы читаем, так и телевизионные передачи из детства, информацию из которых мы вспоминаем во взрослом возрасте).

Самой, пожалуй, важной в актуализации познания у И.И. Лапшина – экзистенциально-эпистемологическая гармония вопроса о познавательном желании с ближайшими нам мыслителями. Согласно Лапшину, «эротика и мистика перерождаются в философском творчестве во вселенское чувство, в любование миром как целым» [Лапшин 1999, с. 289]. Представляется, что это гармонически близко к размышлению Ж. Лакана – в отчетливой интерпретации Даниэля Руа: «Желание не инструмент, находящийся в ведении фантазмов, оно занимает свое особое место в человеческом сообществе, являясь самой большой ценностью, объединяющей людей между собой» [Московский психотерапевтический журнал 2004]. И.И. Лапшин, как и Ж. Лакан, подмечают, что в знании желание является важным источником, источником чувствования его именно глубинной достоверности, неотрывной от целостного субъекта познания. Собственно, глубина познания, не из-мышляемая, а из-обретаемая в акте творческого познания, образует, на мой взгляд, некоторое новое перепутье исследовательской заинтересованности в И.И. Лапшине и его наследии.

У меня нет цели показать, что И.И. Лапшин предвосхитил будущую философскую мысль – покамест только продемонстрировать, как могут возникать схожие идеи у разных авторов в разных эпохах. И.И. Лапшин свидетельствует о некоем «бессмертии автора», является живым, полезным и важным; ничуть не «пережитком» истории.

Литература

1. Дебрэ Р. Введение в медиологию / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Практис, 2009. 368 с.
2. Московский психотерапевтический журнал. Спецвыпуск, посвященный лакановскому анализу / отв. ред. В.Н. Цапкин. 2004. №3.
3. Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии : Введение в историю философии. Москва: Респ., 1999. 329 с.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ, 2014. 384 с.
5. Лапшин И.И. Кант и современная философия (по поводу 200-летия дня рождения Э. Канта) // Вестник РХГА. 2015. № 3. С. 268-278.
6. Больщакова В.В. И.И. Лапшин о психологических основах творческой деятельности личности // Методология и история психологии. 2008. № 2. С. 60–68.

Четвертое заседание

Шульженко А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

РАЗРАБОТКА ПОНЯТИЙ «НАРОД» И «НАЦИЯ» РУССКИМИ ОРГАНИЦИСТАМИ XIX ВЕКА

Русские органицисты избегали строгих формул и сухих теоретических рамок в пользу более глубокого и целостного осмысления национальных вопросов через положительную оценку культурных продуктов.

А.А. Григорьев рассматривал «народ» как сложное органическое образование, включающее в себя все слои общества, имеющее уникальную физиономию [Григорьев 1990, с. 441]. Для него «народ» значил намного больше, чем просто территорию или язык; он включал в это понятие ценности, нравственные и религиозные ориентиры, которые формировались в процессе исторического развития.

Н.Н. Страхов, называвший себя учеником А.А. Григорьева, находится на уровне методологического поиска и уточнения. В споре с В.С. Соловьевым о «России и Европе» Данилевского, Страхов подчеркивал,

что «органическое единство» Г. Рюккерта – это теоретизм, в то время как идея целостного типа Данилевского сформировалась его биологической специальностью, как естественно-историческая категория [Страхов 1894, с. 169].

В «России и Европе» употребление понятий «нация» и «народ» часто синонимично. Как основное Н.Я. Данилевский использовал понятие культурно-исторического типа. Это не эквивалент «нации» или «народу», но наиболее полно характеризуемая категория, позволяющая целостно строить концепцию. Он видел в народах основополагающие «органы человечества», формирующие государство, тогда как насильтственное объединение разных наций в одно государство приводит к конфликтам [Данилевский 1995, с. 187].

В работе «Культурный идеал и племенная политика» [Леонтьев 2009, с. 23] К.Н. Леонтьев предлагает более четкое разграничение понятий: нация – это физическое представление, воспринимаемое через географию, язык и образы людей, национальность – более отвлеченное понятие, представляющее собой идос (эйдос) нации, а национализм – движущая сила. Национальный идеал связан с субъективными представлениями о будущем. Напор и страсть Леонтьева можно счесть за националистические, но это неверно, центральными признаками для русской национальности он считал православие и самодержавие. Ему неверно также приписывать племенной или гражданский национализм, определяющей сферой он считал культуру.

Таким образом, мы видим, что в воззрениях мыслителей органического направления, объединяемых часто в идейное течение «поздних славянофилов», при внимательном взгляде обнаруживаются существенные теоретико-методологические различия в трактовках понятия «народ» как коллективный субъект истории и культуры.

Литература

1. Григорьев А.А. После «Грозы» Островского Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 212–246.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / предисл. Н.Н. Страхова; статья К.Н. Бестужева-Рюмина; сост. и примеч. А.А. Галактионова. СПб.: «Глаголь», 1995. 552 с.
- 3 Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2009. Т. 8 (2). 1406 с.
4. Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // «Русский Вестник». 1894. Т. 234. С. 154-183.

Бычковский Е.В., Гайдуков К.И.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

РЕВОЛЮЦИЯ «НА ПРОДАЖУ»: АПРОПРИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО В ЭПОХУ ПОСТКАПИТАЛИЗМА

Сегодня как никогда сложно говорить о революции, а тем более ее исследовать в силу целого ряда причин. Среди них главной будет наш общий исторический опыт прошлого века, когда после революционного «бума» начала конца XIX - XX века наступил спад не только революционных движений, а как тогда казалось, отмирание самой идеи революции. Вера в ее действенность существенно угасла после падения социалистического блока во главе с СССР как главного проводника марксистской идеологии. Ведь революция была одним из главных ее понятий. Своебразным двигателем происходящих изменений и коренным историческим событием, изменившим все. Помимо прошлого, уже свершившейся революции «в отдельно взятой стране», она позиционировалась и как будущее для всего остального мира. На экзистенциальном уровне восприятия являлась надеждой и целью.

Наш век привнес нечто принципиально новое в понимании революции, поскольку после глобального разочарования она вновь вышла на историческую сцену в облике так называемых «цветных революций». Раскрашивание этого «серьезного» явления скрывает новые смыслы, связанные с технологизацией смены власти. Можно сказать, что революция окончательно потеряла свое романтическое начало и была лишена смысла, который прочно был с ней связан со временем Великой французской буржуазной революции. Это выражение чаяний народа и изменение жизни к лучшему в ходе революционных преобразований. В таком классическом понимании революции «цветные» ими и не являются. Скорее это то, что можно назвать революцией «на продажу», технологиями смены власти, которые были бы невозможны без эксплуатации образа революции, а также всего того, что связано с потреблением.

Концепция «революция на продажу»(или «революция как товара») отражает процесс, при котором революционные идеи, символы и образы коммодифицируются – то есть превращаются в товар, который можно продавать и потреблять. Эта концепция основана на критическом анализе общества потребления и капитализма как его основы. Неприятии того факта, что капиталистическая система поглощает инейтрализует радикальные идеи, превращая их в часть массовой культуры, маркетинга или потребительских практик. Вместо того чтобы менять общество, такие «революции» становятся продуктом, который можно купить, продать или использовать для укрепления существующей системы. Одним словом, теряют свой революционный – трансформирующий потенциал.

Суть концепции «революция на продажу» может быть выражена в ряде тезисов или процессов:

1. коммодификация революции – процесс, состоящий в том, что революционные идеи, символы и образы (например, Че Гевара, лозунги, стиль протеста) превращаются в товар. Они используются в рекламе, моде, кино, музыке и других сферах массовой культуры и тем самым революция на уровне образов и нарративов встраивается в нормативные практики и практики потребления прежде всего. Итогом является угасание потенциала изменения и борьбы. В качестве примера можно привести изображение Че Гевары на футболках, которые продаются в массовых магазинах, или использование лозунгов протеста в рекламе брендов.

2. нейтрализация радикального потенциала – процесс в ходе, которого революционные идеи становятся товаром и теряют свою способность реально менять общество. Вместо этого они превращаются в эстетику или стиль, который можно потреблять. Примером может служить хипстерская мода, которая заимствует элементы контркультуры 1960-х, но лишена её политического содержания и протестного потенциала.

3. поглощающая социально-политического сопротивления капитализмом – заключается в способности капиталистической системы превращать даже самые радикальные формы протеста в товар. Это делает революцию безопасной для системы, так как она становится частью рынка. На такой логике основаны музыкальные фестивали, которые используют образы бунта и свободы, но при этом спонсируются крупными корпорациями. Или рекламные технологии, заимствующие нарративы революции для продажи товаров и услуг.

4. спектаклизация революции – когда революционные идеи и действия превращаются в зрелище, которое можно наблюдать, но не участвовать в нём. Это лишает революцию её реального политического и социального значения. Пример: медийное освещение протестов, которое превращает их в шоу для массовой аудитории или фильмы о революции. Так реальное событие становится виртуальным, а значит не вполне действенным и реальным [Борисов 2012]

Отметим, что истоки концепции «революции на продажу» не имеет одного конкретного автора, но её корни можно найти в работах нескольких ключевых мыслителей, не только марксистского толка, как можно предположить. Большая часть из них рассматривает процесс коммодификации как более глобальный, включающий не только революцию. Так Ги Дебор в своей книге «Общество спектакля» утверждает, что в современном обществе всё, включая революцию, превращается в спектакль. Революционные идеи становятся частью зрелища, которое отвлекает людей от реальных проблем. И учитывая бурное развитие медиа, сложно не согласиться с доводами Ги Дебора [Дебор 2000].

Жан Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция» показывает, как революционные символы и идеи становятся симулякрами – копиями без оригинала. Они теряют связь с реальностью и превращаются в товар, что также является частью общего процесса симулякранизации реальности. Бодрийяр видит развитие человеческой цивилизации в целом как процесс

создания симуляков различного порядка, с той существенной разницей, что современные технологии позволяют создавать такие подобия реальности, которые не только ее замещают, но приводят к утрате реальности как таковой [Бодрийяр 2015]. И этому радикальному вызову человек уже не может противопоставить традиционные формы протesta и революции, единственно возможный ответ состоит в смерти как выходе из «колеса перерождений» – воспроизведения симуляков.

Наоми Кляйн в книге «NoLogo: Люди против брендов» исследует, как корпорации используют образы бунта и революции для продвижения своих брендов. Она показывает, как контркультура становится частью глобального капитализма. И это уже менее философичная работа, но также важная для понимания технологий коммодификации. Глобальные корпорации, феномен брендов существенно изменили производство, его структуру, географию, тем самым изменив и классические расстановки прошлых веков, когда рабочий класс боролся за свои права [Кляйн 2005]. Миграция реального производства в страны третьего мира с дешевой рабочей силой сместили вектор революционного авангарда с западных рабочих и создали вместо него нового персонажа – прекариат. Гораздо менее стабильный, оформленный и способный бороться за свои права. Одним словом, делать революцию.

Подводя итог, можно сказать, что концепция «революция на продажу» помогает понять, как капиталистическая система способна превращать даже самые радикальные идеи в товар, лишая их реального потенциала для изменений. Это важный инструмент для анализа современной культуры, маркетинга и политики. Апроприация политического в эпоху посткапитализма – это процесс, при котором политические идеи, символы и практики поглощаются, нейтрализуются и превращаются в товар или инструмент для укрепления существующей системы. В условиях посткапитализма, где традиционные экономические и социальные структуры трансформируются под влиянием цифровых технологий, глобализации и новых форм производства, априоризация политического приобретает новые формы и масштабы. Меняется главный актор революции, и она сама.

Литература

1. Бодрийяр, Жан. Симулякры и симуляции. – Москва: Постум, 2015. – 238 с.
2. Борисов, С. Н. "Революция" после революции: символическое насилие в русском кинематографе 30-х гг. XX века / С. Н. Борисов, О. С. Борисова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 20(139). – С. 136-143. – EDN RMUFFF.
3. Дебор, Ги Эрнест. Общество спектакля. – Москва: Лоюо (Радек), 2000. – 183 с.
4. Кляйн, Наоми. NoLogo: люди против брендов. – Москва: Добрая кн., 2005. – 616с.

Акинишина А.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

КРИТИКА - ОДОБРЕНИЕ - ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: К ВОСПРИЯТИЮ ТРУДОВ Н. МАКИАВЕЛЛИ В РУССКОМ ОБРАЗОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ XIX В.

Русское общество XIX века вступило в активный диалог с трудами Макиавелли относительно поздно, и его идеи были восприняты с некоторым предубеждением и недоверием. С одной стороны, Макиавелли ассоциировался с реализмом и цинизмом, которые многим русским мыслителям казались чуждыми христианской традиции и моральным устоям. Его работы часто трактовались как проповедь аморальности и политического цинизма, где цель оправдывает средства. Например, многие философы XIX века критиковали его за безразличие к нравственным ценностям и использование жестоких методов для достижения политических целей.

В то же время ряд русских интеллектуалов воспринимали Макиавелли как важного философа, который сумел привнести рациональный и прагматичный взгляд на политику, освободив её от излишнего морализма. Его реализм находил отклик у тех, кто признавал, что политика часто требует принятия трудных решений и отхода от традиционных моральных норм.

Интерпретация трудов Макиавелли в русской философии также часто сопровождалась адаптацией его идей к национальным и культурным условиям. Например, русский правовед и философ Б.Н. Чичерин критиковал Макиавелли за чрезмерный прагматизм и недостаточное внимание к нравственным аспектам политики.

Влияние идей Никколо Макиавелли на русскую литературу и общественную мысль XIX века является значимым и многогранным феноменом, который затронул как философов и политических деятелей, так и писателей и поэтов той эпохи. Идеи Макиавелли, особенно его концепции политического реализма и цинизма, постепенно проникали в русское общество, трансформируя подходы к политической философии и социальным дискуссиям. Несмотря на то, что восприятие Макиавелли в России нередко было неоднозначным и противоречивым, его труды оказали значительное влияние на развитие русской интеллектуальной и культурной традиций.

Русское общество XIX века знакомилось с трудами Макиавелли через его знаменитый трактат «Государь», который вызывал живой интерес среди мыслителей и писателей. В это время в России активно обсуждались вопросы власти, морали, государственного управления и политической стратегии. Макиавелли представлялся для многих как символ политического прагматизма, способного предложить альтернативный взгляд на управление государством в отличие от традиционного идеализма и морализма, распространённого среди русских мыслителей.

Для многих представителей русской литературы и общественной мысли XIX века Макиавелли был не просто философом-прагматиком, но и важным источником идей о взаимоотношениях между властью и народом. Например, в произведениях Федора Ивановича Тютчева и Александра Сергеевича Пушкина

можно обнаружить отголоски макиавеллиевских идей о природе власти и политических механизмах. Пушкин в своих размышлениях признавал за Макиавелли умение глубоко понимать человеческую психологию, а также способность критически оценивать действия государей с точки зрения их соответствия политическим реалиям.

Важную роль в распространении идей Макиавелли сыграли русские интеллектуалы и философы, такие как П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский. Их работы, посвященные вопросам социальной справедливости и роли личности в истории, во многом перекликались с макиавеллиевскими концепциями политической силы и прагматизма. Например, Н.К. Михайловский подчёркивал значение независимости мышления и необходимости критического подхода к существующему политическому порядку, что созвучно идеям Макиавелли о важности реального понимания природы власти.

Влияние Макиавелли на русскую общественную мысль также проявилось через критические высказывания о политическом цинизме и идее «цель оправдывает средства». Русские философы XIX века нередко критиковали Макиавелли за его прагматический подход, обвиняя его в оправдании жестокости и аморальности в политике. В то же время, такие фигуры, как М.А. Бакунин, хотя и находились в оппозиции к макиавеллизму, не могли избежать его влияния. Бакунин активно обсуждал концепции политической власти и социального контроля, предлагая свои революционные идеи в противовес макиавеллистской стратегии.

Макиавелли и его учение также оказали влияние на политические взгляды Ивана Грозного, образ которого нередко сравнивали с макиавеллистским правителем. Хотя историки сомневаются, что сам царь читал труды Макиавелли, идеи авторитарного правления и жёсткой власти, характерные для Макиавелли, нашли отклик в политической практике Ивана Грозного и были впоследствии переосмыслены русскими мыслителями и историками. В русской литературе Макиавелли стал образом политического реалиста, который вызвал бурные споры и дискуссии о морали и политике. Такие произведения, как «Демон» Михаила Юрьевича Лермонтова, опирались на макиавеллиевские мотивы власти и политической аморальности, что подчёркивает влияние Макиавелли на русскую литературную традицию. Литературные образы, созданные под влиянием его идей, часто включали в себя конфликт между моральными принципами и необходимостью жёстких действий для достижения политических целей.

В работах Ф.М. Достоевского также можно увидеть рефлексию над идеями Макиавелли о власти и человеческой природе. Достоевский анализировал концепции Макиавелли в контексте философских дискуссий о добре и зле, размышляя о том, как далеко может зайти человек в своём стремлении к власти и воле к доминированию. Его герои часто оказываются перед моральным выбором, который перекликается с дилеммами, изложенными Макиавелли в его трактате.

Таким образом, восприятие трудов Макиавелли в русском обществе XIX века было неоднозначным и многослойным. Его идеи вызывали как критику за кажущуюся аморальностью, так и восхищение за честное и рациональное понимание политической реальности. Философия Макиавелли послужила отправной точкой для формирования русских подходов к политической мысли, повлияв на такие направления, как политический реализм и утилитаризм в политике.

Болдырева А.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

О СТИЛИСТИКО-ФИЛОСОФСКИХ НАЧАЛАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИМВОЛИЗМА М.А. ВРУБЕЛЯ

Михаил Александрович Врубель является одной из значимых фигур в истории отечественного искусства, оставаясь до сих пор сложным персонажем в содержательной наполненности своих картин. Помимо своего художественного вклада Михаил Александрович был интеллектуалом, человеком, входившей в особую прослойку культурной жизни России на рубеже XIX-XX веков. А философия, её направления и концепции всегда находят своё отражение у ярких деятелей своего времени.

Художники говорят на своём языке и стили – это своеобразные диалекты, поняв которые, мы можем судить о смысловых частях в работах мастеров искусства. Произведения Врубеля очень яркое и спорное явление, исследователи его творчества постоянно находят новые содержательные ответвления, что приводит к множеству взглядов. Это доказывается созданием в 1928 г. при Секции пространственных искусств ГАХН отдельной, специальной группы по изучению творчества Врубеля. Правда просуществовала она меньше года, но её значимости это не исключает. Возглавлял врубелевскую группу Николай Михайлович Тарабукин, ... В своей книге «Михаил Александрович Врубель» (1974) он рассматривает творчество художника как главного представителя символизма, выявляет основные мотивы, побудившие встать мастера на этот путь, и пытается раскрыть мироощущение мастера через его художественные образы.

Некоторые участники данной команды видели в творчестве Михаила Александровича слияние нескольких направлений. Например, Дмитрий Саввич Недович относил творчество Михаила Врубеля к романтизму, к которому он также причислял и искусство символизма. В своём докладе «Демонизм и Врубель» Недович проследил эволюцию образа демона в истории культуры: от античной трагедии через «христианскую мифологию» и творчество Гёте к искусству романтизма, к которому относил и творчество Врубеля. Недович верно заметил, что демонизм нашёл своё отражение прежде всего в романтическом искусстве и что предшественниками художника были Байрон и Лермонтов и как писал исследователь: «под знаком демонического протекало всё творчество Врубеля: это подтверждается анализом его форм».

А Пётр Кириллович Суздалев – доктор искусствоведения, историк русского и советского искусства. В своей работе «Врубель. Личность. Мировоззрение. Метод» отмечает, что художник с наибольшей степенью, чем другие русские художники-символисты, оказался связанным с модернистскими процессами в живописи – в поиске самобытных качеств пластического языка. Он одним из первых заговорил о возможностях дематериализации предметной формы на основе психологического восприятия её смыслов. Также Суздалев подчёркивает, что специфические черты дарования Врубеля полностью отвечали художественной программе западноевропейского модерна, в частности, его

декоративность и орнаментальность. Таким образом, П.К. Суздалев рассматривает творчество Врубеля в контексте как модернизма, так и модерна. И другой большой исследователь Врубеля Степан Петрович Яремич также отмечал, что одновременные поиски высокого монументального стиля и национальной формы в искусстве, приверженность к орнаментальным, ритмически усложнённым решениям придают произведениям Врубеля характерные черты стиля «модерн». Но относил художника к символистам. Об этом, в частности, говорится в его книге «Михаил Александрович Врубель. Жизнь и творчество» (1911).

И такое разношёрстное мнение заставляет других исследователей причислять Михаила Александровича не только ко всем перечисленным стилям, но и вообще выносить его особняком. Поэтому считаю необходимым пропустить творчество художника через систему конструирования стилей Генриха Вёлфина на основе его труда под названием «Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве» и попытаться понять, что же происходит и о чём Врубель говорит с нами.

Вёлфин выделяет несколько основных характеристик, по которым производиться анализ и проводятся параллели, из которых мы можем чётко увидеть систему стилей, как она формируется и что несёт в себе. И автор берёт следующие основания: линейность и живописность, плоскость и глубина, замкнутость и открытость, множество и единство, ясность и неясность.

Линейность - графичность, пластичность. Живописность - осязательность и зрительность. Стоит отметить, что это не просто пунктик кто может вести ровную линию, а кто нет, грубо говоря. Это в первую очередь два мировоззрения, способа мышления и восприятия мира, а следовательно, и смысловое напыление. Линия даёт чёткий контур, статичность и ограничивает одно от другого, наделяя каждый предмет своей цельностью. Разрушение линии даёт свободу - движение и тогда восприятие не может ограничиваться чем-то одним, происходит взаимодействие с окружением. Мы начинаем видеть объёмами, т.к. идём момент слияния, связи элементов. Светотень хороший способ для иллюстрирования этих моментов. Часто световые соотношения показывают нам форму того или иного объекта, но «когда свет перестаёт служить отчёtlivosti предметов и ставит себе самостоятельные цели» проявляя это в игре тонов и изменению форм на картине, мы видим живописное уже исполнение. Можно сказать, что «линейное передаёт вещи, как они есть, живописное - как они кажутся» и в этом отражается субъективно-объективный настрой автора. Живопись схватывает «только явление действительности». Линейность позволяет нам ощупать объект, как рукой, и поэтому понять его - естественное действие. Разрушение линий даёт нам только чисто видимую картинку и вот тут нашему восприятию необходимо перефокусироваться, перейти на более духовный уровень. Живопись это и многослойность как в линиях, так и в краске, в переходах теней. Стоит сказать, что краска в данном случае одушевлены собственной целью и жизнью. Они не просто помогают отобразить предмет, они сами говорят.

Когда мы обозначили, что представляет из себя линейность и живописность, то можем приступить к анализу картин М.А. Врубеля: «Гадалка» (1895), «Демон» (1890), «Шестикрылый серафим» (1904), «Демон поверженный»

(1901). Мы можем увидеть высокую живописность за счёт «мозаичности» мазков краски, отсутствие чётких границ в первых трёх картинах, что передаёт единство и взаимосвязь объектов и персонажей. Цветовая палитра также помогает нам воспринять образы в большем единстве и взаимо-проникновенно. Но стоит отметить, что в «Гадалке» присутствует акцент на глазах за счёт чёткой, линейной прорисовки. Производиться эффект проникновенного взгляда на основе замутнённости и перелива окружения. В «Демоне» (сидящем) мы видим, как художник выделил персонажа за счёт цветовой палитры. Персонаж хоть и является частью мира, но отрешён от него не только противопоставлением синего и красного, но и в следствии присутствии холодных оттенков, которые усиливают эффект разрыва. Зритель в итоге ощущает несоответствие, но не может его сформулировать. В «Демоне поверженном» и «Шестикрылом серафиме» наблюдается чёткая вычленность главного из общего окружения за счёт линейности. Остаются моменты встраивания объектов, шероховатость образов, но из этого хаусного общего уже формируется и становиться целостная сущность персонажа. Причём можно увидеть эту линейную связь всех работ и назвать это некоторым развитием восприятия, становления. И в «Демоне поверженном» чувствуется резкая и даже болезненная вырванность персонажа из мира, его инакость, когда в «Шестикрылом серафиме» мы видим спокойное принятие отличительности персонажа от окружения, которое пребывает в более бурном вихре взаимодействия, создаётся это благодаря статичной линейности образа и цветовому сочетанию.

Стоит сразу отметить, что вычленение за счёт линий делает объекты более плоскими, а слияние мазков и очень близкая цветовая гамма окружения, с многочисленными переливами, создаёт глубину произведениям, что ещё сильнее акцентирует внимание на восприятии картин и показывает смысловую нагрузку на объекты. Также Врубель сопоставляет передний, задний и средний план так, что создаёт глубину произведения и зритель наблюдает фоновую открытость мира, его неограниченность, а контуры формируют замкнутость сущности персонажей и, следовательно, указывает на содержательную направленность на этот объекты произведения. Отмечу, что в «Демоне поверженном» делается линейный акцент не только на само состояние персонажа, но и его атрибутивном изменении - на крылья и своего рода венец. Открыто говорить о перетекании и эволюции демона мы можем за счёт упоминаний самим художником об этой возможности в письмах к сестре и общего пронизывания образа через всё творчество М.А. Врубеля [Врубель 1929, с. 123]. И в итоге можно сказать о подчинение всего множества элементов к одному целого не только в рамках одного произведения, но и «демониады» художника и христианским мотивам. Все приёмы и детали направлены на выстраивание восприятия, понимания главных героев произведений Врубеля. Каждый кусочек мы можем мыслить только в соотношении с целым и только в этом случае он имеет своё значение. В этом кроется, собственно, и неясность Михаила Александровича и его художественного языка на первый взгляд.

Если мы обратимся к общему пониманию символизма на рубеже XIX-XX веков, то поймём, что дело тут не в одной личности, а в сложности проявления самого явления стиля в данный промежуток времени. Всё усложняется материалистической философией, которая пропагандировалась

после 1917 года и усложняла понимание идеалистических эстетических веяний модерна и его родоначальника - символизма. Отличительной чертой последнего является сюжетность произведений. Чтобы преисполниться в понимании целостной картины необходимо обратиться к истокам рассвета символизма. «Ранний период проявления протосимволистских эстетических тенденций связан с деятельностью художников Абрамцевского кружка, в атмосфере национально-романтических идей которого стали вырабатываться новые подходы к образным и пластическим задачам художественного творчества». Чёткая система понимания и смысловой содержательности начала отражаться в художественном сообществе «Мир искусства», который выпускал свой журнал.

Что же требовалось от искусства? Оно должно было установить акценты, выявить своеобразную индивидуальность, что по истине важное! Поэтому лично художник становиться центральной фигурой, проводником красоты: «Произведение искусства важно не само по себе, а лишь как выражение личности творца <...> он должен нас ввести в своё царство, показать ясно, реально те образы, которые без него закрыты для нас» - писал Сергей Дягилев в первых номерах журнала [Мир искусства 1899, с. 50]. Творец может по-настоящему воплотить идею: «Высшее проявление личности вне всякой зависимости от того, в какую форму оно выльется, есть красота в области человеческого творчества...»; «Красота в искусстве есть темперамент, выраженный в образах...» [Мир искусства 1899, с. 50]. Поэтому любое произведение искусства, в первую очередь, есть результат самовыражения своего автора и не может существовать без этой идеи самовыражения. В этом смысле М.А. Врубель достаточно хорошо вписывается в свою эпоху и символизм. Также мы можем это подтвердить ещё и схожестью работ символистов и отечественных художников того времени.

Литература

1. Вельфлин Генрих. Основные понятия истории искусства. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М.: В. Шевчук, 2009.
2. Врубель М.А. Письма к сестре. Воспоминания о художнике Анны Александровны Врубель. Отрывки из писем отца художника. Л., 1929. С. 123.
3. Давыдова О.С. Символизм в русском изобразительном искусстве эпохи модерна. Аналитический обзор в свете последних исследований // Философия и культура. - 2021. - № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2021.12.37180. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37180.
4. Мир искусства. - № 1-12, С.-Петербург: типография Эдуарда Гоппе, 1899. С. 50.
5. Суздалев П.К. Врубель: Личность. Мировоззрение. Метод. М.: Изобраз. искусство, 1984. 479 с.
6. Тарабукин Н.М. Михаил Александрович Врубель. М.: Искусство, 1974. 172 с.
7. Яремич С.П. Михаил Александрович Врубель: Жизнь и творчество / [С предисл. И. Грабаря]; С. Яремич. М.: И. Кнебель, 1911. 193 с.

Пятое заседание

Брижанева М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ (К ОПЫТУ БГТУ имени В.Г. ШУХОВА)

В эпоху трансформации и модернизации, в российской системе высшего образования наблюдается переход от культуроцентричной модели к более компетентностному подходу и профилизации. Дебаты по данной теме затрагивают не только место и объём гуманитарных дисциплин, но и их значения для профессиональной деятельности [Полонников 2022]. В настоящее время в БГТУ им. В.Г. Шухова, оптимизация научно-гуманитарных дисциплин в учебных планах привела к сокращению часов, на такие предметы, как философия, социология и психология управления, правоведение, основы экономики. Невольно возникает вопрос, а верный ли это путь, чем сокращение преподавания гуманитарных дисциплин может обернуться? Следует акцентировать внимание на качествах, которые помогают сформировать научно-гуманитарные дисциплины: критическое мышление, этическая ответственность, коммуникабельность, творческое и инновационное мышление, социальная компетентность, мировоззренческая широта [Баранникова 2012]. Еще философы подчёркивали важность гуманитарного образования, такие как Хосе Ортега-и-Гассет, в своей работе «Миссия университета» [Ортега-и-Гассет 2010], Карл Ясперс в своем труде «Идея университета» [Карл Ясперс 2006]. В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», рассмотрим Указ Президента России от 08 мая 2024 г. №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Об утверждении... 2024]. Данные нормативные акты интегрированы в общий подход к развитию исторической политики в России, направленный на формирование патриотизма, укрепление национальной идентичности и противодействие искажению исторических фактов. Если рассматривать историческое просвещение первой четверти XXI века, то с конца 2000-х годов его развитие претерпело трансформацию: от акцента на героизации отдельных событий к более комплексной и стратегической политике. Подводя итоги, для успешной реализации указанных целей, направленных на формировании личности, как в гуманитарных, так и в технологических университетах требуется развитие и интеграция научно-гуманитарных дисциплин в образовательные программы технических вузов, что позволит будущим инженерам стать не только профессионально грамотными, но и духовно-нравственно устойчивыми гражданами России.

Литература

1. Баранников А.В. Содержание общего образования: компетентностный подход. Москва: ГУ ВШЭ, 2012. 51 с.

2. Полонников А.А. О миссии гуманитарного обучения в высшей технической школе // Высшее образование в России.2022. № 4. С. 79-91.
3. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента России от 08 мая 2024 г. №314 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – Москва.
4. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М.Н. Голубевой, А.М. Корбута. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
5. Карл Ясперс Идея университета / пер. с нем. Т.В. Тягуновой; ред. перевода О.Н. Шпарага ; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2006.

Русинова Л.А., Ермаков Р.М.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ПРОСВЕЩЕНИЕ. СЛОЖНЫЙ ФЕНОМЕН В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ

Феномен просвещения в контексте различия между интеллигентами и интеллектуалами— это важная тема для понимания роли образованных людей в обществе, их влияния на культуру, политику и социальные процессы. Эти два понятия, хотя и связаны с образованием и умственной деятельностью, имеют разные исторические, культурные и социальные корни, а также выполняют разные функции в обществе. Рассмотрим их различия и роль в контексте просвещения, под которым мы будем понимать процесс трансляции наиболее актуальных знаний, отличающийся от обучения как систематической передачи знаний.

Наиболее авторитетная позиция в определении интеллигенции принадлежит М.Ю. Лотману, который в статье «Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса)» рассматривает интеллигенцию в контексте фундаментальных проблем свободы и несвободы, а также взаимоотношения с народом этой группы. Причем группы чрезвычайно сложной для изучения и даже определения, так как Лотман отмечает, что попытки дать определение интеллигенции по большей части неудачны и лучшим является конструктивистское отношение, когда самоназвания становится достаточно чтобы отнести кого-либо или себя к числу интеллигентов. Взамен он предлагает исследовать то дискурсивное пространство, в котором существует интеллигент: «Представляется более продуктивным не пытаться дать априорное определение интеллигенции, но предварительно описать то дискурсивное пространство, внутри которого происходит (само)определение русской интеллигенции. Все нижеследующее и будет посвящено описанию некоторых базовых координат пространства интеллигентского дискурса, рассматриваемого так

сказать «изнутри», почти исключительно в его собственных терминах» [Лотман 1999, с. 132]. Лотман отмечает, что понимает дискурс в духе Мишеля Фуко, как пространство производства значений, высказываний, отношений и объектов. То есть, интеллигент как реальность неразрывно связан и возникает в реальности производства смыслов. И это позволяет проследить хронологию «появления» интеллигенции, датируемую Лотманом тремя этапами: «1. Подготовка и становление: условно говоря от Кантемира («Расколы и ереси науки суть дети») до Белинского. Это предыстория дискурса: интеллигенции еще нет, но дискурсивное пространство для нее подготавливается. 2. Расцвет: от Белинского до «Вех». 3. После «Вех» – своего рода жизнь после (провозглашенной) смерти. «Вехам» как в истории самой интеллигенции, так и интеллигентского дискурса принадлежит совершенно особое место, поэтому и обращаться к ним мы будем чаще, чем к какому-либо иному источнику, причем, как правило, будем рассматривать его не как собрание текстов различных авторов, но как единый текст» [Лотман 1999, с. 132].

Единый текст как отражение и продукт единого интеллигентского дискурса позволяет дать характеристику самого интеллигента: «Дискурс этот характеризуется сверхсвязностью (все связано со всем), что отделяет его от рассудочных дискурсов научного, философского или даже публицистического типов и приближает к художественным (причем, скорее поэтическим, нежели прозаическим) и мифологическим дискурсам. А сверх-связность, в свою очередь, закономерно приводит к амбивалентности, аморфности и прямолинейности» [Лотман 1999, с. 138]. Лотман далее выделяет наиболее важные оппозиции, очерчивающие пространство интеллигентского дискурса: свое – чужое, жертва – работа, отщепенцы – соль земли, интеллигент и еврей, истина – Родина, правда и истина, «русская идея», литературность и мифологизм [Лотман 1999, с. 138-140]. И даже не вдаваясь в подробности перечисленных оппозиций и характеристик, очевидно, что интеллигент для Лотмана чрезвычайно сложен. Он в своей деятельности и отражает, и рефлексирует одновременно в нескольких существенных измерениях. Как-то историческое сквозь призму своего и чужого, исконного и заимствованного. Своей деятельности, себя и остального общества, народа, который может наделять качествами «соли земли», но также диаметрально противоположными – отщепенцев.

На этом фоне интеллектуал «выглядит» неизмеримо проще. Это понятие имеет западное происхождение и связано с эпохой Просвещения. Интеллектуалы – это профессионалы в области знаний (учёные, писатели, философы), которые занимаются производством и распространением идей. Их роль – производить знания, анализировать общественные процессы и влиять на общественное мнение через экспертные оценки и публичные выступления. Если интеллигенты имеют сложное, амбивалентное отношение прежде всего с народом, корреспондируют с ним, выстраивают свою идентичность исходя из отношения с народом, то интеллигенты более соотносимы с властью. Они могут сотрудничать с властью, выступая в роли экспертов или советников, но также могут быть критиками, если это соответствует их профессиональной этике. Об этом также пишет Мишель Фуко в статье «Интеллектуалы и власть»: «для

интеллектуала занятие политикой было традиционно, обусловлено двумя вещами: его положением интеллектуала в буржуазном обществе, в системе капиталистического производства, в идеологии, которую оно производит или навязывает (когда он оказывается эксплуатируемым, ввергнутым в нищету, отверженным, «проклятым», обвиненным в подрывной деятельности, в имморализме и т. п.); и его собственным дискурсом в той степени, в какой он открывал определенную истину, находил политические отношения там, где их не замечали» [Фуко 2002, с. 68]. Это ответ Мишеля Фуко на тезис Жиля Делеза о связи практики и теории, озвученный в их диалоге ранее. Фуко тем самым вводит две основные идеи относительно интеллектуала. Он является производителем знания в системе капиталистического разделения труда, а также производителем идеологии. Соответственно, может находиться как на стороне власти, так и выступать против нее.

Нас интересует первая ипостась интеллектуала, а именно производство знания, как основная его деятельность. И она связана с властью не только через идеологию, а более «тонким» способом. Сейчас практически невидимым, поскольку доступ к знанию неограничен. И это уникальное в человеческой истории явление, ведь исторически все другие этапы связаны с ограничением на получение знания [Андреева 2017, Бондаренко 2014]. Сегодня интеллектуал скорее тот, кто профессионально производит знание, но также делится им в популярной форме с целью повышения своего капитала [Римский 2015]. Интеллигент является, по мнению многих исследователей, «уходящей натурой», поскольку сложность отношений сильно зависит от культуры и общества. есть предположение, что с разрушением советской ойкумены интеллигент также исчез. Для него просвещение также органично, но скорее в формате служения. Возврата долга обществу и народу. Отсюда жертвенность как сущностная черта интеллигента о которой писал Ю.М. Лотман.

Литература

1. Андреева, А. М. Рождение культурного капитала. Капитализация знания от средневековья до нового времени / А.М. Андреева, С.Н. Борисов, О.Н. Римская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 24(273). – С. 60-67.
2. Бондаренко, Е. А. Интеллектуальные субкультуры в средние века и эпоху Возрождения / Е. А. Бондаренко, С. Н. Борисов, В. П. Римский // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – № 4(4). – С. 178-190.
3. Лотман, Ю.М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. – М.: О.Г.И., 1999. – С. 132.
4. Римский, В. П. Интеллектуал и его собственность в эпоху современности / В.П. Римский, С.Н. Борисов, М.А. Игнатов // Образование и общество. – 2015. – № 6(95). – С. 65-69.
5. Фуко, Мишель Интеллектуалы и власть. – Москва: Практис, Ч. 1: Статьи и интервью, 1970-1984. Ч. 1. – 2002. – 381с.

Ващук Д.А.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПЛАТОНОВСКОГО
ФЕСТИВАЛЯ ИСКУССТВ)**

Обращение к проблеме национального самосознания обусловлено тем, что продолжается поиск концептуальных подходов к категории в контексте ее развития. Авторы О.М. Гусейнов, Ж.О. Гусейнова определяют национальное самосознание как оценку народом своего места и положения среди других народов [Гусейнов, Гусейнова 2016, с. 120-130]. Р.Х. Шаймарданов рассматривает его как совокупность взглядов, мнений и отношений, выражающих особенности представлений членов национально-этнической общности о своей истории, о перспективах своего развития, а также о своем месте среди подобных общностей [Шаймарданов 2014, с. 505-517]. Для современной науки характерно отождествление категории с самосознанием этнической общности, осознающей себя политическим целым, включающим как оценочные отношения, так и рациональные представления.

Современное медиапространство - это система социально-культурного и политического взаимодействия, направленная на распространение информации при использовании разных видов технологий. Медиа – средства массовой коммуникации (СМК), освещающие различные сферы общественной жизни [Монастырева 2010, с. 182-189]. Медиа, освещающие театральную жизнь, представлены массовыми общественно-политическими СМИ, информационно-рекламными СМИ, специализированными сайтами театрального профессионального сообщества. На фоне появления новых видов зрелищных коммуникаций можно констатировать сохранение устойчивого интереса к театру. Что, на наш взгляд, связано с его игровой природой, коллективностью переживания ситуации, неповторимостью действия в процессе каждой конкретной реализации сценария.

Международный Платоновский фестиваль искусств на протяжении многих лет является не только значимым культурным событием, но и важной площадкой для философских размышлений, способствует расширению горизонтов восприятия человеческой природы в условиях современной России. Философская интерпретация на Платоновском фестивале играет ключевую роль в раскрытии глубинных смыслов русской литературы и их антропологических аспектов. Каждое литературное произведение, представленное на фестивале, интерпретируется не только как текст, но и как философское размышление о сущности бытия, человеческой природе, коллективной судьбе и личной идентичности.

Философия А.П. Платонова, пронизанная идеями о человеческой судьбе, коллективизме, трагедии и утопии, глубоко связана с тематикой Платоновского фестиваля, образует его концептуальное ядро.

В рамках фестиваля через обращение к произведениям А.П. Платонова открывается философская дискуссия о месте человека в современном глобальном мире, об утрате корней и поиске нового коллективного опыта. Таким образом, философия Платонова становится фундаментом для обсуждения более широких вопросов антропологии и человеческой природы, выходящих за пределы конкретных исторических условий, что и делает фестиваль уникальной площадкой для смыслового и философского анализа.

Идеи А.П. Платонова о коллективизме и личностной автономии находят отклик в современной философской мысли, связанной с критикой глобализации и неолиберального индивидуализма. В частности, в романе «Чевенгур» автор показывает трагическую попытку создания идеального общества, в котором личность растворяется в коллективе, что ведет к отчуждению и дегуманизации. Платонов изображает человека как одинокую сущность, потерянную в механистическом и обезличенном мире. Данные идеи актуальны в связи с современной критикой глобальных утопий, таких как идеи экономической и культурной интеграции, где личные, а также национальные интересы и идентичность часто подчиняются безличным экономическим и политическим системам.

Таким образом, национальное самосознание представляет собой феномен, позволяющий нации в процессе трансформаций сохранять и транслировать свой опыт и творческий потенциал. Установлено, что фестиваль искусств как культурное мероприятие существенно влияет на развитие национального самосознания в контексте воздействия на его носителей. Медиа, освещдающие театральную жизнь, являются участниками конструирования социальной и системной интеграции общества. Способность медиапространства создавать мировоззренческое видение социального пространства играет ключевую роль в развитии национального самосознания.

Литература

1. Гусейнов О.М., Гусейнова Ж.О. Национальное самосознание и этническая идентичность // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 1. С. 120-130.
2. Монастырева О.В. Медиапространство: обзор представлений и подходов к пониманию // Вестник Амурского государственного университета. 2010. № 6. С. 182–189.
3. Шаймарданов Р.Х. Национальное самосознание и технология его формирования в педагогике народа ханты // Российский гуманитарный журнал. 2014. Том 3, №6. С. 505-517.

Кальницкий А.А.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

**РУССКИЕ КАК ИМПЕРСКИЙ НАРОД
В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТИВНЫХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ XX ВЕКА**

Вопрос о русских как имперском народе занимал особое положение в рефлексиях российских мыслителей двадцатого века: этот период характеризовался сломом парадигмы под влиянием краха монархической власти в России и поисками места уже Советской России в новом политическом мире. Консервативные идеи зачастую развивались в контексте дискуссий о возврате хотя бы частичного имперского наследия (символов, например), продолжали настаивать на уникальной роли русского народа в историческом государственном строительстве. При этом понимание «имперскости», объяснение источников любви к огромности и силе государства, целей расширения его границ разными философами понимались весьма различно. Я хотел бы в этом небольшом докладе проиллюстрировать разброс идей и позиций на примере трёх мыслителей первой половины XX века, пытавшихся понять русскую имперскую традицию именно как коренное свойство народной исторической жизни.

Вначале рассмотрим доктринальный труд выдающегося русского философа за рубежом, И.Л. Солоневича, – «Народная монархия» (1951). Иван Лукьянович в самом начале произведения даёт понять, что русских он рассматривает как имперский народ, обладающий глубокой монархической традицией со времен Московского царства, что отобразилось и сохранилось в народном сознании [Солоневич 2005, с. 26]. Солоневич считал, что все народы могут грезить имперскими мечтами, просто кому-то это удается, а кому-то нет, но при этом только русский народ смог создать такую форму империи, при которой все живущие в ней народы ощущали себя не «подчиненными», а единым целым с государственным организмом [Солоневич 2005, с. 30]

Другой философ-эмигрант, Н.А. Бердяев, также отмечал, что русские – это уникальная нация, обладающая мессианским духом иудейского типа. При этом Бердяев заочно не соглашается с Солоневичем – носителем идеи о более автономной роли русского народа. Бердяев считает, что русский народ не имеет «имперского инстинкта», что это является огромным заблуждением: «Чужд русскому народу империализм в западном и буржуазном смысле слова, но он покорно отдавал свои силы на создание империализма, в котором сердце его не было заинтересовано» [Бердяев 2016, с. 3; 40]. Но если империализм чужд народу, то как русские смогли создать крупнейшую империю? Этот вопрос ставит Бердяев и сразу же отвечает на него: по мнению философа, проблема в соотношении мужественности и женственности в русском духе, в огромной поляризации русского народа, которая видна везде [Бердяев 2016, с. 3; 40]. Бердяев считал, что все силы русского народа, который

воспринимался как устремленный к внутренней духовной свободе, ушли на строительство государства. Интересы создания, поддержания и охраны страны заняли прочное место в русской истории. В этом важнейшее противоречие русской души – отдаются на имперское дело с полной отдачей и без границ, не имея желания «имперствовать» [Бердяев 2016, с. 45].

Третьим автором является Н.В. Устрялов. В своих статьях русский публицист открыто называл русских имперским народом, ведь жили они в имперском обществе и строили империю – по мнению Устрялова, русские, если бы не были имперцами, то и не смогли бы построить Российскую империю [Устрялов 1916, с. 1-5]. Н.В. Устрялов анализировал государственную структуру не только как аппарат насилия, а как живой организм, состоящий из нескольких компонентов: Земля, население и власть. Особое значение придавалось населению и земле. Устрялов считал, что душа государства и народ неизбежно преобразуют чуждую идеологию под свои национальные интересы.

Анализ трудов трёх мыслителей консервативного лагеря XX века в России на предмет имперсности русского народа показывает, что они не сомневались в том, что русский народ есть имперский народ, обладающий уникальной спецификой среди других исторических имперских народов. Проблема, на мой взгляд, кроется в том, чтобы понять, насколько это благо, насколько сильна консервативная позиция в споре с противоположным, либерально-демократическим философским лагерем?

Литература

1. Солоневич И.Л. Народная монархия. М: РИМИС, 2005. 465 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Мироизвержение Достоевского. М.: Издво «Э», 2016. 512с.
3. Устрялов Н.В. К вопросу о русском имперализме // Журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России». 1916, № 15. с. 1-5.

Боболь А.А.

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

БУРИДАНОВ ОСЕЛ И СВОБОДА ВОЛИ

Лев Семенович Выготский в одной из ключевых своих работ «История развития высших психических функций» поднимает классический вопрос: «в чем отличие человека от животных?». Его анализ ценен тем, что он сочетает в себе сразу два принципиально связанных подхода – философский и психологический.

Важный недостаток работ предшественников Выготский видит в том, что в этих работах такие человеческие функции, как речь, чтение и письмо, развитие математических операций и логическое мышление, как и многие другие, рассматривались, прежде всего, с их «природной» стороны, исследовались с точки зрения образующих их и входящих в их состав натуральных процессов. Выготский отмечает как недостаток стремление

свести более сложные явления к более простым и элементарным. «Сложные образования и процессы разлагались... на составные элементы и переставали существовать как целые, как структуры. Они сводились к процессам более элементарного порядка, занимающим подчиненное положение и выполняющим определенную функцию по отношению к целому, в состав которого они входят» [Выготский 1983, с. 7.]. При таком подходе, как считает Выготский, с необходимостью происходит сведение сложного к простому, неизбежная утрата специфики целостного явления, его собственных закономерностей. Целое далеко не всегда тождественно сумме его частей, и Выготский показывает это в анализе высших психических функций.

Для примера используется анекдотическая история, авторство которой приписывается Буридану. Согласно этой истории, если перед умирающим от голода ослом будут лежать две абсолютно одинаковых кучи сена, равноудаленные и от осла и друг от друга, то осел умрет от голода, став в ступор, и так и не сумев выбрать кучу, которая его и насытит.

Разумеется, описанная ситуация является идеальной моделью, мысленным экспериментом, который будет практически нереально повторить на практике. Но, как пишет сам Выготский, вопрос, «а сможет ли сделать свой выбор человек, или его постигнет такая же жалкая участь осла?», является ключевым вопросом психологии. Эта ситуация в ясном виде демонстрирует принцип стимул-реакция. Если два стимула действуют с одинаковой силой в противоположных направлениях, вызывая одновременно две несовместимые реакции, с механической необходимостью наступает полное торможение, поведение останавливается, выхода нет.

Но ступор осла является скорее фикцией, чем потенциальным ответом на описанную ситуацию. Благодаря экспериментам Павлова мы знаем, что столкновение противоположных нервных процессов - возбуждения и торможения - приводит к реакции совсем иного характера, чем механическая неподвижность. Собака отвечает на трудную встречу противоположных раздражителей срывом, патологическим возбуждением, она впадает в невроз.

Эта важная оговорка, которую дал бы любой рефлексолог, все же не решает проблему буриданова осла. Если заключить человека в схему стимул-реакция, то получается, что мы абсолютно лишены свободы выбора. Два стимула действуют равносильно, механистическая детерминация строго диктует двуногому без перьев (и с плоскими ногтями) животному умереть от голода.

В реальности же, человек показывает совершенно иную реакцию. Выготский приводит в пример литературного героя, но совершающего вполне типичное действие и для реального человека: «Поступить в военную службу и ехать в армию или дожидаться? - в сотый раз задавал себе Пьер этот вопрос. Он взял колоду карт, лежавших у него на столе, и стал делать пасьянс» [Толстой 1932, с. 178]. Не решаясь сделать выбор, Безухов раскладывает пасьянс. Он так же вполне мог бы бросить жребий, или любым другим способом отдаваться на волю случайности, стать жертвой вероятности и избавиться от тяжкого бремени выбора.

Казалось бы, какая в таком случае свобода? Ведь человек самостоятельно не решает поставленного противоречия, а избирает

подручными средствами дать судьбе сыграть свою роль. Леви-Брюль описывает множество способов решения той или иной проблемы с использованием искусственных стимулов, не имеющих никакого отношения к самой ситуации и вводимых примитивным человеком исключительно в качестве средства, помогающего сделать выбор из двух возможных реакций.

Если туземец, рассказывает Леви-Брюль о племенах Южной Африки, встречается с трудностью, он или поступит так, как вождь одного из племен, который на просьбу миссионера послать своего сына в школу ответил: «Я об этом увижу сон», или просто бросит кости. По мнению Леви-Брюля, использование искусственных стимулов являетсяrudimentом, это «магические посредники» [Леви-Брюль 1994, с. 447.] в принятии решения туземцем. Бросая жребий, человек не решает, какой «стог сена» выбрать, он лишь добавляет дополнительные мотивы, воздействующие на него, не решая проблему собственного выбора.

Выготский, не согласный с этим выводом, приводит достаточно ясную схему. У нас есть стимул А, и равносильный ему стимул Б. Стимулу А соответствует реакция - X, стимулу Б, соответственно, - У. Человек искусственным путем избирает себе в качестве дополнительных мотиваторов а и б, в виде результатов жребия, разложенного пасьянса или броска костей. В результате жребий показал а, человек показывает реакцию X, избирая стимул А. Реакция X вызвана, конечно, стимулом А. Без него она не могла бы произойти. Но X вызван не только А. А само по себе нейтрализовалось действием Б. Реакция X вызвана еще и стимулом а, не имеющим к ней никакого отношения и искусственно введенным в ситуацию. Итак, созданный самим человеком стимул определил его реакцию. Следовательно, можно сказать, что человек сам определил свою реакцию при помощинского стимула.

То, что у Пьера Безухова должно было, по замыслу автора, передать в образной форме то состояние нерешимости которое овладело его героем, открывает нам глаза на первостепенной важности психологический факт. Он показывает, что человек, находящийся в бурдановой ситуации, прибегает к помощи искусственно вводимых вспомогательных мотивов или стимулов. При помощи жребия человек не вводит еще одной, «лишней» переменной, а выходит из-под власти ситуации. Теперь он – хозяин некогда превосходящей его ситуации. Введениенского стимула позволило человеку обрести свободу собственного выбора.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
2. Леви-Брюль Люсьен Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994. 597 с.
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1932, т. 11. 457 с.

Се Хао, Чэ Чжиянь

Белгородский государственный институт искусств и культуры
(Белгород, Россия)

ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ МУЗЫКИ: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Кросскультурный подход в изучении практик потребления музыки предполагает анализ того, как культурные различия влияют на восприятие, выбор и использование музыки в различных социальных контекстах. Этот подход помогает понять, как музыка становится средством культурной идентичности, глобализации и межкультурного обмена.

При этом, среди основных аспектов кросскультурного анализа музыкального потребления можно выделить:

1. Музыку как средство культурной идентификации. Поскольку музыка часто является важной частью культурной идентичности, отражая уникальные традиции, истории и мировоззрения различных народов. И в таких исследованиях в кросскультурной перспективе рассматривается, как потребление музыки поддерживает или трансформирует культурные границы. Например, национальные или этнические группы могут сохранять свою идентичность через традиционную музыку, но адаптировать её под современные стили (глобальную музыку). Мы видим этот процесс на примере целого ряда афроамериканских музыкальных жанров, таких как джаз, блюз и хип-хоп, которые одновременно сохраняют свои корни и адаптируются к глобальному контексту.

2. Глобализация и глокализация музыки. Глобализация расширяет доступ к различным музыкальным традициям, что приводит к созданию гибридных жанров (например, сочетание электронной музыки с традиционными инструментами разных народов). Глокализация проявляется, когда глобальные музыкальные жанры (поп, рок) адаптируются к местным особенностям. Например, японская J-роп или индийский Bollywoodmusic. Сегодня мы видим, как корейская K-роп культура трансформировалась из национального феномена в глобальную индустрию, сохраняя элементы корейской традиции.

3. Межкультурные различия в восприятии и потреблении музыки. Этот аспект кросскультурного анализа музыки достаточно очевиден, так как музыкальные предпочтения формируются под влиянием культурных норм, ценностей и социальных структур. Например, в восточных культурах (Китай, Япония) часто ценится коллективная природа исполнения, гармония и медитативное звучание, а в западных культурах акцент делается на индивидуальность, эмоциональную экспрессию и уникальность артиста.

4. Ритуализация и контексты потребления музыки. Музыку нельзя рассматривать как изолированный феномен, тем более, что она потребляется в различных ритуальных, религиозных и социальных

контекстах, которые различаются в культурах. Так западные культуры ассоциируют музыку с развлечением и коммерциализацией. В некоторых восточных и африканских традициях музыка может быть связана с религиозными обрядами, ритуалами и коллективным опытом, как например барабанная музыка в африканских культурах как способ общения с духовным миром.

5. Цифровизация и новые формы потребления музыки также являются важным вызовом для кросскультурного анализа музыки. Цифровые платформы (Spotify, YouTube, TikTok) играют ключевую роль в кросскультурном распространении музыки. Они размывают границы между культурами, предлагая пользователям глобальный доступ к музыке. Однако алгоритмы таких платформ также могут усиливать культурные различия, предоставляя пользователям музыкальные рекомендации, основанные на их географическом положении и локальных трендах. Например, наиболее ярко проявляется влияние TikTok на популяризацию латиноамериканских танцевальных жанров или афробита в глобальном масштабе. Такое влияние алгоритмов выходит за границы логики потребления или музыкальных индивидуальных предпочтений.

6. Меломанство и межкультурные различия. Кросскультурные исследования показывают, что восприятие музыки может быть связано с различными социальными ролями: в западных культурах меломания может восприниматься как индивидуальное хобби, а в восточных культурах музыкальная практика чаще связана с семейными или коллективными событиями. Что может интерпретироваться и в категориях традиционного и модерного общества и культуры, сквозь феномены коллективизма и индивидуализации.

Можно также остановиться на основных кросскультурных подходах к изучению музыкального потребления, которые составляет этнографическая методология, изучение музыкального потребления в контексте локальных культурных практик, ритуалов и повседневной жизни. Когнитивный подход - исследование влияния культуры на восприятие музыкальных структур, ритма, мелодии и текста. Сравнительный анализ как сопоставление музыкальных предпочтений и стилей потребления между культурами для выявления универсальных и уникальных элементов.

Кросскультурный подход к анализу практик потребления музыки позволяет понять, как традиции, глобализация и цифровизация формируют музыкальные вкусы и идентичности. Он помогает проследить не только различия в восприятии музыки, но и механизмы создания новых гибридных жанров, которые отражают изменения в мировом культурном ландшафте.

Белогорцев А.Д.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЖАНРА АВТОФИКШН В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В современном литературном мире жанр автофикашн рассматривается как новое явление, в котором заключены не только жанровые особенности, но и научно-философские идеи, выраженные средствами жанра.

Автофикашн как жанр основан на использовании личного опыта автора для осмыслиения более широких вопросов социального и философского характера, что делает его актуальным объектом анализа в контексте современных преобразований в обществе.

Представим результаты анализа автофикашн как литературного явления с позиций культурно-исторической рефлексии.

Вопросы взаимодействия личности и общества поднимались в кругах образованной интеллигенции давно. Особое внимание следует уделить исследовательской позиции одного из активных сторонников герменевтической традиции XIX столетия Н.Н. Страхова, провозгласившего, так называемую «понимающую философию».

Н.Н. Страхов делает акцент на моральную ответственность и этические дileммы, с которыми сталкиваются авторы в своих произведениях. Он подчеркивает, что у писателя выбор темы определяется «обстоятельствами от меня не зависящими»: нельзя касаться политических, философских и богословских вопросов, так как «спор на их поприщах» совершенно невозможен. В этом отношении, подчеркивал Н.Н. Страхов, когда господствующую силу имеют только два направления: «фанатический радикализм» или «фанатическое староверство», оба они ревностно исповедуют правило: «Кто не с нами, тот против нас». Это вынуждает писателя, не желающего попасть ни в тот, ни в другой лагерь, не желающего огорчить друзей или порадовать врагов, предпочитают оставлять в тени самые существенные свои взгляды и по внешнему виду литературы можно подумать, что их не занимают ни вопросы богословия, ни философии, ни политики [Страхов 2011, с. 9-10]. Идеи Н.Н. Страхова, высказанные в 1861-1865 гг. в книге «Изъ истории литературного нигилизма», как нельзя точно отражают наше время. Подтверждение этому – современные писатели, которые, используя возможности жанра автофикашн, используют элементы личной биографии не только с целью самовыражения, сколько обыгрывая ответы на важнейшие философские вопросы, связанные с идентичностью и местом человека в быстро меняющемся мире, через призму ни к чему не обязывающего субъективизма. Так, в романе А. Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов» представлено наблюдение автора, косвенно отмечающее отличие европейской и российской действительности, но напрямую просто описывающее личное

восприятие ситуации: «Возьмем, к примеру, маршрутный автобус. В Петербурге он почему-то мал и неказист...Как такое возможно?... Мы – северная столица, «окно в Европу», Венеция... Нам это неправильно со всякой точки зрения. Особенно – с культурной. Неправильно, неприлично и невозможнo» [Аствацатуров 2019, с. 323-324].

Возвращаясь к Н.Н. Страхову, следует отдельно подчеркнуть, что он поднимает вопросы о роли интеллигенции в формировании культурного дискурса. Он утверждает, что если «ее образованность не имеет прочных корней», а «в ее умах никакие идеи не оставили следов, что прошлого у нее вовсе нет», тогда «как не окрестить глупостию и нелепостию все эти безобразнейшие мнения, формирующиеся, по-видимому, без всякого участия правильной мысли?» [Страхов 1870]. Прошло более ста пятидесяти лет, а его слова звучат как нельзя актуально в наши дни, если учитывать отсутствие профессионального литературного образования у современных писателей, в том числе жанра автофикашн, проводить анализ постов в современных блогах и интернет-текстах, порой совсем не отвечающих литературному и культурному коду.

Таким образом, научно-философские мысли Н.Н. Страхова до сих пор имеют значение для понимания современных литературных тенденций и их роли в культурной рефлексии, открывая новые горизонты для исследования взаимодействия литературы и философии средствами современных литературных жанров, в частности автофикашн.

Литература

1. Аствацатуров А.А. Не кормите и не трогайте пеликанов. М.: Издательство АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2019. 350 с.
2. Страхов Н.Н. Изъ истории литературного нигилизма. М.: Директ-Медиа, 2011. 851 с. // Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=84029 (Дата обращения: 10.11.2024)
3. Страхов, Н.Н. Сочинения гр. Л.Н. Толстого / Н.Н. Страхов. – 1870. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0110.shtml (Дата обращения: 10.11.2024)

Алкатери Шоук Мухсин Бадер Бинкуда

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ТРАДИЦИИ И ПРАВО В РАБОТАХ РУССКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Во второй половине XIX века тема соотношения традиционного права и установленных правовых норм приобрела актуальность на фоне масштабных социальных изменений, вызванных индустриализацией, реформами и ростом либеральных идей. Русские и зарубежные философы права рассматривали, как

традиционные нормы, укоренённые в историческом и культурном контексте, взаимодействуют с государственным правом, создаваемым в условиях модернизации. В общем можно сказать, что в Европе традиционное право, основанное на обычаях и морально-религиозных ценностях, передающееся из поколения в поколение, в XIX веке уступило место праву, основанному на рациональных принципах, официально закрепленному и универсальному. Традиционное право, как правило, рассматривается как основа, которая либо интегрируется в государственное право, либо вступает с ним в конфликт. Философы права обсуждали, как сохранить баланс между сохранением культурной идентичности и необходимостью модернизации правовой системы.

Вторая половина XIX века в России характеризуется интенсивными дискуссиями о путях развития страны, которые велись в контексте противостояния западничества и славянофильства, реформ Александра II, а также поиска национальной идентичности. Ключевыми проблемами, обсуждаемыми мыслителями стали соотношение традиций, как основы для правовой системы и реформ по западному образцу, противопоставление традиционного общинного права, ориентированного на коллективные интересы, и западного индивидуализма, а также должно ли государство быть гарантом права или его главным создателем.

Славянофилы Алексей Хомяков, Иван Киреевский, Юрий Самарин критиковали западные правовые системы за их индивидуализм, противопоставляя им «соборность» – коллективное нравственное сознание русского народа подчеркивали органическое развитие права на основе национальных традиций. Право рассматривалось ими как часть народной культуры, связанной с общинными (мирскими) устоями. Алексей Степанович Хомяков рассматривал право, как выражение национального духа, тесно связанное с нравственными и религиозными ценностями. Хомяков противопоставлял самобытный русский путь развития западному рационализму и правовому формализму, подчеркивая значение общинности и соборности. В работе «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» Хомяков критикует западные религиозные и правовые системы за их отрыв от духовных и нравственных основ: «Закон чисто внешний и, следовательно, рассудочный, заступил место закона нравственного и живого, который один не боится рационализма, ибо объемлет не только разум человека, но и все его существо» [Хомяков, 1994, с. 25-71].

Хомяков считал, что право должно быть органично связано с духовными и культурными традициями народа. В отличие от западных правовых систем, основанных на абстрактных принципах, русское право, по его мнению, исходит из исторически сложившейся общинности и соборности. Он отвергал западный позитивистский подход к праву, где законы устанавливаются без учета религиозных и нравственных начал. Хомяков указывал на необходимость гармонии между правом и моралью, что особенно важно для России, где основой жизни является православная вера. Для Хомякова традиции играли ключевую роль в правотворчестве, поскольку они являются носителями народной мудрости и основой для гармоничного развития общества. Он подчеркивал, что в России право должно опираться на традиционные формы социальной организации,

такие как сельская община и соборное управление. Хомяков выдигал идею соборности как ключевого принципа, объединяющего людей в их стремлении к общему благу. Это принцип предполагает добровольное единство на основе любви и взаимопонимания, что должно быть отражено в праве.

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) – выдающийся русский правовед, философ, государственный деятель и наставник императора Александра III, был одним из главных идеологов консерватизма в Российской империи, выступая за сохранение традиционных ценностей, включая православие, монархию и общинное устройство. Победоносцев рассматривал право через призму традиций и религиозных ценностей, что нашло отражение в его трудах и практической деятельности. Победоносцев считал, что право должно основываться на религиозных и моральных началах. Он подчеркивал, что в России оно не может быть оторвано от православия и традиционного уклада жизни. Право, по его мнению, является частью общих традиционных ценностей, которые связывают общество с его историей и духовной миссией. Победоносцев выступал против западного подхода к праву, основанного на рационализме и индивидуализме. Он полагал, что такие системы отрывают право от его духовных корней и делают его инструментом принуждения. Он противопоставлял западный юридический формализм русскому праву, которое должно учитывать народные обычаи и православные традиции. Победоносцев настаивал на том, что закон должен быть нравственным и учитывать моральные устои общества. Без опоры на традиции и нравственность право теряет свою легитимность и перестает быть действенным. Он подчеркивал, что традиции являются источником стабильности и нравственной основы права. Реформы, которые разрушают традиционные устои, неизбежно приводят к социальной и духовной деградации. В труде «Московский сборник» (1896) Победоносцев анализирует вопросы права, религии, морали и традиций. Он критикует идеи либерализма и демократизма, считая их разрушительными для России. В работе «Великая ложь нашего времени» Победоносцев критикует демократические институты, такие как парламентская система, обвиняя их в формализме и разрушении народной идентичности. В этой работе он также затрагивает соотношение традиций и права, подчеркивая важность сохранения самобытности.

Победоносцев выступал против радикальных реформ и заимствования западных моделей. Он считал, что любые реформы должны учитывать особенности русского общества и его традиций. Победоносцев поддерживал идеи общины как традиционной формы социальной организации, в которой заключены моральные и правовые устои русского народа. Константин Победоносцев видел право, как выражение народного духа и божественного начала, тесно связанное с традициями и религией. Он критиковал западный подход к праву, отвергал идеи юридического формализма и индивидуализма, настаивая на сохранении национальной самобытности. Его труды, такие как «Московский сборник» и «Великая ложь нашего времени», остаются важными источниками для изучения консервативной философии права в России.

Александр Герцен рассматривая вопросы права, традиций и их взаимосвязи, уделял особое внимание крестьянской общине и роли народных обычаяв в общественной жизни. Герцен считал, что правовые системы,

основанные исключительно на формальном законодательстве, часто противоречат народным традициям, что приводит к отчуждению между государством и обществом. Герцен подчеркивал, что истинное право должно исходить из народных обычаев и традиций. Он считал, что крестьянская община, основанная на коллективной собственности на землю, представляет собой пример справедливого устройства общества. Герцен критиковал законодательство, навязываемое сверху, за его отрыв от реальных потребностей народа. Он полагал, что такие законы становятся инструментом угнетения, а не справедливости. Герцен утверждал, что законы, игнорирующие культурные традиции, неизбежно ведут к конфликту между властью и народом. Для Герцена крестьянская община являлась живым примером соединения права и традиций. Он видел в общине базу для будущего социалистического строя, который мог бы возникнуть в России. В работе «С того берега» (1847–1850) Герцен рассуждает о проблемах социального и правового устройства, критикуя формализм западной правовой системы и противопоставляя ей идеи, основанные на народной традиции. В «Письмах из Франции и Италии» (1851–1855) Герцен описывает свои наблюдения о различиях между западными правовыми системами и русскими традициями. Он обращает внимание на несовместимость формального права с народной жизнью и делает вывод, что право должно быть органично связано с историческими и культурными традициями народа. В автобиографическом произведении «Былое и думы» (1852–1868) Герцен делится своими взглядами на социальные и правовые проблемы России. Он обсуждает соотношение традиций, права и социальной справедливости, важность сохранения народных обычаев как основы для развития справедливого общества.

Вторая половина XIX века была периодом значительного развития философской и правовой мысли в западной Европе, где также обсуждались проблемы традиции и права. Генри Мэн в работе «Древнее право» (1861) сосредоточен на переходе от обществ, основанных на статусе (где юридические права и обязанности связаны с положением человека в родственной группе), к обществам, основанным на договорах. Он исследовал, как традиционные правовые системы, такие как системы Древнего Рима и Индии, повлияли на развитие современного права.

Фридрих Карл фон Савинни – немецкий философ, правовед и представитель исторической школы права, оказал значительное влияние на развитие юридической науки в Европе, особенно в Германии, акцентируя внимание на органическом развитии права, который, по его мнению, невозможно создавать искусственно или насилием. Савинни считал, что право должно развиваться органически, как часть истории и культуры народа. Он утверждал, что право не может быть просто создано в лаборатории, а должно быть результатом исторического и культурного процесса. По мнению Савинни, право выражает дух нации и его нельзя понять вне исторического контекста народа. В отличие от философов эпохи Просвещения, таких как Монтескье и Бентам, которые рассматривали право, как набор универсальных принципов, применимых ко всем обществам, Савинни утверждал, что право должно быть основано на традиции и обычаях конкретного народа, и не может быть насилием внедрено извне. Савинни также считал, что юристы должны быть носителями

знания, которое связано с традицией. Он утверждал, что правоведение должно изучать не только законы, но и народные обычаи, ибо они являются основой права. Савиньи видел право не как статическую систему, а как продукт исторического процесса. Он подчеркивал, что право не может быть изменено насильно – оно должно развиваться естественным путем, учитывая историческую традицию и культуру народа. Одно из самых известных произведений Савиньи «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению» (1814), в котором он выдвигает свои идеи о праве как продукте исторического развития. Он критикует попытки создания универсальных законов, считая, что законодательство должно основываться на традициях и характере народа. В работе «Система современного римского права» (1840–1849) Савиньи рассматривал систему римского права, показывая, как оно органически развивалось в историческом контексте. Он утверждал, что римское право является примером того, как право должно соответствовать духу времени и историческим условиям. Фридрих Карл фон Савиньи был сторонником органического развития права, связанного с исторической традицией и культурой народа. Его идеи оказали значительное влияние на развитие правовых систем в Европе, и многие его подходы до сих пор остаются актуальными в обсуждениях о праве и традиции.

Рудольф фон Иеринг – немецкий юрист и философ права, один из основоположников немецкого юридического позитивизма, который также принимал участие в развитии исторической школы права. Иеринг уделял особое внимание соотношению права и традиций, считая, что право должно служить интересам общества, обеспечивать свободу и справедливость. Иеринг рассматривал право как инструмент для достижения социальных целей, в первую очередь – для обеспечения свободы и справедливости. Он утверждал, что право должно быть направлено на создание и поддержание социальных условий, благоприятных для развития личности и общества. Хотя Иеринг признавал важность исторических традиций и обычая, он утверждал, что право не должно быть ограничено только ими. Он считал, что традиции могут быть полезными для сохранения стабильности, но они не должны сдерживать развитие общества и правовой системы. Иеринг полагал, что правовая система должна быть адаптирована к современным потребностям общества, а не быть слепым следованием традициям. В отличие от представителей исторической школы права, таких как Савиньи, которые подчеркивали органическое развитие права, Иеринг видел право как результат борьбы, как средство для борьбы за социальные и индивидуальные права. Он полагал, что право развивается через противостояние устаревшим традициям и несправедливым законам.

Герберт Спенсер развивал идеи о праве, государстве и традициях в контексте теории социального эволюционизма, утверждая, что общество, как и природа, развивается по законам эволюции. Спенсер считал, что право развивается в процессе исторического развития общества, и оно не является чем-то статичным. Его эволюционная теория правовых норм предполагает, что право начинает с примитивных форм (например, обычного права) и постепенно развивается в более сложные и рационализированные формы. Таким образом, правовая система – это результат длительного исторического процесса, в котором

традиции и обычаи играют важную роль на ранних стадиях развития общества. Спенсер признавал важность традиций, однако он полагал, что общественные нормы и обычаи должны быть подвергнуты разумной критике и улучшению. Традиции, по его мнению, служат основой правовых норм на ранних этапах, но в дальнейшем они должны быть заменены рациональными принципами.

Карл Маркс, известный своим материалистическим подходом к истории и анализом социальных отношений. Его идеи о праве и традициях развивались в контексте критики классового общества, капитализма и государства. Маркс рассматривал право, как часть надстройки, тесно связанной с экономическим базисом, а традиции как культурный и идеологический инструмент, поддерживающий существующие социальные отношения. Маркс утверждал, что правовые нормы всегда отражают интересы господствующего класса. Традиции, в свою очередь, служат для поддержания легитимности этих норм, закрепляя социальное и экономическое неравенство. Он пишет: «Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [Маркс 1955, с. 6-7].

Маркс рассматривал традиции как часть идеологической надстройки, которая помогает сохранить существующий порядок. Однако он не отвергал их полностью: определённые традиции могли быть революционизированы и использоваться в интересах рабочего класса.

В совместной работе Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии» (*Manifest der Kommunistischen Partei*, 1848), они анализируют роль буржуазии в разрушении феодальных традиций и создании капиталистической правовой системы. Буржуазия разрушила все феодальные, патриархальные отношения, чтобы заменить их новыми, основанными на чисто денежной ценности [Маркс 1974]. В «К критике гегелевской философии права» (*Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie*, 1843) Маркс критикует подход Гегеля к праву как автономной сфере. Он утверждает, что право определяется материальными условиями и служит интересам правящего класса. Религия, право и политика – всё это продукты социальных отношений, а не независимые сущности. Маркс рассматривал традиции и право, как части идеологической надстройки, которые отражают интересы господствующего класса. В его трудах подчёркивается, что традиции, закреплённые в праве, способствуют сохранению классового общества, но могут быть переосмыслены и заменены в процессе революционных преобразований. Маркс видел право не как автономную сферу, а как продукт экономической и социальной структуры, которая должна быть изменена для достижения социальной справедливости.

Как мы видим, общий тон дискуссий вокруг проблемы традиции и права обусловлен нарастающей модернизацией западное Европы и России, который получал различную интерпретацию, от идеи отказа от традиции и построенного на ее основе правовых норм, до органичного построения права на прочной основе исторически сложившегося опыта. Аргументы при этом также различались, в зависимости от позиции автора. Фиксация классового сознания и существующих отношений у Маркса делала традицию реакционным началом, нуждающимся в сломе на основе рациональных и революционных преобразований. Спенсер обращается к идеи эволюции как тезисе в защиту динамики права, меняющегося от обычая к более совершенным формам, по его мнению. Савиньи, Герцен, Победоносцева и целый ряд других исследователей можно отнести к органическому направлению мысли, выступавшему за сохранение традиционных основания правовых норм. Здесь есть место изменению права, но оно осуществляется на основе традиции и сохранения этих оснований.

Литература

1. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии; С того берега / А.И. Герцен. М.: Гос. социально-экономическое изд-во; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. 480 с.
2. Иеринг Рудольф фон Избранные труды: в 2 томах / Р. Ф. Иеринг. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. Т. 1. 2006. 616 с.
3. Маркс К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1974. // <https://nod.best/wp-content/uploads/2022/07/Манифест-Карла-Маркса.pdf>
4. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Госполитиздат, Т. 3: 1845-1847. Т. 3. 1955. 630 с.
5. Победоносцев К.П. Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева. – Изд. 5-е, доп. М.: Синодальная тип., 1901. 366 с.
6. Савиньи Фридрих Карл фон Система современного римского права / Фридрих Карл фон Савиньи. М.: Статут, 2011. Т. 1. 2011. 508 с.
7. Спенсер Г. Личность и государство. М.: АСТ, 2023. 221 с.
8. Хомяков 1994 – Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Медиум, 1994. С. 25–71.

Van Лэй

Белгородский государственный институт искусств и культуры
(Белгород, Россия)

ТУРИЗМ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВИЗУАЛЬНОГО: ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ

Туризм как феномен культуры и социальной практики изучается не только с экономической или социологической точки зрения, но и через призму философии и культурологии. Эти дисциплины исследуют туризм как способ

познания мира, форму культурного обмена и механизм конструирования идентичности. Однако, не так часто можно встретить интерпретацию туризма через визуальные практики.

Одной из таких работ является книга Джона Урри (John Urry) «Взгляд туриста» (The Tourist Gaze, 1990). В которой он исследует, как туризм формирует особый способ восприятия мира. Он вводит понятие «туристического взгляда», который определяет, как туристы видят и интерпретируют места, культуры и людей. Урри подчеркивает, что туризм – это не просто отдых, но и способ конструирования реальности через визуальные и культурные коды. Он утверждает, что туристический взгляд формируется под влиянием медиа, рекламы и культурных стереотипов, что влияет на восприятие культурной самобытности. И мы можем с ним согласиться, поскольку наши ожидания от поездки уже сформированы туристическими буклетами, рекламой мест отдыха, многочисленными трэвел блогами и тому подобным.

Дин Макканелл (Dean Mac Cannell), написавший книгу «Турист: Новая теория праздного класса» (The Tourist: A New Theory of the Leisure Class, 1976), анализирует туризм как форму поиска аутентичности в современном мире. Он утверждает, что туристы стремятся к «подлинному» опыту, но часто сталкиваются с его симуляцией. Его работа стала основой для изучения туризма как социального и культурного феномена. В книге «Турист: Новая теория праздного класса» Маккэнелл исследует, как визуальные аспекты туризма (например, фотографии достопримечательностей) создают образы аутентичности, которые часто являются симуляками. В этой интерпретации можно опереться на тезис Вальтера Беньямина, который скорее всего был первым, кто указал на утрату подлинности в современном мире. И Макканелл использует этот концепт для описания взгляда туриста. Ведь его визуальная практика также опосредована техническими средствами.

И конечно автор концепта «симулякр» Жан Бодрийяр в известной «Симулякры и симуляция» (Simulacra and Simulation, 1981) рассматривает туризм как часть общества потребления, где реальность заменяется симуляками. Туристические достопримечательности, по его мнению, часто становятся гиперреальными конструкциями, которые теряют связь с оригиналом. Бодрийяр рассматривает, как визуальные презентации в туризме (например, открытки, реклама) создают гиперреальные образы, которые заменяют реальную культурную самобытность. Которую турист действительно не видит, а сталкивается с симуляками, сконструированными образами природы или культуры страны посещения.

Если Бодрийяр пишет о гиперреальности, как о месте искусственном, созданном с преувеличенными характеристиками, то Марк Оже (Marc Augé) в исследовании «Не-места: Введение в антропологию сверхсовременности» (Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity, 1992) вводит понятие «не-мест» – пространств, лишённых исторического и культурного контекста, таких как аэропорты, торговые центры и отели. Туризм, по его мнению, часто связан с такими «не-местами», где человек чувствует себя отчуждённым. Оже анализирует, как визуальные аспекты туристических

пространств (например, аэропорты, отели) создают ощущение отчуждения и потери культурной самобытности. А если взять этот аспект местности более широко, то к нему можно отнести и целые регионы. Например, Восток, о котором пишет Эдвард Саид (Edward Said) в известной работе «Ориентализм» (Orientalism, 1978). Он исследует, как Запад конструирует образ Востока через призму колониального взгляда. Туризм, по его мнению, часто воспроизводит стереотипы и культурные клише, создавая упрощённое и экзотизированное представление о других культурах. Саид исследует, как визуальные репрезентации Востока в туризме и медиа создают стереотипные образы культурной самобытности, которые далеки от реальности.

Несколько иначе трактует общее поле исследований постколониальности Арджун Аппадурай (Arjun Appadurai) в работе «Современность наизнанку: Культурные аспекты глобализации» (Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization, 1996) он исследует, как туризм участвует в создании «воображаемых миров» и глобальных культурных потоков. Не обращаясь непосредственно к проблеме туризма, он пишет о миграции. Современный мир конструируется двумя глобальными явлениями, радикально изменяющими нашу реальность. Это перемещение больших масс людей и столь же большое развитие масс-медиа, что приводит к тому, что некогда замкнутые культурные миры перемешиваются и представитель той или иной культуры может находиться вне привычной среды, но будет прикреплен к ней с помощью медиа. Через просмотр контента, который ему родственен. И такое понимание реальности достаточно близко к феномену туризма, так как он также связан с перемещением и медиа с ним связаны.

Эти авторы и их работы представляют туризм как сложный культурный и философский феномен, который отражает ключевые тенденции современного общества: глобализацию, поиск аутентичности, гиперреальность и культурный обмен. Их идеи помогают глубже понять, как туризм влияет на наше восприятие мира и самих себя. Исследование визуальных аспектов туризма как культурной самобытности – это междисциплинарная область, которая объединяет культурологию, антропологию, визуальные исследования и философию. Визуальные аспекты туризма включают фотографию, кино, рекламу, дизайн туристических пространств и другие формы визуальной репрезентации, которые формируют восприятие культурной самобытности.

Литература

1. Appadurai A. Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization. U of Minnesota Press, 1996. 229 р.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 238 с.
3. Макканелл Дин Турист. Новая теория праздного класса. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 279 с.
4. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: Современные западные исследования. М.: Прагматика культуры, 2005. С. 136–150.

Симпозиум III

ГЕРМЕНЕВТИКА ДЕТСТВА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭСТЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ XXI В.

Первое заседание

Крылов Г.Е.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)

ВСЕ В КАРТИНАХ: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ИЗДАТЕЛЬСТВА М. ВОЛЬФА

Маврикий Осипович Вольф (1825-1883) – русский книгопродавец и книгоиздатель польского происхождения. Как издатель он видел перед собой цель приобщить юную публику к «пище для ума», приступив к издаельству в России литературы для детского чтения [Вольф 1866, с. 2].

Для детей, познающих мир, издательством М.О. Вольфа и А.А. Пчельниковой была переведена книга К.Ф. Лаукхарда «Всё в картинах: Наглядная энциклопедия для детей» [Лаукхард 1862], которая дает ответы на вопросы, которыми задается ребенок. Данное издание Вольф описал как: «громадное разнообразие предметов и богатства сведений. Начиная с предметов, которые постоянно перед глазами детей, автор ведет его к тем, которые вдали от него. От картинки изображающей мальчика верхом на палочке, он постепенно переходит к изображениям предметов из домашнего быта, священной истории, естествознания и ремесел... Текст приоровлен к детским понятиям и в педагогическом отношении образцово обработан» [Вольф 1876, с. 38].

Первый том энциклопедии представлен 26 листками и 26 иллюстрациями, которые можно отнести к определенным темам по различным областям знания. Каждый листок начинается с предисловия, где в краткой форме содержится обобщенная информация. К каждому листку представлена сборная иллюстрация из нескольких картинок.

В начале расположено предисловие в форме диалога ребенка и его «папаша», кратко знакомя читателя с содержанием: «Скажи поскорее, что в ней? – Все! – Как все? – Да, все, все, что ты видишь, что употребляешь, целый мир в картинках... Но мало того, чтобы смотреть на пестрые картинки и любоваться ими, ты должен внимательно рассматривать все, что они изображают, и слушать, что я тебе буду о них рассказывать» [Вольф 1866, с. 2]. Иллюстрации к каждому листу сочетают в себе ряд самостоятельных пронумерованных рисунков. Можно предположить, что таким образом выстраивается очередность обращения читателя к тексту, рассматривая картинку можно параллельно читать текст.

В своих отчетах и каталогах Вольф неоднократно отмечал, что усвоение ребенком информации происходит легче, при использовании наглядного

материала, ведь визуально представленная информация способствует лучшему пониманию окружающего ребенка пространства. Родителю отводится роль учителя, который дает понятное для ребенка разъяснение к представленным иллюстрациям.

Данная энциклопедия является интересным примером проявления просветительской миссии М.О. Вольфа, которая заключалась в восполнении «величайшего» недостатка в детских книгах того времени, где «две-три плохие картинки уже являлись неслыханной роскошью». Издатель заботился о том, чтобы усвоение ребенком информации об окружающем мире происходило легче, с использованием яркого наглядного материала

Литература

1. Вольф М.О. Отчет М. Вольфа за десять лет работы. Санкт-Петербург: Тип. М.О. Вольфа, ценз. 1866. 16 с.
2. Вольф М.О. Каталог книгам, отпечатанным в 1875 и 1876 гг., журналам на 1877-й год, детским книгам на елку 1876 г. и другим изданиям книгопродавца Маврикия Осиповича Вольфа, которые продаются в его книжных магазинах. Санкт-Петербург: Тип. М.О. Вольфа, ценз. 1876. 48 с.
3. Лаукхард К.Ф. Все в картинах. Наглядная энциклопедия для детей в 3-х т. Т. 1 / сочинение д-ра Лаукарта; переделано с нем. А.А. Пчельниковой. Санкт-Петербург: изд. книгопродавца и типографа М.О. Вольфа, 1862. 117 с.

Второе заседание

Чистякова Е.Ю., Орлова Д.Д.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ: РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИСТОКОВ ПРОГРАММЫ

«Мысль о том, что стандартное образование не использует все возможности человека, что нужны какие-то иные рычаги, могущие задействовать творческий потенциал и способности мышления, витала давно. Педагоги и в прошлые времена искали способы, позволяющие более эффективно достигать целей образования» [Юлина 1996, с. 7] – в этом контексте философия для детей становится важным инструментом, так как она направлена на развитие критического мышления, самостоятельного поиска ответов и способности размышлять над сложными вопросами. Эта концепция зародилась на стыке различных культурных и педагогических традиций, каждая из которых внесла свой вклад в её формирование и распространение.

Истоки философских дискуссий о сущности знания и обучения восходят к античной Греции. Философы, такие как Сократ, Платон и Аристотель, подчеркивали важность диалога и вопросов как метода постижения истины. Особенно значительным был метод диалектики, использованный Сократом,

который поощрял исследование идей и концепций через обсуждение: «Значит, в этом отношении один лишь диалектический метод придерживается правильного пути: отбрасывая предположения, он подходит к первоначалу с целью его обосновать; он потихоньку высвобождает, словно из какой-то варварской грязи, зарывшийся туда взор нашей души и направляет его ввысь, пользуясь в качестве помощников и попутчиков теми искусствами, которые мы разобрали» [Платон 1998, с. 317]. Эти идеи легли в основу философского подхода к обучению детей.

Восточные традиции, такие как даосизм и буддизм, также содействуют развитию внутреннего понимания и мудрости через размышления и медитацию. Эти принципы находят параллели в философском подходе к образованию, где акцент делается на личном опыте и внутреннем осмыслинении.

В XX веке внимание к образованию как средству формирования критического мышления привлекли философы, такие как Людвиг Витгенштейн и Джон Дьюи. Дьюи, в частности, утверждал, что обучение должно быть активным и основанным на опыте, чтоозвучено основным принципам философии для детей.

Педагогические истоки этого подхода также разнообразны. Метод Монтессори, разработанный Марией Монтессори, акцентирует внимание на свободе выбора ребенка и обучении через опыт. Такой подход создает среду, в которой дети могут развивать свои интересы и мыслительные навыки, что перекликается с философским подходом к образованию.

В начале XX века в США возникло прогрессивное образование, ориентированное на потребности и интересы детей. Этот подход поддерживал идеи о том, что обучение должно быть направлено на развитие критического мышления и понимания, а не просто на запоминание фактов. Конструктивистские теории Жана Пиаже и Льва Выготского, акцентировали внимание на том, как дети строят свои знания через взаимодействие с окружающим миром. Эти идеи легли в основу философского обучения, где процесс происходит через диалог и совместное исследование.

Основателем концепции философии для детей считается Мэттью Липман, который в 1970-х годах разработал программу, направленную на развитие критического мышления у детей через чтение философских текстов и участие в обсуждениях. «В 1969 г. М. Липман, в то время профессор Колумбийского университета, читавший вводный курс по логике, написал первую философскую нагруженную повесть «Открытие Гарри Столмейера»... В виде эксперимента Липман начал обучать по этой повести 11-летних школьников и, получив впечатляющие результаты, решил продолжить это дело... Эксперимент показал необходимость сопроводить повесть пособием для учителей, содержащим упражнения и материалы, облегчающие философскую подготовку учителей и проведение урока» [Юлина 1996, с. 15] – что послужило толчком к созданию программы. Его работы стали основой движения, которое распространилось по всему миру и вдохновило на создание множества программ в разных странах. Как отмечал сам Липман: «Я бы не стал рассматривать философию для детей в столь широком контексте, если бы не принял к сведению взгляды бразильского педагога Пауло Фрейре, который получил общественное признание в результате того, что применил свою философскую проницательность к образованию детей»

[Кохан 2018, с. 14]. Связь между Липманом и Фрейре заключается в акценте на образовательном процессе как на форме освобождения и развитии личности. Оба мыслителя поддерживали идеи, в которых дети становятся активными участниками учебного процесса, и подчеркивали, что цель образования – не просто передача знаний.

В России программа «Философия для детей» была воспринята в начале 90-х годов, когда произошел всплеск интереса к гуманистическим и развивающим образовательным программам. Одной из важнейших предпосылок её становления стала педагогика сотрудничества, представленная в работах таких педагогов, как Ш.А. Амонашвили, В.Ф. Шаталов, А.А. Леонтьев и других. Эти педагоги стремились создать атмосферу диалога, поддержки и доверия между учеником и учителем, что во многомозвучно основным принципам философского образования.

Сравнение инициатив, таких как идеи Михаила Библера, вальдорфские школы Рудольфа Штайнера, методика Виктора Шаталова и гуманно-личностный подход Шалвы Амонашвили, позволяет лучше понять специфику философии для детей.

Михаил Библер разработал концепцию школы, где обучение строится на диалоге культур, осмыслиении исторических эпох и культурных ценностей через сравнительный анализ: «Диалог в данной школе не столько форма или способ обучения, сколько сущностная методологическая характеристика всего образования. Ученик проживает в ходе своего образования основные этапы развития человечества, ведя с ними диалог с позиций современности (соотношение филогенеза и онтогенеза)» [Хугорской 2014, с. 1]. Для него было важно, чтобы ребенок мог воспринимать разные культурные и философские взгляды, обогащая собственный мир. Подход Библера схож с философией для детей, так как также направлен на развитие критического мышления и диалога. Однако основное различие заключается в том, что Библер больше ориентировался на культурные ценности и межкультурное понимание.

Вальдорфская педагогика, основанная на идеях Рудольфа Штайнера, ориентирована на гармоничное развитие ребенка, включая интеллектуальную, эмоциональную и духовную сферы. В вальдорфских школах философия не преподается как отдельная дисциплина, но элементы философского мышления пронизывают образовательный процесс, способствуя развитию свободного мышления: «Вальдорфская школа предлагает ребенку такой способ познания мира, общества и самих себя, который исключал бы отчужденность от предмета, развивал бы в обучающемся чувство сопричастности к происходящему вокруг него. Программы вальдорфских школ строятся таким образом, чтобы учитывать индивидуальные потребности каждого обучающегося» [Коротких 2018, с. 43]. Подобно философии для детей, вальдорфские школы ценят личное осмысливание, однако акцент делают на интуитивном и художественном подходах, тогда как философия для детей больше фокусируется на логическом рассуждении.

Методика Виктора Шаталова известна своим интенсивным обучением, основанным на схематизации, повторении и активации мыслительных процессов у детей. В отличие от философии для детей, подход Шаталова

ориентирован на академическую успешность и овладение материалом, а не на обсуждение и размышление. Тем не менее, Шаталов подчеркивал важность активного участия детей в процессе обучения, что перекликается с диалоговым подходом философии для детей: «Ученики поставлены в такое положение, что на каждом этапе они предельно заинтересованы в работе. Заинтересованы в том, чтобы слушать учителя, не проронив ни слова (иначе не поймешь конспекта), в домашнем повторении (наутро – отчитываться), в решении задач» [Ретюнских 2018, с. 108].

Шалва Амонашвили разработал педагогическую концепцию, ориентированную на личность ребенка и его эмоциональное, нравственное развитие. Его методология включает элементы диалога и подчеркивает важность субъективного опыта и самовыражения ребенка. Амонашвили видел в образовании не просто процесс передачи знаний, а возможность для ребенка раскрыть свой внутренний мир. В отличие от философии для детей, его подход более эмоционально ориентирован.

Программа «Философия для детей» представляет собой развитие идей гуманистической и личностно-ориентированной педагогики, которые нашли отклик в различных образовательных подходах как в мире, так и в России. Несмотря на различия, подходы Библера, вальдорфских школ, Шаталова и Амонашвили сходятся в своей цели – создать условия для свободного, творческого и критического мышления ребенка.

Таким образом, философия для детей представляет собой синтез различных культурных и педагогических традиций, стремящихся создать условия для активного, критического и творческого мышления у детей. Она основывается на идеях, сформировавшихся в античной философии, восточных традициях, современных педагогических концепциях и инициативах, таких как программа Мэттью Липмана. Эти истоки формируют прочный фундамент для дальнейшего развития философского подхода как важной составляющей современного образования.

Литература

1. Коротких О.А. Организация педагогического процесса в Вальдорфской школе // Вопросы педагогики, 2018. № 1. С. 43-48.
2. Кохан У.О. Пауло Фрейре и «Философия для детей»: критический диалог // Социум и власть, 2018. № 6(74). С. 55-67.
3. Платон. Государство: пер. с древнегреч. Москва: Мысль, 1998. 798 с
4. Ретюнских И. В. Педагогическая система В.Ф. Шаталова как яркое достижение средового подхода к образованию и педагогике // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения, 2018. № 2(10). С. 103-114.
5. Хупорской А.В. Школа диалога культур // Вестник Института образования человека, 2014. № 1. С. 20.
6. Юлина Н.С. Философия для детей / РАН. Ин-т философии; Отв. Ред., сост. Н. С. Юлина. М., 1996. 241 с.

Адонин А.Ю.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ НАЧАЛА XIX: ОСНОВНЫЕ УСТАНОВКИ И ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

Философское образование в России начала XIX века развивалось на фоне масштабных реформ Александра I, стремившегося модернизировать общество через образовательную систему. Университетский устав 1804 года закрепил философию как ключевую дисциплину в университетах, направленную на развитие нравственных и политических знаний. Московский, Виленский, Дерптский, Казанский и Харьковский университеты стали центрами философского образования. Здесь преподавались идеи немецких мыслителей, таких как Кант, Фихте, Шеллинг и позднее Гегель. Эту работу возглавляли приглашённые из Германии профессора, например, Иоганн Буле и Иоанн Баптист Шад. Как отмечал профессор А.И. Введенский: «Начало царствования Александра I обещало нашей философии широкое и спокойное развитие... были предприняты энергичные меры для подъёма и распространения как духовного, так и светского образования» [Введенский 1898, с. 10].

Однако в развитии философского образования наблюдались серьёзные противоречия. Политические события, такие как Отечественная война 1812 года и возвращение армии с революционными идеями, заставили власть воспринимать философию как угрозу религиозным и монархическим устоям. Это привело к ужесточению цензуры и внедрению строгих ограничений. В 1816 году министр народного просвещения князь А.Н. Голицын инициировал реформы, подчинив преподавание философии принципам христианского благочестия. Согласно манифесту 1817 года, «христианское благочестие должно было стать основанием истинного просвещения» [Россия 1864, с. 974].

Последствия этих мер оказались разрушительными для академической свободы. Преподаватели, такие как И.Б. Шад, подвергались репрессиям, а учебные курсы адаптировались под государственные и религиозные нужды. Философия стала трактоваться исключительно в контексте её совместимости с христианской моралью. Несмотря на это, как подчёркивалось в докладе, философское образование оставалось значимой частью университетской системы, продолжая своё развитие даже под строгим контролем и влиянием на культурную и академическую жизнь России.

Цель данного доклада – проанализировать развитие философского образования в России начала XIX века, выявить основные проблемы его внедрения и существования, а также показать влияние политических и религиозных факторов на содержание и преподавание философских дисциплин. Доклад акцентирует внимание на противоречиях, возникших между стремлением к академической свободе и государственными

ограничениями, и подчёркивает значимость философского образования для формирования интеллектуальной и культурной среды России.

Литература

1. Введенский А.И. Судьбы философии в России. М.: Типолитогр. И.Н. Кушнерева, 1898. 43 с.
2. Россия. Министерство народного просвещения. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 17-ти т. Т. 1: Царствование императора Александра I, 1802-1825. СПБ.: Тип. Общественная польза, 1864. 1644 с.

Xу Лина

Белгородский государственный институт искусств и культуры
(Белгород, Россия)

ПРАКТИКИ НАСТАВНИЧЕСТВА В КИТАЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ МЫСЛИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Китайская философская традиция предлагает глубокие и уникальные подходы к наставничеству, которые тесно связаны с её основными учениями – конфуцианством, даосизмом и буддизмом. Эти подходы акцентируют внимание на гармонии, моральном совершенствовании, духовном развитии и передаче мудрости. Рассмотрим основные подходы к наставничеству в китайской философской мысли.

Основным взглядом на проблему наставничества, как многие другие, в Китае является Конфуцианство. Конфуцианство, основанное Конфуцием (Кун-цзы), рассматривает наставничество как ключевой элемент воспитания морального человека и гармоничного общества. Наставник (учитель, *бэй*, *ши*) должен быть воплощением моральных качеств, таких как *жэнь* (человеколюбие), *ли* (ритуал), *и* (справедливость) и *сю* (сыновняя почтительность). Ученик учится через подражание наставнику. Наставник передаёт не только знания, но и культурные ценности, ритуалы и нормы, которые обеспечивают социальную гармонию. В конфуцианстве учитель занимает высокое положение в иерархии отношений (наравне с отцом и правителем). Ученик должен проявлять почтение и следовать наставлениям учителя.

«Учитель открывает дверь, но войти в неё ученик должен сам» – это высказывание подчеркивает роль наставника как проводника знаний, но также акцентирует внимание на необходимости самостоятельной работы ученика. Для ее стимулирования Конфуций использовал метод диалога, задавая вопросы и направляя учеников к самостоятельному поиску истины.

Другим подходом к пониманию наставничества является Даосизм, основанный на учении Лао-цзы и Чжуан-цзы, он предлагает более интуитивный и естественный подход к наставничеству. В нем наставник

предстает как проводник к Дао, помогает ученику понять и следовать Дао (Пути), который является источником гармонии и естественного порядка. Это достигается через созерцание, интуицию и следование природе. Прежде всего, через следование принципу Не-действия (у-вэй). Наставник не навязывает знания, а создаёт условия для естественного пробуждения мудрости в ученике. Он действует через мягкое руководство и пример. Также через отказ от формальностей, поскольку отличие от конфуцианства, даосский наставник избегает строгих ритуалов и правил, делая акцент на спонтанности и свободе. Отдельно стоит упомянуть даосские парадоксы и притчи. Даосские наставники часто используют парадоксы, притчи и метафоры, чтобы пробудить в ученике глубокое понимание жизни.

Третьим источником китайского взгляда на наставничество является Буддизм, пришедший в Китай из Индии, который адаптировался к местной культуре и оказал влияние на подходы к наставничеству. В нем наставник выступает как духовный проводник. Наставник (часто монах или учитель дзэн) помогает ученику достичь просветления, преодолевая иллюзии и страдания. Это осуществляется через медитацию и практику. Наставник учит через медитацию, созерцание и практику, а не через теоретические знания. Также практики наставничества предполагают прямую передачу опыта. Так в традиции дзэн (чань) наставник часто использует коаны (парадоксальные вопросы) и прямые методы, чтобы помочь ученику выйти за пределы логического мышления. В буддизме отношения между наставником и учеником основаны на глубоком доверии и преданности. Учитель передаёт не только знания, но и духовную энергию.

В китайской философии часто наблюдается синтез конфуцианства, даосизма и буддизма, что создаёт уникальные подходы к наставничеству. К ним можно отнести баланс между ритуалом и естественностью, когда наставник сочетает конфуцианские принципы уважения и дисциплины с даосской спонтанностью и буддийской мудростью. Гармонию внутреннего и внешнего, когда наставник помогает ученику достичь гармонии между внутренним миром (духовное развитие) и внешним миром (социальные обязанности). А также практический подход в традиционном образовании.

В современном Китае традиционные подходы к наставничеству сочетаются с западными идеями. Через сочетание традиций и инноваций. Наставничество в образовании и бизнесе часто включает элементы конфуцианской этики, даосской гибкости и западных методов обучения. В корпоративной культуре, в китайских компаниях наставничество используется для передачи опыта и укрепления корпоративной культуры, что отражает конфуцианские ценности иерархии и уважения. Но при этом ключевые и традиционные принципы китайского наставничества (уважение к учителю, передача мудрости, гармония и баланс, индивидуальный подход, а также практика и дисциплина) сохраняются. Эти подходы к наставничеству в китайской философской мысли остаются актуальными и сегодня, влияя на образование, культуру и бизнес в Китае и за его пределами.

Алифанова А.В.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Б.Н. Чичерин – российский правовед, философ, историк и преподаватель Московского университета второй половины XIX века. Его идеи о системе образования, в частности, о высшем образовании, остаются актуальными и в настоящее время.

Чичерин связывал образование с общественным устройством. Он подчеркивал, что образование является важнейшей ступенью для формирования гражданско-правового общества и должно быть неотделимо от нравственности, общества и права.

Образование – "святое дело" для Чичерина. Он считал его важным элементом государственной политики, неразрывно связанным с судьбой государства, свободой мысли и слова.

Основные задачи университетского образования, по мнению Чичерина, это интеллектуальное развитие, воспитание, регулярный труд, подготовка специалистов, развитие науки и нравственное воспитание молодежи.

Лекционный материал – лишь пособие для настоящего обучения. Чичерин подчеркивал, что главным источником знаний должно быть самостоятельное чтение научной литературы, что способствует развитию аналитического и критического мышления.

Чичерин выступал за осторожность в обсуждении политических тем. Он считал, что преподаватели не должны навязывать свои взгляды и должны предоставлять студентам возможность делать собственные выводы.

Чичерин поддерживал научный либерализм в университете. Он полагал, что наука должна быть всесторонней и не ограничиваться односторонностью, под односторонностью Чичерин понимал неуважительное отношение к иным научным теориям и взглядам.

Чичерин выступал за ограниченную автономию университетов, поддерживал выборность университетского руководства и профессорского состава, сохранение академической независимости от внешнего вмешательства.

Критиковал бюрократические вмешательства в университетскую жизнь. Чичерин утверждал, что превращение университетов в канцелярии лишь ограничивает нравственное влияние преподавателей и студентов. А также выступал против насилиственных методов правительенного контроля. Чичерин отвергал попытки властей подавлять инакомыслие в студенческих кругах через репрессии и бюрократию.

Чичерин ратовал за доступность образования для всех. Он поддерживал идею об отмене платы за обучение и выступал против сословной структуры

образования, где дворянство имело доступ к лучшему образованию, а крестьяне были лишены его.

Образование должно быть постепенным и осторожным. Чичерин полагал, что реформы в образовании должны быть плавными, а университеты – учреждениями, требующими особого внимания и уважения, так как они играют важную роль в формировании духовно-нравственного климата в обществе.

Нравственная связь между преподавателями и студентами – ключ к успеху образования. Чичерин считал, что университеты должны стать центрами нравственного воспитания, где преподаватели и студенты находятся в постоянном живом общении.

Говоря о качествах настоящего преподавателя, Чичерин подчеркивал важность таких характеристик у преподавателя, как нравственная чистота, глубокие знания, умение ясно и доступно излагать материал.

Идеи Чичерина актуальны и сегодня. Проблемы, поднимаемые Чичериным, такие как значение образования, нравственное воспитание молодежи и роль университетов в развитии общества, остаются важными и в наше время.

Современные реформы не могут игнорировать роль образования. Чичерин подчеркивал, что реформы в России должны учитывать значимость образования и университетов как центров общественного и политического развития.

Титова С.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ПОЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЯСНОПОЛЯНСКОЙ ШКОЛЫ (К ПЕРЕПИСКАМ Л.Н ТОЛСТОГО, С.А. ТОЛСТОЙ И Н.Н. СТРАХОВА)

Яснополянская школа, основанная Л.Н. Толстым, представляла собой не только образовательное учреждение, но и место, где формировались новые подходы к обучению и воспитанию детей. Именно педагогика была одной из обсуждаемых тем у Н.Н. Страхова и Л.Н. Толстого в их эпистолярном наследии.

Н.Н. Страхов был советчиком для Л.Н. Толстого в отношении его творчества. На протяжении всего создания толстовской «Азбуки» Страхов оставлял комментарии и редактировал предлагаемые для нее Толстым рассказы: «Ах, пожалуйста, – пишет Л.Н. Толстой Страхову в письме от 31 мая 1873 года, – дайте совет: что из "Азбуки" стоит и следует поместить в полные сочинения? Пожалуйста, скажите свое мнение» [Переписка … 2018, с. 238]. Неизменно, Страхов отвечал на «ауканье» Л.Н. Толстого и на всяческие примечания: «Одно меня сокрушает – мне говорили, что я плохой корректор, что «Азбука» кишит опечатками, несмотря на мои усердные усилия. Хоть я и знаю, что сделаю корректуру лучше Вас, но все-таки предупреждаю Вас и заранее прошу быть снисходительным» [Переписка … 2018, с. 259].

Не мало важен для нас и тот факт, что при открытии яснополянской школы, Толстого волновал вопрос «народного образования»: «... проведение заветной мысли о народном образовании, которую долго носил в душе граф Толстой, и изложение наблюдений над школой, для постепенной проверки этой мысли» [Страхов 1862, с. 5], – отмечает Н.Н. Страхов в своей статье о Ясной Поляне. Сам Толстой писал к графине А.А. Толстой: «Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе» [Переписка ... 2018, с. 240]. Именно для спасения «тонущих» и писалась «Азбука» Толстого, о значении которой писатель сообщал графине А.А. Толстой: «Пишу я эти последние года азбуку и теперь печатаю. Рассказать, что такое для меня этот труд многих лет – азбука, очень трудно. <...> Гордые мечты мои об этой азбуке вот какие: по этой азбуке только будут учиться два поколения русских всех детей, от царских до мужицких, и первые впечатления поэтические получат из нее, и что, написав эту "Азбуку", мне можно будет спокойно умереть» [Переписка ... 2011, с. 286]. «Поэтическое чутье всех явлений живой души» Н.Н. Страхов считал положительной стороной Ясной Поляны.

Толстой во многом сходился во мнении со Страховым в ценных качествах поэтов - свобода, воля, форма, содержание, язык. Его, как и Страхова, восхищал Пушкин. Даже, в какой-то мере, вдохновлял: «„Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться". <...> вечером он читал разные отрывки и под влиянием Пушкина стал писать. Сегодня он продолжал дальше и говорит, что доволен своей работой», – писала в своем дневнике С.А. Толстая [Переписка ... 2018, с. 224]. Но большее внимание он отдавал «народному языку», который был в то время для него одним из самых важных при создании «Азбуки»: «Я изменил приемы своего писания и язык, – писал он Н.Н. Страхову в письме от 22,25 марта 1872 года, - но, повторяю, не потому, что рассудил, что так надобно. А потому, что даже Пушкин мне смешон, не говоря уж о наших элукубрациях, а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, – мне мил. Язык этот, кроме того, – и это главное – есть лучший поэтический регулятор. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное – язык не позволит, а наш литературный язык без костей; так набалован, что хочешь мели – всё похоже на литературу. <...> Я ненавижу все эти хоровые начала и строи жизни и общины и братьев славян, каких-то выдуманных, а просто люблю определенное, ясное и красивое и умеренное, и всё это нахожу в народной поэзии и языке и жизни и обратное в нашем» [Переписка ... 2018, с. 137]. Главным источником в работе Толстого над языком было изучение народной литературы. Старший сын Толстого С.Л. Толстой в своих воспоминаниях сообщает: «Во время составления «Азбуки» и «Книг для чтения» и позднее он не переставал изучать русский язык и собирать слова, поговорки, пословицы. В то же время он читал словарь Даля, былины, сборники сказок и пословиц Вообще в семидесятых годах он больше чем когда-либо изучал русский язык и русскую народную литературу» [Толстой Л.Н. 2006]. Зачастую Толстой как бы перенимал народную речь у крестьянских детишек и в рассказах, добавляемых им в «Азбуку» изменял стилистические приемы. Кроме того, в

журнале «Ясная Поляна» публиковались также и незатейливые, но глубоко поэтические произведения детей простого народа.

В конце концов, Толстой, в поисках содержательного наполнения «Новой Азбуки» открывает для себя религиозный мир и новое направление в поэзии, которое захватывает его с новой силой: «„Если хочешь быть и ты в этом дружном единении, исповедуй с народом одну и ту же веру“ – мысленно говорил себе Лев Николаевич, говорил об этом и мне и стал искать истины и религии в исполнении всех обрядностей православной Церкви, – писала С.А. Толстая в своем мемуаре «Моя жизнь». Новая Азбука стала наполняться легкими для детского восприятия текстами житий святых. Толстой даже выделял критерии для отбора: «В предполагаемой мною книге (или ряде книг), я разделяю две стороны: форму – язык, размер (т. е. краткость или длину) и содержание – внутреннее, т. е. нравственно-религиозные основы, и внешнее, т. е. описываемые события. <...> По содержанию я предпочитаю для народного чтения, без сомнения, русских святых и таких, жизнь которых содержит более событий» [Переписка ... 2018, с. 224].

Вопрос о поэтико-философских предпочтениях довольно обширный и в некотором роде открытый. Однако войти в исследование помогает эпистолярное наследие «родных по духу» Н.Н. Страхова и Л.Н. Толстого. Нельзя остаться равнодушным, к особому отношению Л.Н. Толстого к яснополянской школе и «крестьянским ребятишкам», не прочувствовать уровень вовлеченности Толстого в педагогику и «народное образование», а также отметить ценностные ориентиры в отношении поэзии.

Литература

1. Переписка Л.Н. Толстого и А.А. Толстой (1857-1903). М.: Наука, 2011.
2. Переписка Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова (1870–1896). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018.
3. Страхов Н.Н. "Ясная Поляна", журнал педагогический, издаваемый гр. Л.Н. Толстым. Январь. 1862 // Время. 1862. № 3. С. 1-38.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 21 // Новая азбука и русские книги для чтения (1874 - 1875) / М.: РГБ, 2006. URL: <https://tolstoy.ru/online/90/21/> (дата обращения: 28.10.2024).

Зюганова С.К.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

«СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ» Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА (ИСТОЛКОВАНИЕ И.И. ЛАПШИНА)

И.И. Лапшин относится к числу немногочисленных герменевтических открытых исследователей. Его интересовали не только вопросы метафизики, истории философии, психологии, но и вопросы музыкального мышления. К

числу его работ относятся два очерка о творчестве Н.А. Римского-Корсакова: «Философские мотивы в творчестве Н.А. Римского-Корсакова» (1911) и «Музыкальная лирика Римского-Корсакова» (1922), книга «Заветные думы Скрябина» (1922), сборник статей «Художественное творчество» (1922).

И.И. Лапшин считал, что «музыка не есть простая звуковая арабеска, лишенная всякого психологического содержания, но "непрестанный комментарий душевного волнения к предложениям разума" [Лапшин 1911, с. 3], поэтому «музыка может косвенным образом отражать философские идеалы своего времени» [Лапшин 1911, с. 3]. В качестве примера своих слов И.И. Лапшин предлагает рассмотреть «Критику практического разума» Им. Канта, «наиболее патетические места» [Лапшин 1911, с. 4] которого «вписаны» [Лапшин 1911, с. 4] в IX симфонию Л. ванн Бетховена.

И.И. Лапшин убежден, что в основе творчества Н.А. Римского-Корсакова также можно увидеть «известное идейное единство миропонимания» [Лапшин 1911, с. 4]. Римский-Корсаков, как пишет И.И. Лапшин, «величайший певец вселенского чувства, космической эмоции». Его «муза» [Лапшин 1911, с. 6], которая всегда представлялась в женских образах (Снегурочка, Царевна Лебедь и др.), «это – та же мировая душа, присутствие которой в своей душе так живо ощущал великий музыкант» [Лапшин 1911, с. 6]. Чувство мировой души представлялось Н.А. Римскому-Корсакову в трех формах: «апофеоза природы и любви, апофеоза художественного творчества и апофеоз морального героизма» [Лапшин 1911, с. 6]. И все три эти формы можно проследить в «Сказке о царе Салтане».

«В музыке “описание” природы заключается не в близости к изображаемому явлению, а совсем в ином, именно в эстетическом "вчувствовании"» [Лапшин 1911, с. 7], именно поэтому во вступлении ко II действию отчетливо слышна водная стихия, штурм, движение волн. Н.А. Римский-Корсаков проводит такие «музыкальные отзучия» [Лапшин 1911, с. 7] с помощью попеременной смены громкости звучания и перекличек музыкальных инструментов. «Между движениями волн и мерным течением музыки есть только аналогия» [Лапшин 1911, с. 7], благодаря которой мы начинаем ощущать «родство между внешней стихией и внутренними переживаниями» [Лапшин 1911, с. 7] в нас самих.

В опере «Сказка о царе Салтане» Царевна-Лебедь – это «символ творческой фантазии, которая одушевляет нас верою в осуществимость того, что кажется невозможным» [Лапшин 1911, с. 14]. В этом образе полно выражается одна из форм мировой души Н.А. Римского-Корсакова – это превозношение художественного творчества. Ведь именно в творчестве возможно невозможное:

«Для живых чудес
Я сошла с небес
И живу украдкой
В милых мне сердцах.
Светел им со мной

Жребий земной,
Горе сладко в песне,
В сказках мил и страх.
Солнце им ясный,
Внешний цвет красный,
Говор волн понятен,
Птичья речь в лесах»
[Лапшин 1911, с. 14].

«Символическое изображение зла имеет у Римского-Корсакова часто юмористический оттенок, под влиянием народных представлений» [Лапшин 1911, с. 17], вспомним образ сестер царицы Милитрисы или образ бабы Бабарихи. Их музыкальные партии строятся на мотивах народных плясовых песен, в то время как образ Милитрисы соответствует спокойной и величественной музыке. И опять именно женский образ является ярким представлением одной из форм мировой души Н.А. Римского-Корсакова, а именно формой «апофеоза морального героизма».

Философско-музыковедческие работы И.И. Лапшина свидетельствуют об открытости его познавательного опыта. Перспективным в вопросе некоторого особенного музыкального мышления русского философа считаю исследование архивных работ и личной переписки И.И. Лапшина с В.В. Бельским, М.Н. Римским-Корсаковым и А.Н. Римским-Корсаковым.

Литература

1. Лапшин И.И. Заветные думы Скрябина. Петроград: Мысль, 1922. 38 с.
2. Лапшин И.И. Музыкальная лирика Римского-Корсакова // Римский-Корсаков: два очерка. Петербург: Гос. акад. филармония, 1922. С. 47-74.
3. Лапшин И.И. Философские мотивы в творчестве Н.А. Римского-Корсакова. Санкт-Петербург: тип. Э. Арнольда, 1911. 21 с.
4. Лапшин И.И. Художественное творчество. Петроград: Мысль, 1922. 332 с.

Третье заседание

Спицын Д.Р.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ЭСТЕТИКА СМЕШНОГО В ОБЛАСТИ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ В.Я. ПРОППА

Теория смеха Владимира Яковлевича Проппа получила название «Проблемы комизма и смеха». Работа не была завершена и была опубликована уже после смерти Владимира Яковлевича усилиями его вдовы. Одна из крупных исследователей жизни и деятельности Владимира Яковлевича

Э. Уорнер писала, что труд не привносит ничего дополняющего теоретическое мышление Проппа. В исследовании видна схожесть метода с предыдущими работами: стремление к целостному изучению проявлений вида смешного вида из объёма изучаемой области. Как из всех сказок он выбрал волшебную, так и из всех представленных видов смеха учёным был выбран смех насмешливый.

В.Я. Пропп выделил недостаток существующих эстетик и поставил перед собой цель конкретизировать смешное с помощью индуктивного метода, обратить внимание читающего на то, что является причиной смеха и делает вещь, ситуацию или человека смешным.

Вместе со стремлением учёного преодолеть отрыв от жизни и абстрактность в определении сущности смешного, работа наполнилась формулировками и изъяснениями, показывающими то, что синхронный анализ явлений смешного в жизни и литературе хоть и может указать на схожее в насмешке и дать возможность отстроить рабочую гипотезу, но не позволяет себе объяснения индивидуальности человеческого восприятия смешного.

Смех понимается Проппом как присущее человеку. Именного с этого он начинает путь к ясному, конкретному теоретическому пониманию смешного. Вместе с делением насмешливого смеха на типы, Владимир Яковлевич производит деление людей на смеющихся и не способных смеяться. В тексте мелькают производные от понятия «дух», обозначая волю и интеллект человека, его внутренний регулятор чувственного восприятия. Так же были описаны моральные границы насмешки, склонность к нарушению которых имеется, как выразился Пропп, «у морально недоразвитого человека.»

Работа В.Я. Проппа помимо внушительного объема разборов комизма в литературе, обладает антропологической осмысленностью, этической оценкой комического, а также ставит в себе вопрос о понимании смеха как индивидуально-личностного проявления. Это достаточно широкий перечень охваченных областей, разбор которых нуждается в реализации.

Литература

1. Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 144 с.
2. Мартынова А.Н. Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 265 с.
3. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 288 с.

КРУГЛЫЙ СТОЛ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ФИЛОСОФИЯ КОМИКСА: РОССИЙСКИЕ ЛЕПТЫ»

Щербаков И.Т.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгородская Духовная Семинария (с миссионерской направленностью)
(Белгород, Россия)

РУССКИЙ КОМИКС: ОТ ЭКЛЕКТИКИ И КОПИРОВАНИЯ К САМОБЫТНОСТИ

Русский комикс это явление крайне интересное, масштабное и мало изученное. Связано это с целым рядом причин, а также стереотипов. Так, например, одни полагают, что комикс это что-то новое, пришедшее к нам из-за рубежа и чуждое нашей культуре по существу. Другие полагают, что комикс вообще и русский комикс в частности это нечто детское, примитивное и несерьезное, а потому не заслуживающее внимания. Третий наивно полагают, что русский комикс не может быть самобытным, а лишь перерабатывает и копирует то, что есть за пределами страны. Четвертые вообще не предполагают того, что русский комикс существует.

В текущем кратком обзоре мы попробуем развенчать все эти стереотипы, а также продемонстрировать многогранность русского комикса. В первую очередь необходимо начать с генеалогии русского комикса. И если отбросить в сторону попытки приписать к отечественному комиксу летописные миниатюры, житийные клейма и прочие графические изображения, встречающиеся в русской культуре, то мы обнаружим первую серьезную попытку становления русского комикса за пределами России. В ходе известных исторических событий последовавших после 1917 года огромная часть творческой интелегенции оказалась за границами России. В их числе оказалась группа художников, которая начала работу над адаптацией классических произведений литературы, а также исторических событий. Долгое время этот труд был неизвестен русским читателям, однако благодаря труду инициативных граждан эти комиксы собираются и реставрируются. В рамках издательства «Черная сотня» издано три тома этих комиксов общим объемом около 800 страниц. При этом работа продолжается и по сей день [Русский комикс 2017].

Минуя ранние попытки в Советском Союзе зайти на территорию комикса, мы должны сказать о комикс журналах «Муха» и «Велес». Парадоксально, но эти журналы появились не в столичных городах, а за сотни километров от них в Сибири. Оба журнала близки к андеграундному комиксу Америки 70–80-х. При этом глядя на них сегодня можно удивиться и многообразию представленных жанров, и количеству авторов. Журнал «Муха». Первый журнал в СССР и России. Аудитория: 18 и старше. Количество номеров: 21. Журнал «Велес». Наиболее крупный журнал. Издавал разную продукцию. Аудитория 16+. Всего 16 сборников [История комиксов в России 2023]. Оба журнала просуществовали недолго, но внесли огромный вклад в развитие индустрии. На текущий момент над журналом «Велес» идет работа по переизданию избранных историй.

Следующий краткий этап это появление издательств, перевод и издание зарубежных комиксов, манги и графических романов. Важно отметить, что с развитием этой индустрии и появлением качественных работ из-за рубежа растет и качество русского комикса [Панферова 2020, с. 158]

Именно здесь начинается финальный на текущий момент этап развития русского комикса. Авторы начинают анализировать способы подачи материала, визуальных решений, организации бизнес модели. Здесь мы должны отметить, что именно с этим связаны вопросы об уникальности русского комикса, поскольку очевидно наличие копирования и эклектики.

Если попытаться, как-то классифицировать все эти примеры, то можно выделить четыре группы: 1) Прямое копирование: авторы копируют и технику, и концепцию; 2) Адаптация: авторы копируют технологию но концепция и исполнение уникально; 3) Интерпретация: Уникальная технология, но заимствованная концепция; 4) Переработка: уникальная технология и уникальная концепция [Скороходова 2018]. К примерам прямого копирования можно отнести те комиксы, в которых ничего не выдает «русскости» автора (Комикс «Бо плюшевый гангстер», «Лучадо рохо», и т. п.). Примером адаптации можно считать большую часть продукции издательства Bubble. Это издательство взяло модель крупных американских издательств по типу «Marvel», «DC», «Vertigo», «DarkHorse» [Марков 2021, с. 93]. Примерами интерпретации можно считать комиксы, которые берут работающую концепцию и делают историю в духе «Что если бы это произошло в России». Из последнего и наиболее известного можно вспомнить комикс «Северный Паук», приносящий любимого персонажа детства детей 90-х – «Человека паука». Сложнее всего с последней подгруппой, названной нами «переработка». В эту группу входит огромное количество авторских комиксов разной степени оригинальности. Усложняет весь разговор о оригинальности и то, что в комиксе как правило присутствуют такие элементы как «камаж», «визуальная отсылка», а также то, что авторы могут подражать манере своего любимого художника или сценариста. Справедливости ради, вопрос о плалиате вставал и в американской комикс индустрии [Володарская 2022].

Начиная с 2012 года вышло огромное количество комиксов. Вот краткий список наиболее известных издательств и их произведений: «Bubble» (линейки «Майор Гром», «Бесобой», «Экслибриум» и др.), «КомФедерация» («Фронтир», «Ниндзя-Гаттер»), «Комильфо» («Дешево и сердито», «Голубь Геннадий», «Серые будни магов»), «Wizart Comics» («Новый Центурион», цикл «3 сентября») «Molot Hardcorp» («Паша Техник», «Дитя Тьмы», «Бычий Цепень»), «Alраса» («Илья Муромец», «Дело принципа», «Фронт 14-17», «Руссы против ящеров», «Кыштымский карлик»), «Терлецки Комикс» («Собакистан», «Роман, победитель ласточек», «Человек-Пила», «Пятьдесят лет любви», «Гигантские муравьи Новосибирска»), «Metamodern Comics» («Годзилла против Хабиба Нурмагомедова») [Садуов 2019, с. 276].

Говоря о жанровом разнообразии, мы должны сказать, что у нас на текущий момент имеются короткие истории синглового формата, истории-новеллы, объемные графические романы. В индустрии имеются примеры классической супергероики, альтернативной супергероики, адаптация классических произведений. Сценарно мы так же наблюдаем жанровое

разнообразие от хорора до сказки, от метафизических и философских произведений до минималистических-медитативных миниисторий, от классики до «пост» и даже «метомадерна». Бессспорно, все это рассмотреть в рамках краткой статьи едва ли представляется возможным. Но вместе с тем на фоне происходящих в мире событий нельзя не отметить интерес к отечественному комиксу, который становится реальным, а не фиктивным импортозамещением, в узком смысле, а в широком смысле является чем-то самобытным и уникальным.

Литература

1. История комиксов в России. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_комиксов_в_России (Дата обращения 21.11.2024)
2. Bubble Comics. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Bubble_Comics#:~:text=Bubble%20Comics%20-%20специализирующийся%20на%20комиксах,издательством%20оригинальных%20комиксов%20в%20России. (Дата обращения 21.11.2024)
3. Садуов Р.Т. Опыт североамериканской комикс-индустрии в организации производства современного российского массового комикса // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 1. С. 274-285.
4. Панферова О.Ю., Мжельская Е.Л. Графический роман в репертуаре российских издательств // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 24. С. 156-170.
5. Маркова М.В. Особенности трансформации супергеройского комикса в российском культурном пространстве: на примере BUBBLE Comics // Вестник РГГУ. 2021. № 9. С. 87-100.
6. Володарская А. Плагиат и сходства в индустрии комиксов. URL: <https://deziign.com/project/85c83c72818249d980e5c513bfe702db> (Дата обращения 21.11.2024)
7. Скороходова Н. Заимствования в российском комиксе. URL: <https://hsedesign.ru/project/f35a5086b9784639991ae90d9296b1d6> (Дата обращения 21.11.2024)
8. Русский Комикс Югославия. Издательство черная сотня. URL: <https://chernaya100.com/russian-comix> (Дата обращения 21.11.2024)

Болдырева А.А

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)

ВСТРЕЧА «ДВУХ АВТОРОВ» В «СТРАНЕ САМОЦВЕТОВ» ХАРУКО ИЧИКАВЫ (市川春子)

В нашем сегодня мы имеем замечательную «автомагистраль» под названием глобализация. Она открыла нам новые просторы для полёта мыслей и диалога между культурами. Говоря об отечественном комиксе, нельзя не сказать о азиатских приливах манги, которые, несомненно, запустили процесс активного развития графического романа в России, особенно в последнее время. Сейчас азиатская культура достаточно часто вливается в нашу будничную жизнь и, конечно, оказывает влияние. Очень интересно

проследить возможность диалога между культурами, как происходит восприятие и что нам может дать графический роман в этом случае.

Почему я говорю об «двуих авторах»? В первую очередь это связано с тем, что произведение после выхода в свет приобретает второго автора в виде наслаждения смысловых нагрузок интерпретаторами, читателями. А также, как отмечал Михаил Михайлович Бахтин - любой текст пишется для кого-то, адресуется другому, а значит в своей основе имеет установку на него и этим корректируется, из чего следует со-творчества автора и его читателя. Почему именно манга «Страна самоцветов» Харуко Ичикавы (市川春子. 宝石の国)? Считаю это отличным примером для демонстрации того, как думает автор и что видит читатель и за счёт того, что в данном случае встречаются две разные культуры: Японии и России, пример становиться более выразительным.

В чём же проявляется контраст? В том, что мы встречаемся с буддизмом, а именно через направление «Чистой земли» и также понятными для нас вечными вопросами жизни и смерти, «Что человека делает таковым?» и, в принципе, человечности как таковой. Но вначале немного информации о манге и погружение в её мир. «Страна самоцветов» (яп. 宝石の国 Хо:сэки но куни) – манга Харуко Ичикавы, выходившая с октября 2012 года и закончилась совсем недавно, в апреле этого года. Достаточно известная работа, которая имеет и анимационную адаптацию. Мироустройство истории во многом ложиться на представление о «Чистой Земле» в амидаизме - одной из школ поддерживающая учение о будде Амитабхе (Амиды). Отличия есть в том, что в учении 7 самоцветов всего и из них состоит вся земля, природы как таковой нет. В манге мы же имеем 28 кристаллических персонажей и живут они на единственном материке по среди океана, имеют горы, леса и смену времён года.

Стоит сказать, что Синран Сёнин [Shinran Shonin 1997] различал два аспекта Чистой Земли Амиды на:

1) Исполненную или Истинного Воздаяния. (Как говорил Мастер Шаньдао, рождение в Исполненной Чистой Земле называется "непостижимым рождением", и все рожденные там" наделены качествами Естественности, Пустоты и Бесконечности". А иметь «качества Естественности, Пустоты и Бесконечности» значит стать Буддой или достичь Совершенного Просветления.)2) Преобразованную. Вторая имеет несколько определённых частей, которые мы можем соотнести с местами в манге: Окраинная Земля (Хэндзи), которую можно соотнести с природой, где обитают живые существа например улитки, Замок Лености и Гордыни (Кимэн) - он схож с Луной, где живут духи-Луняни, Замок Сомнений (Гидзё) - можно соотнести с домом всех самоцветов и Дворец Чрева (Тайгу) - в стране самоцветов есть Пуповина - это место появления всех кристаллических существ. Как говориться те, кто совсем не готов к спасению, будет там проходить очень постепенную подготовку, находясь в закрытом бутоне цветка лотоса, и только когда он очистится от наиболее глубоких пороков, цветок раскроется, и он сможет слышать и видеть Будду.

Истую землю ещё называют Страной Высшей радости – это последний рубеж перед Нирваной. Тут сразу видим параллель с названием манги «Страна самоцветов». Кроме самих кристаллических существ там существуют ещё два

разумных вида: Луняни и Улитки. Что соответствует представлению о трёх мирах в школе Чистой Земли: *чувственный мир* или «мир желаний», где рождаются животные, *своеобразный ад* - дом преты (голодных духов), где нет местопребываний и обретение рождения лишено материальной предметности, а «индивидуальность» представляет собой поток сознания, наделенный жизнеспособностью и *мир форм*, где в божественной форме рождаются праведники, отречившиеся от влечения к вкусу и запаху материальной пищи.

Эти три вида ещё можно соотнести с тремя греховными ядами в буддизме: **Лобха** - жадность или желание. К нему можно отнести разумных улиток, которые изначально имеют потребности. **Моха** - «заблуждение» или «слепота». Самоцветы очень хорошо под неё подходят, т.к. у них есть наставник Адамант и он скрывает от них информацию о прошлом мира и его связь с Лунянами. При этом кристаллические существа это понимают, но предпочитают закрывать глаза. **Двеши** - Ненависть. Под неё подпадают Луняни, т.к. они нападают на самоцветы, уносят их на луну и стирают их в порошок. Очень позитивно я знаю. В чём вся соль? Это всё части человечества.

Есть поверье, что, когда люди, не пережив катастрофы и ушли в море, они разделились на 3 части: плоть, кости и дух и пошли своими путями. Луняни – это духи людей, которые должны были отправиться в Нирвану по средствам молитв специальной машины, которой является Адамант, но он сломался. Поэтому Луняни пытаются как-то повлиять на свою молитвенную машину и украшают луну дорогими для неё самоцветами. А ещё они поработили расу разумных улиток и эксплуатируют их как скот-рабов. Очень по-людски скажите?

И куда же без Будды. Его место в манге заняла главная героиня Фосфофильт. С самого начала она хотела стать равной другим самоцветом, приносить пользу, но из-за своей хрупкости и неуклюжести ни одно занятие ей не подходило. Всё, что было у Фос это упрётость, стремление только вперёд, что является ключевым в традиции Чистой Земли - начало коренится в воле, в твёрдой решимости одного из бодхисаттв (будущих Будд). В итоге героиня начала больше узнавать мир, проникаться к нему, узнала тайну взаимоотношений Лунян и Адаманта, историю людей и ей захотелось всех спасти. Это соответствует Авалокитешваре – «будде сострадания», который является эманацией будды Амитабхи.

Также Амитабхи присущи определенные внешние атрибуты и символы, и его женское соответствие - Пандаравасини (супруга будды Амитабхи). Имя её переводится как «Облечённая в белое» и ассоциируется с символикой об одеянии, сотканном из камня, очистить которое может только огонь. Пандаравасини представляет сущность стихии всевмещающего огня, чистоту и совершенное сострадание. Что соответствует конечной форме Фос после достижения своей цели.

Почему героиня трансформируется так сильно? По ходу всей истории Фосфофильт постоянно жертвует собой в пользу других. Ей приходиться заменять разные части своего тела на другие минералы или металлы, идёт постоянное изменение. В конечном итоге Фос совмещает в себе все части прошлого человечества: агат из раковины Акулеатуса - представитель разумных улиток, жемчужину полученную от Лунян и сама является самоцветом.

В амидаизме разработана концепция двух путей, ведущих к спасению: «Путь трудных поступков», заключающийся в попытке достичь

освобождения, опираясь только на собственные усилия и требующий определённого героизма («не развернуться и не отступить»), что и делает Фос узнав всю правду и «Путь легких поступков», ориентированный на «силы Другого», что и делают все остальные, помогают главной героине. Ну, а если не копать так глубоко, то внешне Луняни похожи на буддийские изображения людей, духов, Богов и Будд, а Адамант и есть батхисаттва, правда имея привязанность к самоцветам он не может стать буддой. **Тогда можно сказать, что всё понятно - перед нами попытка переосмыслить древнее учение, вписать её в современное понимание. Но что может быть человечнее чем вера и философия, как таковая?** (выделено нами)

Тут мы подобрались к главной причине возникновения произведения. Хуруко Ичикава говорила в одном из своих интервью в 2016 года, что целью своей работы является попытка в первую очередь для себя понять «Что нас делает людьми?» и, если не найти ответ, хотя бы немного к этому приблизиться. И правда, что может помочь лучше понять человека, если не попытка очеловечить камень, который не имеет ничего общего даже с животными. И как автор реализует это всё? Покажу на примере нескольких тем и их развития в манге.

Раз заговорила о вере то с неё и продолжу. Согласитесь, что только у людей присутствует вера в себя, свои силы и светлое будущее без каких-либо адекватных причин. Причём человек всеми силами старается это доказать, реализовать. Фос яркий пример этого вечного стремления. Являясь почти самым хрупким из самоцветов, самой неуклюжей и непригодной для многих занятий в начале, она постоянно стремится это исправить. А все вокруг напоминают и указывают на её неспособности, но её это не останавливает. Ради достижения своей цели она готова потерять руки, ноги, свои воспоминания.

Это вечное стремление приводит к постоянным изменениям, в этом и заключается вся жизнь и равно ко всему. Но именно человек способен настолько сильно меняться, впитывать не просто что-то, а иногда совершенно противоположное. Фосфофильт прямо воплощения этого. Тут кстати встаёт вечный вопрос «корабля Моисея», если заменить и изменить все части одного объекта, останется ли он прежним? Что определяет сущность одного и другого.

Опыт определённо определяет человека, его воспоминания становятся частью его «я» и, если утратить их или заменить, насколько это изменит сущностное ядро? Хороший вопрос. И в этом своя ценность истории, прошлого времени, кто если не люди так лелеют воспоминания? Ичикава тоже нам показывает эту важную составляющую символически, через искусство **кинцуги** - японское искусство реставрации керамических изделий с помощью лака, смешанного с золотым, серебряным или платиновым порошком, при котором делается акцент на трещинах - истории предмета. Ошибки, сколы и трудности очень сильно влияют на нас будущих. Также это прописывается и текстом в моментах, когда именно память о прошлом, обещаниях и близких формирует личность, её стремления и установки. Если бы главная героиня забыла о Киноварь, которой она хотела помочь ещё с первых глав, что её и толкало вперёд на новые действия, если бы не память о Антракци, которую забрали по вине Фос... Главной героине не было какой мы её знаем сейчас.

И тут сразу встаёт вопрос о взаимоотношениях с другими, потребности в ближнем. Этот момент есть и у социальных животных, но у людей это уходит в духовную сферу и как у главной героини воплощается через стремление быть полезной, признанной, помогать окружающим. Вот такие этические моменты тоже очень щепетильны. Но как говорит ХарукоИчикава: «Я всегда считала, что то, что делает человека таковым – это ничто иное как его возможность к "Работе". Без работы, без возможности как-либо быть частью социума, тебе будет сложно понять свою цель жизни» [Интервью с ХарукоИчикавой], а стремление к той самой цели и делает нас людьми, а это по мнению автора невозможно без выявления своей пользы в окружающем мире.

И тогда это фокусирует нас на опыт познания себя через объекты вокруг и это интересная непривычная мысль для нас. В японской культуре это довольно обыденно. Если мы посмотрим, то любая история там называется **моно гатари**, что обозначает «вещь» и «видеть». Любое произведение текстовое – это повествование говорящих вещей и в этом кроется интересная оптика - виденье себя через вещи, окружение. И в манге это воспринимается очень естественно и бессознательно за счёт символического языка - главные персонажи – этокристаллы, камни и взаимодействуют они с себе подобными, другие вещества (метал, минерал) влияют на них, изменяют. Мы все знаем, что окружающая среда на нас влияет, но много ли кто так глубоко задумывается об этом? А тут мы сразу это считываем. Но самый уникальный и простой приём в «Стране самоцветов» это пустота, минимум объектов и концентрация на главном - самоцветах, их сущности, что и помогает сразу улавливать многие тонкости без особого проникновения в обе культуры.

«Страна самоцветов» является одной из лучших площадок для диалога культур и со-авторства. В своём выступлении я чётко отметила буддийскую основу, эстетику пустоты, искусство кинцуги и чёткий голос вечных вопросов, центральным из которых стал: «Что нас делает людьми?». И тут стоит сказать, что все культурные мотивы может автор и не хотел-то особо показывать, просто это основа его восприятия и я как исследователь из другой культурной среды смогла это так чётко выделить. Это можно сравнить с человеком, который привык к запаху духов и не чувствует его, но окружение сразу это подмечает. Поэтому мой подход возможно создал новую строчку в смысловом содержании данного произведения и стала некоторым соавтором, т.к. мангака и не вкладывал его сознательно. Тут можно вспомнить Юрия Михайловича Лотмана, нашего отечественного литературоведа, который объяснял подобное явление через то, что «сама культура может рассматриваться как сумма сообщений, которыми обмениваются различные адресанты» [Лотман 1992, с. 87] и вот это бессознательное проявление есть сообщение, отправляемое коллективным «я» человечеством данной культуры через себя самому же себе. Таким образом творчество в одно и то же время продляет традиции и вносит что-то новое и в следствии происходит обогащение в нашей случае уже мировой культуры.

Кстати говоря, М.М. Бахтин высоко ставил интерпретацию, считая её формой диалога интерпретатора и автора произведения. Но результат, по его мнению, будет уже или чересчур глубже первоначального смысла (первое в случае рационализации смысла, второе в случае философско-художественной

обширной интерпретации). В следствии получается, что существует общепонятная система знаков, позволяющая идентифицировать текстовое значение, и индивидуальная, неповторимое смысловое содержание. В итоге текст диалогичен, то есть предполагает, помимо автора, наличие второго субъекта - читателя, который должен воспринять текст и ответить на него. Но тут интересна сама позиция Ичикавы. Она относиться к произведению как к отдельной сущности, в отрыве от себя. О чём часто упоминает в своих интервью, говоря, что манга это некоторое её исследование, сама неизвестность, которую она пытается понять. Произведение живёт своей жизнью, и автор сам в конце становится сторонним наблюдателем, субъектов, как и мы с вами. В таком случае мы становимся обладателями близкого права на наполнение смысловым весом манги, наделяя её ценностью и производим со-творчество, становясь соавторами. Этот опыт можно переложить и на другие подобные произведения.

Харуко Ичикава считает, что «люди не могут полностью понимать друг друга. Полное понимание означает, что нет никого другого, кроме тебя» [Ichikawa Haruko Interview 2010] и в этом я полностью с ней согласна, поэтому «два автора» [Бахтин 1986, с. 301] всегда будут существовать и любое произведение будет глубже, чем планировалось. (10 октября 2010)

Заканчивая своё выступление поделюсь мнением, что на мой взгляд графический роман – это лучшая форма произведений на данный момент. Он включается в себя много визуального языка, к которому мы очень привыкли, часто он универсален как для культур, так и для поколений, но при этом имеет текстовую составляющую для более серьёзного и глубоко анализа, а также подобное произведение не ограничивается рамками времени, например, как фильмы или сериалные эпизоды.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества /Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 297–325.
2. Интервью с Харуко Ичикавой. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@houseki_no_kuni-intervu-s-haruko-ichikavoi (дата обращения: 07.09.2021).
3. Лотман Ю.М. Избранные статьи // Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 76–89.
4. Рубцова С.П. Проблема автора и читателя в литературном произведении // Вестник ВГУ. Сер.: Философия, 2015. № 2. С. 140–149.
5. Ichikawa Haruko Interview (Eureka, 02.2010) [Электронный ресурс]. URL: <https://dijehttranslations.wordpress.com/2021/10/10/ichikawa-haruko-interview-eureka-02-2010/> (дата обращения: 10.10.2021).
6. Shinran Shonin, A Collection of Letters, Letter 4, The Collected Works of Shinran, Shin Buddhism Translation Series, Jodo Shinshu Hongwanji-ha, Kyoto, 1997, p. 110–347.
7. 市川春子. 宝石の国. Japanese: Kodansha, 2012. Vol. 1–12.

*Научное электронное издание
сетевого распространения*

**ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТРАХОВА**

Сборник материалов XIII видеоконференции
(программа, тезисы выступлений, доклады)

Белгород – Москва – Санкт-Петербург

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: А.Н. Оберемок
Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано к использованию 18.12.2025.2025.
Гарнитура Times New Roman. Объем издания – 7,64 МБ
Оригинал-макет подготовлен в ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48